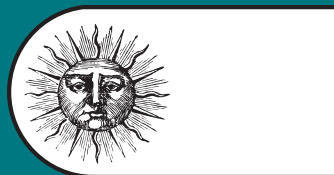

А.М. Дорохов

ПРОШУ СЛОВА...

ИНЭС
МАИБ
2007

А.М. Дорохов

Прошу слова...

Москва
Институт экономических стратегий
Международная академия исследований будущего
2007

УДК 82-311.6
ББК 84(2)-44
Д695

Разработка серийного оформления обложки: Б.Д. Шульгин

РПП ИНЭС Р15/07

ISBN 978-5-93618-130-6

© А.М. Дорохов, 2007

© Институт экономических стратегий, 2007

© Международная академия исследований
будущего, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово к читателю	
<i>Вступительное слово В.А. Золотарева</i>	5
Земля героев	
<i>Вступительное слово А.И. Агеева</i>	6
Предисловие	8
О себе, родителях и семье	14
На марше	33
Первый урон	36
На передовой	38
Бои за Хлебтово	47
Курская дуга	55
Бои за Дмитровск	57
Бой за Речицу	66
Раковичи	68
Новогодний «сюрприз»	93
О неоправданных потерях	96
Встреча и расставание	101
Штрихи к портретам	104
Долг и обязанность	118
О взаимоотношениях	120
Небольшое отступление	132
А ягоды... потом	136
Срочный вызов	142
Поди... докажи!	151
Из атлантов – в... гномы	155
Послесловие	164

Слово к читателю

*На ком же держится Великая Россия,
Цивилизий верная мессия?
На Ивановых, на Петровых,
Агеевых, Абросимовых, Казаковых...
Но есть еще фамилия родная,
Земле российской верная такая:
Ее сыны под Рымником сражались,
И у Кутузова в разведке отличались.
А грянул гром, пришла пора —
И Дороховы, как всегда,
За Русь святую грудью встали
И силой духа защищали,
И вражьи орды истребляли
Под Курском, в Руси Белой
С единой светлой русской верой,
И дальше, в Речи Посполитой,
Советской кровушкой политой.
Да будет Дороховым честь,
Прославят род их правнуки и внуки,
И в этом смысл глубокий есть —
Пусть их минуют волны горя, муки!*

Апрель 2007 г.

В.А. Золотарев, доктор исторических наук, доктор юридических наук,
профессор, академик РАЕН, вице-президент РАЕН, президент
Международной академии наук о природе и обществе, действительный
государственный советник РФ I класса, начальник Института военной истории
Министерства обороны РФ (1993–2002 гг.)

Земля героев

Самому юному участнику той Великой войны сегодня уже за 80... Уже смягчилась, а в чем-то и навсегда исчезла вражда бывших непримиримых противников. Но чудовищный парадокс нашего времени в том, что герои войны, достойные всех государственных и общественных почестей, хотят успеть сказать свое неповторимое слово, но они принуждены ПРОСИТЬ об этом!

Земля и герои – категории большого калибра, к которому последние годы мы обращаемся редко и с некоторой опаской. Одни – чтобы не истрепать, не опозлать нечто важное, скрытое в них; другие – чтобы не обязать соответствовать высшим стандартам; третьи – просто в силу небрежения к высокопарным словам или их полного неприятия. Но не в моде теперь высокие понятия. «Патриотизм» низвели к «прибежищу негодяев», «героизм» – к анекдотической наивности, «ратное дело» – к ненужной обузе для карьеры и т. д. На наших глазах в новое лихолетье развернулась эпидемия фальсификации слов. Вглядишься в иную речь или текст, правильные по форме, а за глянец – пустота, обман, гниль, фальшь. Там, где уместна тишина, где достаточно молчаливого мужского рукопожатия – оглушительный пафос речей, суетливость пиаровских ходов. Вместо подлинности – разгул подделок и имитаций. А ведь в начале всего было и есть Слово. Эрозия ценностей, смыслов, Слова – это путь к варварству, к оскотиниванию, утрате человечности.

И все же сама по себе жизнь протекает независимо от искажений ее смысла. Важнейшими остовами сохранения самой человеческой жизни в любых, самых невыносимых обстоятельствах являются Земля и Герои.

Земля – это фундаментальное понятие в нашей жизни. Много несправедного в ней произрастает из изуродованности нашего отношения к земле во всех ее проявлениях. «Обнаженные нервы земли неземное страдание знают» – с беспощадной точностью выразил поэт.

Но с землей связаны и наши глубинные надежды. Ведь «кто сказал, что земля умерла? Нет, она затаилась на время». И наш русский оптимизм – это не восторг от невежества, незнания или ослепления чем-то. Оптимизм – это прежде всего уверенность в праведности своих Дела и Долга, сообразных изначальному Слову.

Жизненные обстоятельства зачастую принижают планку требований к нашей личной повседневной ответственности. Кажется, что лишь пограничные ситуации, условия на грани жизни и смерти, условия войны располагают к героизму. Но это не так. Непрерывающийся вихрь природных и социальных катаклизмов ставит практически перед каждым из нас едва ли не каждый день в любом месте вечные вопросы: «что делать? кто ты? что и кто для тебя важен? за что тебе стыдно? что для тебя неприемлемо или недопустимо? хорошо и плохо? порядочно и недостойно? честно и позорно?»

Пространство героизма сегодня – не обязательно театр военных действий. И герои – это не только признанные государством и обществом кавалеры орденов, медалей, номинаций и премий. Герой – это тот, кому мы сдержанно, но от всей души пожали бы руку, сказали бы «спасибо», с кем сочли бы за Честь быть знакомыми, брать пример с кого наставляли бы детей и внуков, о ком хранили бы благодарную память всю нашу жизнь.

Александр Михайлович Дорохов – давний друг нашей семьи. Редкие встречи с ним в круговерти десятилетий озаряли нашу жизнь и именем, которым меня называли в его честь, и советами, и человеческим участием, и принципами отношения к людям, поступкам, времени. Пройти войну и жизнь «честь по чести» – в этой формуле главный принцип Дороховых – да будет им Честь!

Май 2007 г.

А.И. Агеев, генеральный директор Института экономических стратегий РАН,
президент Международной академии исследований будущего,
доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мои воспоминания о Великой Отечественной основаны только на собственном опыте. На передовой был с января 1943-го до августа 1944 года, то есть один год и восемь месяцев. Мой военный путь – от рядового солдата, подносчика боезапаса, до гвардии сержанта стрелкового батальона, командира отделения 37-й гвардейской, дважды Краснознаменной, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого Речицкой стрелковой дивизии. Принимал участие в битве на Курской дуге и в операции «Багратион» по освобождению Белоруссии. Война для меня закончилась в конце августа 1944 года в Польше. У американских индейцев существует поговорка: «У меня есть две вещи, которые никто и никогда не отберет. Первая – это то, что я съел. Вторая – то, что я видел». Эта поговорка, по-моему, как нельзя лучше подходит для рассказа о том, что я видел собственными глазами, что слышал собственными ушами, в чем участвовал, как воспринимал и принимал происходившее вокруг: жизнь и быт солдата на передовой, в наступлении, обороне, отступлениях и контратаках. И конечно, о военно-полевых судах, штрафных батальонах,

Сразу прошу извинения у читателя за стиль и манеру повествования. Я не писатель, не журналист, я рассказал о войне языком солдата. Отдавать написанное специалисту – править, литературно обрабатывать – не захотел. Лакировка, приглаживание, замена оборотов и даже отдельных слов и выражений привели бы к изменению и тона, и смысла того, о чем хотел рассказать. Пусть будет так, как получилось.

Мысль рассказать о прожитых военных днях, о фронтовых буднях все чаще и настойчивее приходила ко мне. А о чем рассказать? Ведь уже столько написано о войне. Ты, конечно, знаешь о подвигах панфиловцев, грудью заслонивших подступы к Москве, о мужестве и стойкости защитников Сталинграда, об Александре Матросове, Зое Космодемьянской, Николае Гастелло, о сотнях и тысячах известных и неизвестных героев.

Может быть, рассказать о скромном, я бы даже сказал застенчивом, мальчишке Семене Кульбякине, моем земляке? Он бесстрашно вступил в рукопашную схватку с фашистами на Курской дуге, ворвавшись в немецкую траншею в деревне Хлебтово. Этот с виду неказистый паренек из небольшого заволжского села в Саратовской области оказался богатырем. Он первым из нас бросился в атаку и в рукопашном бою, действуя штыком и прикладом, уничтожил пять фашистских солдат. Семен никогда и ничем не выделялся среди нас, разве только чересчур скромным и тихим, покладистым характером. Что бы ему ни поручили, с какой бы просьбой к нему ни обратились, Семен никогда не отказывал. До нас дошел слух, что за свой подвиг он был посмертно представлен к званию Героя Советского Союза. Получил он это звание или нет – не знаю, я пытался найти его в списках Героев Советского Союза, но не нашел. Школа, в которой он учился, носит его имя.

Можно рассказать о нашем общем любимце киевлянине Иване Филипповиче Дризаче, командире нашей роты, энергичном, удивительно подвижном человеке, который заботился о нас, как о детях. И в походах, и в боях он воодушевлял нас теплым словом и личным примером. Будучи раненым, он не покинул поле боя и погиб как герой. Он остался навечно в братской могиле в Орловской области.

Можно рассказать о том, как рвались мы, юнцы, на фронт, а попали в училище, и нашему огорчению не было предела. Или о том, как замерзали в поле, в тылу, потихоньку поругивая командиров за то, что они заставляли нас затаиваться и лежать суровой

зимой 1942 года в снегу до окоченения, бегать и ползать в нем до изнеможения. Все мысли были тогда: «Скорее бы туда, на фронт». Казалось, там все будет проще. О чем же рассказать тебе, мой уважаемый читатель?

Да мало ли о чем можно рассказать! Именно рассказать... Вот если бы расположиться на лесной поляне или лужайке, а то и в обыкновенной солдатской курилке... Тогда другое дело. В такой обстановке один эпизод как-то возникает сам собой за другим и беседа льется, словно журчащий ручей. Но написать?! Стоит только взяться за перо, как мысль начинает путаться, а то и вовсе исчезает, как у новичка, впервые вышедшего на трибуну. И тем не менее попробую. Не суди, читатель, строго, ведь нет ничего суровее суда читателя.

Как солдат и ветеран хочу поделиться теми чувствами и мыслями, которые владели нами – молодыми, еще не обстрелянными солдатами, хочу поведать о том, что испытывали, вступая в первый бой, о морально-психологическом настрое в те тяжелые годы войны, о том, как постепенно, шаг за шагом приобретался солдатский боевой опыт.

Вы когда-нибудь замечали, как едва уловимо доносится гул приближающегося поезда? Он быстро нарастает и, словно гигантская волна, наваливается на вас, заполняя все пространство вокруг грохотом колес, пронзительным гудком и шумом свистящего пара. Примерно так до нас, курсантов Симферопольского пулеметно-минометного училища, доходил слух о приближающейся отправке на фронт. Мы с нетерпением ждали этого дня. А пока в наскоро подготовленных кабинетах и классах (училище с началом войны было эвакуировано из Симферополя в город Балаково и расположилось в школе), на полях вокруг небольшого заволжского городка, где построена гидростанция, мы, курсанты училища, овладевали премудростями военного дела, учились вести бой с «противником». И роптали на излишнюю, как нам казалось, придирчивость командиров, когда они делали нам замечания, что мы неплотно прижимались к земле, ползая по-пластунски, или недостаточно

стремительно отрывались от нее для броска и перебежки вперед. Но как все это пригodiлось потом! Они-то, сержанты, старшины и офицеры, уцелевшие в Сталинградском сражении, знали по собственному опыту, что требует от воина передовая.

Мы были чуть ли не уверены, что нас напрасно держат здесь так долго. О, у молодого человека зачастую уверенности хоть отбавляй! Недаром говорится, что «в восемнадцать лет у юношей больше шипов, чем роз». Ну и колючими же мы были тогда! Но как глубоко мы заблуждались! Родина по-отечески делала все, чтобы мы, 17-летние юноши, только сошедшие со школьной скамьи, научились с наименьшей кровью и потерями выигрывать будущие сражения. Это стало ясно потом, а тогда... Тогда было только одно стремление – скорее на фронт. И вот настал день, когда слухи о предстоящей отправке на фронт стали реальностью. Конечно, ни день, ни час, когда двинемся, мы не знали. Но в одну из морозных декабрьских ночей сурового 1942 года нас подняли по тревоге. После короткого митинга стройными колоннами, под звуки оркестра, грянувшего в ночной тиши «Вставай, страна огромная...», курсанты двинулись в путь. Весь город Балаково вышел провожать нас. По льду, через Волгу, к утру дошли до станции города Вольска. Там нас погрузили в товарные вагоны. Куда едем, никто не знал.

Прибыли в город Балашов Саратовской области. Туда же прибыли остатки разбитой под Сталинградом 37-й гвардейской дивизии. Восполнить ее потери должны были мы – бывшие курсанты Симферопольского пулеметно-минометного училища. Там нас вооружили. Я получил самозарядную винтовку Токарева (СВТ) со штык-ножом. Забегая вперед, скажу, что надежды она не оправдала и на второй же месяц винтовки заменили пистолетами-пулеметами Шпагина (ППШ). ППШ хорош и безотказен, у него один единственный недостаток – тяжеловат затвор и слабовата пружина. Если автомат резко опустить прикладом на землю, он открывал огонь самопроизвольно – тяжелый затвор при резком толчке произвольно опускался вниз, из круглого диска автоматически досылался патрон и следовала очередь. Со своим ППШ

я дошел до Наревского плацдарма в Польше – служил он мне безотказно верой и правдой вплоть до осени 1944 года. Уезжая с фронта на учебу, я сдал автомат, но его номер остался вписанным в мою красноармейскую книжку.

После получения оружия в Балашове мы опять погрузились в товарные вагоны и отправились в путь. Эшелон прибыл в город Елец, вернее на его окраину. Станция была разрушена, солдаты выпрыгивали из вагонов прямо в поле. Дело шло к вечеру. Багрово-красное солнце клонилось к горизонту. Только приятное поскрипывание снега под ногами, приглушенные голоса и позвякивание немудреного солдатского снаряжения нарушали стоявшую вокруг удивительную тишину. То была тишина наших русских полей. Она никак не увязывалась в сознании с бушевавшим где-то вдали огнем и смертью. До нашего слуха еще не доносился грохот идущих боев.

По-деловому, не спеша, мы приводили себя и свое оружие в порядок, словно занимались давно знакомым и привычным делом. А ведь были мы вчерашними школьниками, впервые взявшимися за оружие! Так же по-деловому, без суеты и шума, построились в колонну, выполнив необходимые команды своих командиров. Двинулись в сторону фронта. Ушли в долгую холодную ночь так же спокойно и уверенно. Эта уверенность была проявлением лишь той убежденности, что мы все равно сделаем свое дело, разобьем врага, выгоним его и вернемся домой. Это было само собой разумеющимся, не подлежащим обсуждению и не вызывающим каких-либо недоуменных вопросов. Каждый думал: «Раз надо, так надо, если так случилось. Вот сейчас пойдем и, как представлялось, прогоним фрицев, которые находятся там, вдали, где-то в огородах впереди лежавшего перед нами села, и вернемся в теплые дома к маме с папой, а потом вновь пойдем в школы и институты и снова сядем за парты». Наивно? Да, да и еще раз да, но в этой наивности не было ни тени сомнения в успехе.

Это была твердая и вместе с тем простая, не вызывавшая никаких сомнений уверенность, так и хочется сказать, в победе. Но это

не так. Я бы погрешил против истины, если бы сказал так. Слова «победа» у нас не было тогда еще на языке в том смысле, какое оно приобрело в конце войны. Его надо было выстрадать. Просто мы были убеждены: «Сделаем свое дело – и конец, по домам». А как же иначе? Иного себе никто не представлял. Уверенно и настойчиво каждый из нас твердил: «Все равно, гад, разобьем». И с этим ушли в первую боевую ночь. Но ночь оказалась слишком длинной, а «огород» таким большим, что пришлось шагать через него, ползти много дней и ночей, закалять себя физически и морально, дорогой ценой приобретая солдатский боевой опыт.

Разбив в бою противника раз-другой, мы начали постепенно понимать, что этого недостаточно, что нужна именно победа не в одном бою, а в войне в целом. Нельзя забывать, что нам было в ту пору лишь по семнадцать-восемнадцать лет и, чтобы познать всю горькую азбуку войны, требовалось время.

О СЕБЕ, РОДИТЕЛЯХ И СЕМЬЕ

Судить о человеке, его поведении и действиях можно только тогда, когда его знаешь, что называется, с пеленок, или, как еще говорится, знаешь всю его подноготную. Чем он дышит, как ведет себя с равными, старшими на работе в коллективе, в школе или в институте, в воинском коллективе. Немаловажно знать, в какой семье родился, в какой среде воспитывался человек и многое другое. Недаром народная поговорка гласит: «Чтобы узнать человека, надо съесть с ним пуд соли или сходить в разведку». Исходя из этого, представлю читателю своих родных и близких, в том числе и себя.

Моя мать Дорохова Дарья Васильевна (урожденная Пахомова) 1894 года рождения. К сожалению, не знаю, кто были ее родители. На вопрос: «Кто мой дед?» – она отвечала: «Он умер». И все. Была неграмотной, но при советской власти научилась читать и писать в рамках ликбеза (ликвидация безграмотности). Такой аббревиатурой называлась программа, введенная советской властью после окончания Гражданской войны.

Родила семерых детей. Постоянно нигде не работала, но была обязана ежегодно отрабатывать установленную норму трудодней в колхозе. Это было обязательным для неработающих, но проживающих на селе. Занималась нами, детьми, и домашним хозяйством: топила печку в доме соломой, хворостом куровника и кизяком, пекла хлеб, готовила еду, стирала и полоскала белье на реке (зимой – в проруби), штопала, подшивала и шила на ораву детей. Плюс к тому делала уборку в доме, особенно зимой и весной, когда

куры зимовали под печкой, а теленок и овца с ягнятами – около печи. Вся эта живность ела, пила и испражнялась на своем месте в доме. Зимой морозы под сорок и ниже. В сарае их не убережешь! Но всегда полы в доме были выскоблены ножом, вымыты до белизны. Чего стоило приготовить хлеб, вставая несколько раз ночью, чтобы помесить тесто. Одним словом, домашней работы хватало.

Отец Дорохов Михаил Тимофеевич 1893 года рождения. Образование – два класса церковно-приходской школы. В 1929 году в селе Малая Тарасовка, где мы жили, Саратовской области, образовался колхоз. Сельчане избрали его председателем. Помню, вечером постучали нам в окно. Позвали отца: «Михалыч, – слышу я голос, лежа не печи, – приходи на сход, колхоз будем создавать». У нас было два быка, две лошади, куры, овечки. Вот и вся живность на большую семью. Утром отец запряг быков и отвел в отведенное место. Место для лошадей колхоза нашлось только через несколько дней.

Однажды рано утром, сквозь сон услышал крик и плач матери. Братья постарше меня чуть раньше выскочили во двор. Последовал туда и я. Отец пытался удержать за поводки и узды бьющегося на земле нашего жеребца. Судороги кончились. Кто-то ночью отравил нашего выездного коня. Рабочей лошадью стала у нас старая кобыла. Она еще долго жила и трудилась в колхозе. С 1934 по 1947 год отца переводили из одного колхоза в другой, чтобы вытянуть отстающий. Отец не пил, был большим трудоголиком. Нет, не то чтобы он совсем не выпивал. Сколько я его помню, вплоть до своего ухода в армию, я не видел его пьяным.

Обычно, по праздникам, дома в компании, выпив пару стопок, он предлагал петь песни. Это он любил. Пели народные песни. Еще до сих пор некоторые остались в моей памяти. Иногда он брал балалайку, пел под нее песни и частушки. Домашними делами, в смысле ухода за животными, не занимался. Этим занимались братья – Сергей, Федор и Михаил. Когда они уехали из дома, вся эта работа легла на мои плечи. Был один небольшой перерыв, когда отца перевели совсем на другую работу. В 1938 году его

назначили заместителем директора МТС (машинно-тракторной станции) в село Жестянка. В 1942-м или в 1943 году его снова вернули в один из отстающих колхозов. Работал в селе Семеновка в такой должности до достижения пенсионного возраста.

В 1947 году я получил из дома письмо. Отец сообщил, что его отдают под суд за неправильную оплату прибывших на уборку урожая шоферов из Саратова. Это был предлог. Истинная причина была в другом. В колхоз приехал для проверки окончания уборки урожая инструктор Саратовского обкома партии. Не найдя ничего криминального, придрался к отцу: «Почему рассчитался с шоферами не деньгами, а зерном?» Отец ответил: «Так решило правление колхоза». Инструктора это не убедило. Отец попытался объяснить ему: «Шофера сами обратились с просьбой получить именно такую оплату, пообещали вывезти урожай до зернышка и в кратчайший срок, без потерь». И это не убедило проверяющего. Тогда отец просто-напросто послал его на три буквы. «Как, ты посылаешь партию на?..» Закрутилось, завертелось, отцу грозила тюрьма. Получив его письмо, я написал письмо Председателю Президиума Верховного Совета СССР. Описал все, что узнал из письма отца. Не прошло и 10 дней, получил ответ. Отец наказан – удержанием 25% из зарплаты в течение года. Ясно, такое решение принято, чтобы спасти честь партноменклатурного работника.

Забегая вперед, приведу еще один случай моего обращения в Президиум Верховного Совета СССР. Суть дела вот в чем. После окончания первого курса института нам предложили искать себе жилье в городе, чтобы освободить места для нового набора на первый курс. Ходил я с Виталием Непочатых от одной улицы к другой. Цены недоступные. Нам, конечно, платили стипендию – 550 рублей в месяц. Питались мы в институтской столовой бесплатно, как слушатели. Деньги шли на карманные расходы и на туалетные принадлежности, постельное белье, носки, платочки и т. д. Одежду – гимнастерки, брюки, хромовые сапоги, шинели – все отменного качества, из шерсти – получали тоже бесплатно. Побаловать себя чем-то вроде колбасы, сыра, молока или сметаны

не могли. Во-первых, потому что в стране была карточная система. Во-вторых, на рынке были слишком высокие цены. Достаточно сказать, что булка хлеба-кирпичика стоила сто рублей, а об остальном и говорить нечего.

Обычно, зайдя во двор дома, спрашивали у жильцов, есть ли в доме те, кто сдает комнату. И так много дней без результата. Однажды стали расспрашивать женщину. Ее ответ на наш вопрос по поводу комнаты, задел меня, что называется, за живое. «Да что вы ходите, как нищие. Вы же государственные люди, служите Родине. Пусть она и заботится о вас». Вернулся в институт. Написал письмо. Описал все, как было. Через несколько дней получил большой конверт с гербом СССР, печатью Верховного Совета, со штампом «Правительственное». В нем указано: «За ответом Вам надлежит явиться в приемную Председателя Президиума Верховного Совета СССР в такой-то день, в такой час, кабинет номер такой-то».

Назвался груздем, подумал я, полезай в кузов. Какие были тогда времена, всем известно. Нагладилса, начистилса и с тяжестью на душе и в сердце отправился. Вернусь или нет? Только открыл входную дверь – по бокам два офицера КГБ: «Вы к кому?» Получив ответ, посмотрев письмо, проверив мои документы, рассказали, куда пройти. Приняла женщина, зам. председателя. «Да, мы знаем, что некоторые граждане спекулируют своей жилплощадью (я так и писал об этом), но сейчас сделать ничего не можем. В дальнейшем мы, конечно, это учтем в законодательстве. Желаю вам успехов в учебе. Вы свободны».

Старший брат Сергей, служивший под Москвой, в Наро-фоминске, в танковых частях, с началом войны с Финляндией был отправлен на этот фронт. После окончания войны часть осталась в Пскове, куда и приехала к нему жена Катя. Там они получили однокомнатную квартиру. Приобрели кое-что из мебели, потихоньку обустроивали жизнь как могли. Задумали завести второго ребенка. Но судьба распорядилась иначе. Началась Великая Отечественная война. Жен офицеров в один день эвакуировали в Шую. Подогнали грузовик, десять минут на сборы. Да, сборы

были недолги; беременная Катя, взяв первенца Виктора на руки, документы и узелок с запасенными пеленками для будущего ребенка, закрыла квартиру на ключ и села в грузовик.

Через несколько дней после начала войны ей удалось выехать к нам, в село Жестянка, Клинцовского района Саратовской области. В 1941 году Сергей чуть не погиб в подбитом танке на Карельском фронте. Его почти замерзшего насмерть нашли подоспевшие товарищи, вытащили, привели в чувство и отправили в глубокий тыл – в Новосибирск. Вернулся он домой инвалидом в конце 1942 года.

После войны мы много лет встречались с братом. В его семье было уже восемь человек детей. С него сняли инвалидность второй группы, перевели на третью. Видимо, всем чертям и чиновникам назло он решил доказать, что бывший воин не лыком шит. Работал сначала трактористом, затем бригадиром тракторной бригады по осуществлению и претворению в жизнь сталинского плана преобразования природы: пахал, сажал, поливал, выращивая лесозащитные полосы от города Пугачева до Сталинграда, ставшие преградой на пути горячих ветров с Прикаспийской низменности.

Второй брат Федор 1915 года рождения. По образованию агроном-мелиоратор. Работал в Каракалпакской АССР. Призван в армию. Политрук в погранотряде на станции Градеково на Дальнем Востоке. В 1941 году часть бросили под Москву, где он и погиб. Был женат. У них было двое детей – девочки. С отправкой на фронт убyla с Дальнего Востока и его жена с детьми. Пока шла война, она жила у своего отца, работавшего в Караганде шахтером. Ее судьба оказалась трагической. Доставляя отцу ежедневно еду к обеду, она с дочурками переходила пути у железнодорожной станции. Однажды решила пролезть с ними под товарным составом. Поезд тронулся. Одну дочку, Элю, она успела вытолкнуть, а вместе со второй погибла.

Третьим ребенком в семье был Михаил 1917 года рождения. Окончил Саратовский сельхозинститут. В 1941 году как отлично

закончивший вуз направлен в Москву для стажировки на ВДНХ. Женат не был. Прекрасно играл на гитаре и особенно на мандолине. С началом войны вернулся в Саратов. Был призван в армию. Попал в учебный центр под Саратовом. Выучился на артиллериста. Дали звание лейтенанта и отправили на фронт.

Четвертым ребенком был я.

Пятый сын невозмутимо спокойный, несколько медлительный Семен 1927 года рождения. В 1944 году призван в армию и направлен служить на Камчатку на торпедных катерах. После увольнения с флота работал в Пугачеве, в основном шофером на грузовых машинах. Был женат. Двое ребят – сын и дочь. Есть внуки.

Шестой ребенок – сестра Мария Михайловна 1930 года рождения. Окончила под Москвой техникум лесной промышленности. Замужем, двое детей – Чадина Алла и Чадин Александр.

Седьмой ребенок – сестра Порецкова Нина Михайловна 1938 года рождения. Педагог дошкольного воспитания. Живет в Новгороде. Замужем за Чадиным Николаем Степановичем, мужем своей сестры Марии, умершей несколько лет назад. Первый ее муж – Порецков – оказался алкоголиком. Развелись, осталась дочка – Порецкова Марина. Нина живет в Ленинграде, преподает музыку. Николай Степанович – трудяга, каких поискать. Всю жизнь в лесу – от рядового инженера поднялся до директора леспромхоза и зам. генерального директора Новгородлеса. Он познакомил меня с условиями своей работы, а я его – со службой моряков-подводников и моряков надводных кораблей.

О своих дедушках и бабушках сказать мне практически нечего. Дедушек в живых я не видел. Что касается бабушек... Мать отца умерла до Великой Отечественной войны в селе Жестянка. Мамина мать умерла после Великой Отечественной войны в Клинцове. Мамин брат отсидел 10 лет на лесоповале за крещение ребенка. Виной тому – советская власть. Здесь я хочу предостеречь читателя от скоропалительных выводов. Я был и остаюсь защитником социализма. «Где же логика?» – спросит читатель. А дело в том,

что советская власть на практике и социализм как идеология – не одно и то же. Но это уже другая тема. А сейчас продолжу рассказ о семье.

Жена Дорохова Александра Степановна 1926 года рождения. Образование высшее. Иногда о женах офицеров можно услышать: фифочки, белоручки. Моя жена никогда не чуралась любой, даже непрестижной работы, в том числе работы на свиноферме. По профессии – ветврач-бактериолог. Никогда не слышал от нее даже попытки возразить против моего перевода к новому месту службы. А за более чем 50-летнюю совместную жизнь переводов было достаточно. Ее ответ всегда был один: «Смотри сам, тебе служить!». И все. Надежный спутник на нелегком пути офицера. Это очень и очень важно для воина. Иной скажет: «Ну просто идиллия!» О какой идиллии может идти речь, если на четвертый день после нашей свадьбы меня отправили в командировку на Черноморский флот на четыре месяца!

Переводы и командировки, командировки и переводы к новому месту службы – кочевой образ жизни семьи офицера. Надежность и прочность семьи создаются мужем и женой, женой и мужем. Лучше сказать, чтобы не выпячивать одного на первый, другого – на второй план, совместно обоими. Это совершенно не означает, что у нас не было размолвок и ссор. Таких семей не бывает. Главное, надо понимать и понять друг друга. Тогда меньше будет разводов и брошенных детей. Кстати, несмотря на почтенный возраст, она продолжает трудиться врачом-бактериологом в ветслужбе Российского Черноморского флота по сей день.

Наш сын Владимир 1950 года рождения. Образование высшее. Служил на Тихоокеанском флоте. Образование высшее, корабельный ракетчик. Капитан I ранга в отставке. С первой женой развелся. Оказалась пройдохой. Совместных детей нет.

Дочь Ирина 1954 года рождения. Образование высшее. Инженер судокорпусник. Ее муж – Кухтенко Петр Алексеевич. Образование высшее. Инженер судовой электросвязи. У них двое детей: Алла и Александр. У них тоже высшее образование.

Теперь представлюсь сам. Дорохов Александр Михайлович. Родился 1 сентября 1924 года в заволжских степях в селе Малая Тарасовка, Клинцовского района Саратовской области. Полковник в отставке. Четвертый ребенком в семидетной крестьянской семье. Пережил две голодовки – в 1929 и 1933 годах. Помню это лихо с детства. Трудовую деятельность начал с детства. Сначала всех детей в Малой Тарасовке выводили в поле – собирали в торбочки колоски пшеницы, ржи, проса и других зерновых. Собранное сдавали в общий котел колхоза.

Потом нас стали привлекать к более «сложной» и ответственной работе. Когда вспоминаю первый выход на более серьезную работу, возникает образ рыжеватой симпатичной мордочки суслика, пытающегося сделать глоток воздуха. Тут наступает самый ответственный момент. Ты должен, едва покажется его нос над поверхностью земли и пока он не сделал первый глоток воздуха, тремя пальцами (большим, указательным и средним) в горловине норы ухватить его за шею. Затем, подняв высоко руку, рывком с силой бросить суслика на землю. Ходили мы, первоклашки, по полю от норы к норе. Один, что по сильнее, носил воду, другой, что поосновательнее, ловил.

Это был мой первый поход и первый в жизни «бой за урожай». Прочитав эти строки, некоторые «гуманисты» поднимут шум или просто будут возмущены подобными актами «жестокости». Что тут сказать? Все познается, как известно, в сравнении. Сейчас, в годы перестройки и в третьем тысячелетии, школьников не водят на колхозные поля спасать урожай. Есть более «изысканные» и «гуманные» способы борьбы с «расхитителями» урожая. Да я и не уверен, остались ли в природе сейчас сами суслики. Ну да бог с ними. И тем не менее. Несмотря на вовлечение малолеток в столь «антигуманные» акции, преступность среди подростков в тридцатые годы прошлого века была в десятки, а может быть и в сотни, раз меньше, чем сегодня. Почему процветает сейчас детская преступность?!

Голод в 1929 и 1933 годах в Поволжье Саратовской области оставил в памяти картину: суслики поедали мой хлеб и жирели,

а я, качаясь от голода, еле ходил по полю. Но никаких следов жестокости эти акции в поле во мне не воспитали. Забегая вперед, скажу: я, у которого два старших брата погибли на фронтах Великой Отечественной войны, увидев на фронте немецкого пленного, испытал чувство жалости к нему. Но об этом позже. Нас, мальцов-третьеклашек, привлекали даже к участию в облаве на волков вблизи деревни – мы выполняли роль «шумового оркестра». Видели бы вы, с каким азартом и горящими от счастья глазами относились мы к этому поручению.

Запомнился мне и мой первый «дальний» поход. В нашем селе Малой Тарасовке была школа всего на два класса, а в третий надо было ходить пешком в соседнее село. Для деревенской детворы расстояние в 2–5 и более километров – это не расстояние. Вспоминаю такой эпизод. Закончились уроки 1 сентября в новой школе, и мы, пятеро третьеклассников (трое мальчиков и две девочки), в хорошем настроении отправились домой. Между двумя селами – Малой Тарасовкой и Рахмановкой – построена большая, по нашим понятиям, больница с оградой из штакетника. За аккуратной оградой какие-то кустарники. Детвора есть детвора, с шумом и гамом, размахивая полотняными сумками (портфелей не было) с тетрадями и учебниками, догоняя и перегоняя друг друга, шли по тропе вдоль штакетника. Неожиданно на нас налетел огромный рой пчел. Что тут началось! И откуда взялась такая прыть?! Покусанные, мы все же сумели убежать от них. Возможно, пчелы «сжалились» и не стали далеко преследовать нас. Этот поход и этот урок я запомнил на всю жизнь: старался, оказавшись в незнакомом месте, быть более внимательным. И это не раз пригодилось мне на фронте.

Может быть, об этом и не следовало так подробно распространяться, но опыт в основном приобретается не за партой в школе или в студенческой аудитории. Свой опыт я приобретал в походах и боях. Именно они были моими университетами. Это вовсе не означает, что в мирной жизни нет условий для получения полезного жизненного опыта. Например, одно дело, когда тебя от

крыльца твоего дома до парадного подъезда школы или университета доставляет авто и, по-моему, совсем другое дело, когда тебе приходится вставать чуть свет и, отмахав на лыжах два десятка километров, в 8 утра садиться за парту. Так я ходил на лыжах от села Жестянка до Клинцовки. А бывало и так: отъедешь несколько километров на велосипеде летом и начинается ливень. Тогда не ты на стальном коне, а он на тебе. По бездорожью, утопая в грязи, сто потов прольешь, пока до школы доберешься. И в том и в другом случае человек приобретает жизненный опыт, и каждый начинает ценить жизнь по-своему. Один порхает, другой «пашет». Один пресыщен изысканными яствами, другой идет на занятия полуголодным.

Разве можно забыть какие-то клочки серой шершавой бумаги, на которой приходилось делать домашнее задание, да еще при тусклом свете коптилки или керосиновой лампы?

По собственному опыту знаю, каким «серым» по сравнению с другими ребятами выглядел я на фронте и в институте. Свою ущербность в детском развитии приходилось ликвидировать настойчиво, упорно. Ну откуда было мне черпать знания, если в доме совсем не было книг? Практически до службы в армии я прочитал всего три-четыре книги – «Робинзон Крузо», «20 000 лье под водой», «Полет на Луну» Алексея Толстого и «Приключения Тома Сойера». Библиотеки в селе Жестянка не было. Правда, где-то лет с двенадцати я регулярно читал единственную в доме газету «Коммунист» Саратовского обкома партии. А на прикроватной стене была прибита у меня большая карта Испании, на которой прикалывал булавками красные треугольные флажки над городами, взятыми республиканцами.

Учителя в школе, конечно, рассказывали нам о писателях, поэтах, их произведениях, а самих книг-то не было. Да и радио появилось только в начале 1936 года. Это было чудо какое-то – черная бумажная тарелка заговорила и запела. Это было непостижимо! Паровоз я увидел в 15 лет, то есть в 1939 году, когда старший брат Сергей приехал в отпуск из армии в форме младшего командира танковых

войск, да еще с пистолетом в блестящей кобуре! Неслыханное дело по нынешним понятиям! Но ведь это было – рядовые приезжали без оружия, а командный состав, начиная с младшего комсостава, приезжали в отпуск с пистолетом и патронами, да и в казармах в 1942 году, когда я уже был в училище, никто оружие за семью замками и печатями не держал – все было открыто.

Что же произошло? Почему защитнику Родины страна не доверяет оружие? Почему ему разрешается брать оружие только по тревоге, предварительно отыскав ответственного за комнату оружия? А если ночью, неожиданно, с неба на казарму свалится десант неприятеля, как опустился самолет на Красную площадь?

Война застала меня в селе Жестянка на мельнице. Как всегда, ни свет ни заря подняла меня мама: «Вставай, пора ехать на мельницу». Рядом с домом (дом не наш, колхозный, мы в нем жили) – конюшня. Запряг лошадь и поехал на колхозную мельницу – ветряк за селом. Приехал первым. Колхозный мельник запустил в действие свою «машину» – освободил крылья, и она стала медленно вращать жернова. Едва засыпал я второй мешок пшеницы, слышу, что прибыл кто-то из села и принес весть о начале войны. Забрал муку от второго мешка пшеницы и скорее домой.

Въехал в село. По нему в сторону райцентра один за другим шли трактора МТС. Их провожали с плачем и причитаниями матери, жены, бабушки, тетушки. Одним словом, родня. В работе на сенокосе и уборке урожая время пролетело незаметно. Первого сентября пошел в школу. Проучились два месяца. Нас, ребят, отправили в Саратов в железнодорожное училище для подготовки кочегаров и слесарей. Никто никого не спрашивал, да и никто из нас не задавал вопросов «почему» и «зачем». Все и всем было ясно и понятно. Над страной нависла угроза. Отцы, братья и сестры уже там, на фронте. Какие могут быть вопросы? Так я оказался в Саратове в ремесленном железнодорожном училище № 1. Определили в группу по подготовке поездных кочегаров.

Сколько в жизни человека бывает обид, разочарований и недовольства, связанных со взаимоотношениями между старшими

и младшими, подчиненным и начальником. Порой такие отношения оставляют неизгладимый след в душе человека, а то и превращаются в жизненную трагедию. Если говорить по большому счету, все мы на земле – подчиненные и зависим от кого-то. В детстве – от родителей, учителей и т. д.

Первый жизненный урок усвоил от родителей. Ни мой отец, ни мать, хотя и были практически безграмотны, никогда не кричали друг на друга при нас, детях. Это совсем не означает, что между ними была тишь да благодать. Нет, совсем нет. Были размолвки, ссоры, но «грома и молнии» я никогда не видел и не слышал. И нас никогда не били. К большому сожалению, уже став сам отцом, не выдержал и отшлепал однажды сына и дочь. Нервы истрепаны на фронте и на службе до предела, но это не оправдание.

Помнил же, как с нами обращался в ремесленном училище мастер, небольшого роста сухощавый старый человек с большими седыми усами. Говорил он всегда вполголоса. Чаще всего молча наблюдал, как, сопя и потея, мы срубали зубилом неровности с металлической плашки, овладевали слесарными инструментами – зубилом с молотком, ножовкой по металлу, напильником, рашипилем. Подойдет, бывало, молча дотронется до твоего плеча рукой, остановит. Возьмет из твоих рук инструмент и покажет, как надо его держать, промолвит: «Вот так держи». И отойдет. Ни нравочений, ни морали, ни упреков в твоём неумении и бездарности. Его «школа» научила на всю жизнь не только работать со слесарным инструментом, но и с людьми, на какой бы должности ни был сам. Другое дело, всегда ли это удавалось – не мне судить.

Учеба быстро закончилась, и меня в составе небольшой группы ребят отправили на работу в распоряжение начальника железнодорожной станции Верхний Баскунчак. Выдерживать огромные физические нагрузки кочегара помогли работа по дому и в колхозе на сенокосе (на лобогрейке – одно название говорит само за себя! – это сенокосилка), на уборке урожая, особенно на вывозке зерна на элеватор. Для этой работы отбирали нас, 15–16-летних, кто покрепче. Каждый отвечал за две повозки, запряженные быка-

ми или верблюдами, реже лошадьми. Старшим каравана из 10–12 повозок колхоз назначал еще не совсем одряхлевшего мужичка. Он задавал ритм движения, время остановки на отдых животным. Ну а мы должны были не только управлять «движителями», но и уметь их запрягать, распрягать, кормить и поить в пути на элеватор и обратно. Сложнее всего обращаться с «кораблями» пустыни – верблюдами. Эти своенравные божи создания требовали деликатного обращения. Чуть что не по их нраву – получишь плевков, от которого не скоро отмоешься.

Загружали пшеницу в телеги, обитые досками. Получалось что-то вроде тупорылой лодки. На ночь зарывались в нагретую за день пшеницу, и наступала такая нега и благодать, что не было сил бороться со сном. Не дай бог, если в этом караване ты окажешься замыкающим. Ты вроде бы только, ну совсем чуточку прикорнул, а очнулся – светит луна, быки лежат на дороге, спокойненько жуют жвачку, а караван ушел вперед. Хорошо еще, если впереди тебя ехавший пацан обнаружит, что за ним никто не едет, остановит движение, чтобы подождать отставшего. И не дай бог заснуть, когда в повозке были верблюды. Если быки, как правило, останавливались на дороге или у дороги, то эти, как и положено «кораблям» пустыни, уходили далеко от дороги вправо или влево, собирая по полю свои «сникерсы» и «рафаэлло» – колючий репейник, особенно его цветущие бутоны.

Проснешься – видишь ровное, сколько можно увидеть ночью при луне, поле. Вокруг ни кустарников, ни деревца, не говоря уже о каких-либо признаках обитания человека. Хорошо, если разглядишь вдалеке верблюдов. Тебя прошибает холодный пот, а затем берет озноб – то ли от ночной прохлады в степи, то ли от страха. Понимаешь: отстал, потерялся. Немудрено потеряться в такой степи, где на семь верст с десятью гаками ни души. Куда ехать: вперед, назад, направо или налево. Дикое поле кругом. Попробуешь продвинуться немного влево, вправо. Иногда везло. Но чаще приходилось ждать утра, когда на много верст открывается в поле видимость.

На элеваторе таскали мешками привезенное зерно на второй этаж. Сто потов сойдет с тебя, пока разгрузишь свои повозки. Затем – в обратный путь. Сутки в оба конца. Иногда и больше, по обстоятельствам.

Завершая рассказ о себе, скажу, что главными средствами и орудиями моего морально-нравственного воспитания и отношения к труду, до того как попал в армию, были вилы, грабли, лопата и большая физическая нагрузка на плечах. Но везде старался относиться к работе добросовестно и честно. В одну из ночей, перед нашей отправкой в Верхний Баскунчак, немецкая авиация совершила налет на Саратов. Немцы пытались разбомбить железнодорожный мост через Волгу, по которому к Сталинграду шли воинские эшелоны. Там я впервые услышал вой сирен воздушной тревоги и огонь зенитной артиллерии, увидел в свете прожекторов немецкие самолеты. На следующий день нас повели на площадь посмотреть сбитый зенитчиками вражеский бомбардировщик. Но это было всего лишь прелюдией к первому боевому крещению.

Я работал кочегаром на одном из паровозов, которые водили составы вдоль Волги по рокадной железной дороге на Сталинград. На паровозе имелась охрана во главе с лейтенантом и два пулемета для отражения налетов немецкой авиации. На платформах установлены такие же пулеметы. Как-то во время перекура сам собой завязался разговор между лейтенантом и мной. Мало-помалу он узнал подробности моей биографии: как и почему стал кочегаром, где жил и учился. Уже при подъезде к станции Верхний Баскунчак поинтересовался: «А какая у тебя фамилия?» Услышав ответ, снова спросил: «А лейтенант-артиллерист Михаил Дорохов – не твой брат?» От такой неожиданности я остолбенел, заморгал глазами, стоя с открытым ртом и не соображая, что он ждет ответа. Поезд уже начал торможение, приближаясь к входному семафору Баскунчака, когда я выпалил: «А где он?» «Где-то в конце эшелона, в предпоследних вагонах. Он командир батареи. Вот сейчас поезд остановится – и мы его найдем!» – заверил меня лейтенант.

Паровоз в последний раз выбросил пар из-под колес и остановился. Тут же раздался знакомый звук разъединения системы сцепки паровоза с вагонами. Дежурный по станции распорядился срочно перегнать паровоз на другую колею и вести состав на Сталинград, а под те вагоны, в которых был мой брат, подогнали другой паровоз. Возможно, он последовал за нами или его пропустили раньше нас, а возможно, и направили на Астрахань и далее – на Кавказ. Мне об этом, как и семье нашей, ничего не было известно, пока не пришла печальная весть, что лейтенант Дорохов Михаил Михайлович пропал без вести под Сталинградом.

Как пропали без вести солдаты и офицеры во время битвы за Сталинград, я видел своими собственными глазами: горели солдаты и офицеры в эшелонах на пути движения к Сталинграду, горели на улицах, в домах и подвалах от немецких огнеметов, тонули в полном облачении на переправе с оружием и боевой техникой в пылающих водах Волги и Ахтубы. Два мощных огневых потока слились воедино на многие километры – это горела нефть и ее продукты из разбитых танкеров, шедших по Волге и Ахтубе к осажденному врагом городу.

Душным июльским вечером мы привели очередной воинский эшелон на станцию Ахтуба. Здесь нас должна была сменить другая бригада. Она приняла наш паровоз, а мы отправились в стоявший рядом со станционным депо пассажирский вагон на отдых. Мы ждали обратного железнодорожного состава – порожняка, то есть пустых вагонов, либо состава с ранеными. Машинист с помощником заняли нижние полки, а я забрался на среднюю, прислушиваясь к их разговору. Это был обычный плацкартный вагон, никакой постели, разумеется. Но и этого достаточно для отдыха: можно вытянуть ноги и руки после многочасовой изнурительной тяжелой работы.

Машинист и помощник совещались, как быть: оставаться спать в вагоне или идти за станцию в кустарник. Точку в их совещании неожиданно поставили сирены воздушной тревоги. Мы едва успели отбежать от вагона на каких-то метров 50–70, как на нас посыпа-

лись немецкие бомбы. Рев пикирующих бомбардировщиков, грохот взрывов бомб и буквально шквал осколков и летящих обломков. К счастью, мы не пострадали. До сих пор стоит перед глазами картина того страшного июльского вечера. Машинист с помощником лежали, распластавшись на земле вдоль деревянного забора, а я, сжавшись в комок, прижимался к забору спиной и закрывал лицо портфелем, в котором лежали алюминиевый котелок, ложка и кружка. Когда 25 немецких бомбардировщиков стали заходить на второй круг пикирования, я услышал более чем убедительные слова машиниста: «Ты какого... расселся – ложись!» Затем снова зазвучал его голос: «Бежим за станцию, за депо, в кустарники».

Ночь, темным-темно, все побежали в овраг. За вторым заходом немецких самолетов последовал грохот взрывов и свист взрывающихся снарядов. Это загорелись вагоны с живой силой, боевой техникой и патронами для винтовок, пулеметов и автоматов, направлявшиеся в Сталинград. В воздухе сплошной грохот и треск, похожий на треск брошенной щепотки соли в костер, если вам приходилось когда-либо это видеть и слышать.

Перепрыгивая через попавшийся кустарник куровника, я задел ногой что-то большое, тяжелое и чуть не упал. Я расслышал стон человека и увидел полулежавшего военного. Это был летчик с самолетов-истребителей, которые мы везли под Сталинград. Он матерился, говорил, что сделал столько-то боевых вылетов и оставался нетронутым, а тут, на земле, его подстрелили, как куропатку. Обими руками он зажимал ногу, откуда шла кровь. «Сейчас, сейчас», – бормотал я, не зная, что делать. Попытался помочь ему встать, взял одной рукой его под руку, а другой поддерживал его спину. И тут же ощутил рукой тепло крови, сочившейся из раны на правой лопатке. К моему счастью, в это время рядом появился еще один человек, тоже летчик. Он остановился, увидел в свете появившейся луны, как мальчишка возится около военного: «Подожди, малой, это наш человек. Я помогу ему».

Заплетаясь ногами, я медленно стал спускаться по оврагу. Не соображал, зачем и куда иду. Наступил рассвет, пожар на стан-

ции погас, только запах гари и дыма продолжал стоять в воздухе. Сколько прошло времени, пока я сидел в овраге, не знаю. Пришел в себя, когда стало уже светло. Поплелся на станцию в надежде найти своего машиниста и его помощника. Подойдя к вагону, в котором мы отдыхали, увидел только его остов. Еще страшнее выглядело то, что осталось от стоявшего рядом товарного пульманского вагона. Двое сгоревших, таких же, как я, выпускников ремесленного училища лежали у вагона. Третий лежал, наполовину высунувшись из вагона.

Скопившиеся на станции Ахтуба эшелоны, ожидавшие разгрузки и погрузки на паромную переправу, были сожжены. Сгорело также вагонное депо и пристанционные постройки. Нигде ни одной живой души. До сих пор не могу понять, откуда взялись у меня силы, но я решил идти назад, на станцию Верхний Баскунчак, куда мы были направлены после окончания Саратовского ремесленного железнодорожного училища № 1. Жили мы там в обычном товарном вагоне. Было нас семь человек. Трое из нас были кочегарами, остальные – слесари. Мы, трое земляков – Петр Таюшев, Пиунков (забыл имя) из соседнего села под городом Пугачевым и я, держались вместе.

Дело это было в июле 1942 года. Жара невыносимая. Местность в тех краях, что ровный стол – и не на десяток километров, а на многие сотни, начиная от озера Эльтон, Верхний и Нижний Баскунчак и вплоть до Астрахани – в одну сторону и до Волги и Сталинграда – в другую. Пошел по шпалам железной дороги, по которой привозили сюда воинские эшелоны. Ни кустика, ни единого деревца, одни колочки. Иногда на обочинах рельсовой насыпи и в поле попадалась чахлая полынь.

И все. Впереди, по горизонту, плыло марево – это двигался горячий воздух. При себе старый потертый школьный портфель и ни крошки еды, ни капли воды. Все пересохло во рту, губы потрескались. Пить, пить, пить – стучало в висках. И, о Боже, впереди сквозь плывущее марево вдали над полотном железной дороги появилось какое-то черное пятно неопределенной

формы. Ближе, ближе, наконец, узнал знакомые контуры паровоза. Ускорил, насколько хватало сил, ход, зная, что там мое спасение. И не ошибся. Да, передо мной стоял разбитый паровоз. В нем ни души.

Подождал к тендеру паровоза, где находится вода для парового котла. Достал из портфеля котелок и открыл сливной краник. Да, вода не вся вытекла, хотя в паровозе множество отверстий и от осколков бомб, и от пуль. Знаю, что это вода не питьевая. В нее добавляют каустическую соду, чтобы было меньше накипи в трубах котла. Но иного выхода не было. Напился до горла. Ополоснул лицо, облил голову, стало чуть легче. Продолжил путь. Где-то к началу заката пришел в «свой» Баскунчак. Картина та же, что и в Ахтубе. Станция разбита, разбито несколько вагонов с удовольствием – вяленая, сушеная рыба и еще какие-то консервы, сухари. Взял рыбы и сухарей.

В вагоне оставались мои документы – аттестат об окончании училища с присвоением двух специальностей: поездного кочегара и слесаря. Ничего в вагоне не нашел, как не нашел и ребят. Решил идти искать своих земляков за станцию на бахчу – при налетах мы прятались там, в открытом нами окопе.

Стало смеркаться, у меня начался мандраж. То ли от пережитого за день, то ли от того, что не нашел земляков. Появился страх нарваться на немецких диверсантов. Немцы сбрасывали их заранее, и при налетах диверсанты пускали осветительные ракеты в сторону важных объектов.

Тем не менее я продолжал идти дальше. Вдруг вдали по моему курсу движения замаячили две фигуры. Остановился, пытаюсь хоть по какому-нибудь признаку узнать: свои или диверсанты? По телу пробежала нервная дрожь. Они не идут навстречу, и я стою. Потом сообразил, что место, где мы укрывались от налетов, было «нашим». О нем знали только свои. Пошел им навстречу. Тут уж не выдержали и они – окрикнули. Оказывается, мои документы они взяли с собой, набрали и кое-что из съестного. Долго судили да рядили, что делать.

Утром заявили чуть свет на станцию. Все пусто, словно вымерли все. Не сговариваясь, почти одновременно выпалили: «Идем домой, в город Пугачев». Легко сказать «идем». Это сотни километров, а не каких-то 50 километров, которые я только что прошагал от Ахтубы до Баскунчака. Но другого выхода у нас не было. Как в песне поется, пошли по шпалам, опять по шпалам и т. д.

Подошли к какому-то полустанку-разъезду – две или три колеи железной дороги и станционная будка, в которой никого нет. Тяжело пыхтя и громыхая, к разъезду подходил воинский эшелон. И тут появились немецкие самолеты, словно были где-то рядом в засаде. Состав резко затормозил, спаренные пулеметы открыли огонь по ним. Солдаты, выпрыгивая почти на ходу, также стали стрелять по самолетам из винтовок. Немцы делали заход за заходом, однако разбить эшелон не смогли. Наши отбились.

Эшелон пошел дальше в сторону Баскунчака, а оттуда либо на Сталинград, либо до Астрахани с последующей отправкой по Каспию на Кавказ – так мы водили эшелоны. А мы дошли до следующего разъезда. Туда подошел догнавший нас порожняк из Сталинграда, и вскоре мы оказались дома.

Моя мама согласилась отпустить меня на фронт. Это согласие стоило ей невероятных усилий. На одного из моих братьев, Федора, уже пришла похоронка. Он был младшим политруком, и его часть бросили с Востока защищать Москву. На подступах к ней он и погиб (похоронен Федор в селе Валя Калужской области). А я был направлен не на фронт, как просил, а в Симферопольское пулеметно-минометное училище, которое эвакуировали в город Балаково Саратовской области. Но училище не закончил. Всех его курсантов по приказу Сталина отправили рядовыми на пополнение гвардейских частей, понесших огромные потери под Сталинградом.

НА МАРШЕ

Что сказать о марше к линии фронта? Марш как марш. Конечно, не как на параде или строевом смотре, а с полной фронтовой солдатской выкладкой (32 килограмма). Шли много суток. День и ночь, в мороз и пургу, по бездорожью. Роты и батальоны сменяли друг друга. Одни шли, утопая в снегу по колено, другие – выдвигались им на смену, давая отдохнуть шедшим впереди и выбившимся из сил. По проложенному утоптанному снегу идти было уже легче. Иногда кто-то падал, теряя сознание. Медсестры приводили их в чувство. В исключительных случаях укладывали такого солдата на сани, запряженные лошадьми, но и лошади выбивались из сил – они тянули боезапас и запасы продовольствия. Отдыхали всего два часа в сутки. Только два! А нужно было успеть поесть и отдохнуть. Вот почему приходилось спать на ходу, прямо в строю, в колонне.

Никогда бы не поверил, если бы не испытал сам. Бывало, идешь и понимаешь, что ты заснул только тогда, когда либо свалился в сугроб, либо рядом идущий товарищ дернет за рукав шинели, а то и дружеский окрик разбудит: «Ну, пошла писать губерния». Это значит – вышел из строя и пошел выписывать зигзаги, продолжая спать на ходу. Лучше было тому, кто находился в середине шеренги. Хуже – тем, кто был право- или левофланговым. Только чувство локтя соседа не давало возможности отклониться. Да, великое это дело – чувство локтя.

Это сейчас все кажется простым, даже несколько обыденным. На самом деле стоило больших физических и моральных сил,

чтобы так шагать день и ночь, ночь и день – ни сна, ни отдыха не зная. И не просто шагать, а и отражать налеты немецкой авиации. Серая лента колонны, растянувшаяся на многие километры (в дивизии более десяти тысяч человек и большое количество повозок на санях и колесах), двигалась от Ельца к фронту. Она была похожа на гигантских размеров удава, голова и хвост которого то появлялись, то скрывались на подъемах и спусках холмистой местности. Этот фантастических размеров монстр по одному слову ложился на спину, поднимая вверх тысячи «пик». Этим словом, катившимся по колонне, была команда: «Воздух!» И колонна, словно морская волна, закручиваясь полувинтом, валилась на обочину дороги, открывая огонь по налетавшим немецким самолетам из винтовок. Такой организованный отпор не давал возможности безнаказанно снижаться и вести прицельный обстрел из пулеметов. И это помогало избегать больших потерь на марше. Таким образом мы прошли за восемь дней около 300 километров. Говорят, самая лучшая память – карандаш. И это так. Покопавшись в военном архиве в Подольске, нашел в донесении, что таким образом мы прошли 268 километров, пока подошли к передовой. Движение к передовой – это были только «цветочки», а «ягодки» мы увидели и узнали потом.

Иногда над идущей к фронту нашей колонной появлялся одиночный немецкий самолет. Он долго кружил над нами, то набирая высоту, то снижаясь. В таком случае сигнала «Воздух!» не было, мы не ложились на обочину и продолжали движение. Выбрав необходимую позицию, он высыпал на нас листовки разного характера. Одна из них осталась в памяти. На левой половине листа сидит с улыбкой на лице Гитлер с большим немецким аккордеоном (название аккордеона на немецком языке забыл), текст внизу:

«Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек...»

На правой половине листа против Гитлера сидит Сталин со слезами на глазах, согнувшийся как сморчок, с маленькой российской гармошкой. Под снимком текст:

«Последний нынешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано чуть светочек
Заплачет вся моя семья...»

Тексты были на русском языке.

Конечно, за падавшими на обочинах дороги листовками никто не бегал. Но опускавшиеся на голову листовки брали и, главное, не столько из любопытства, сколько для дела. Сказать, что с газетной бумагой у нас был дефицит, – значит погрешить против правды. Слово «дефицит» означает нехватку. А у нас бумаги практически не было. Одна-две газеты «Правда» и «Красная Звезда» на роту – это капля в море. Поэтому брали листовки в карман – на самокрутку и для другой «нужды». Это сейчас для солдат изготавливаются дезинфицирующие салфетки в полиэтиленовой вакуумной упаковке, а тогда об этой другой «нужде» в бумаге для солдата никто из тыловиков и медиков до войны и не задумывался.

ПЕРВЫЙ УРОН

Еще по пути к линии фронта получили первый предметный урок, который запомнился на всю жизнь. Впереди нашего отделения, перекинув лямки через плечо, двигались два расчета, везя на санках противотанковые ружья. Ребята как ребята, обыкновенные. Подошли к разрушенному и сожженному железнодорожному полустанку. Память сохранила только сам факт, название полустанка забыто, но это не важно. Помню, что уже отошли далеко от Ельца. Вдоль полотна железной дороги на фоне белого-белого снега в лучах солнца заметно выделялись желтые брикетки вокруг снесенного снарядом ствола дерева. Это уже потом мы рассмотрели. Все произошло в мгновение ока. Мы, следовавшие за ними, не заметили, как эти две пары из противотанковых расчетов оказались под деревом. Раздался страшной силы взрыв. К нашим ногам упали части человеческих тел. И самое страшное... голова одного из них. Мы сразу не могли сообразить, что к чему. Остановились потрясенные. Застыли на месте с широко открытыми глазами, глядя друг на друга, не понимая, в чем дело, что произошло. Только что вокруг было тихо и мирно (налета немецкой авиации в этот момент не было). Солнце клонилось к горизонту.

Попались наши ребята на самом простом. Расчет фашистов был такой: железная дорога, разбитые вагоны, брикеты под цвет «супа-пюре горохового», будто естественно отлетевшие в сторону после попадания бомбы в вагон. Имитация удалась, и чувство голода, к сожалению, взяло верх. Ведь кормили нас раз в сутки, но не потому, что кто-то плохо выполнял свои обязанности. Хотя и этого

исключить нельзя, но предположение еще не доказательство. Просто страна переживала тяжелые времена и в первую очередь по бездорожью подвозили боезапас, а еду – потом. Не знаю, как другие, но я воспринимал происходящее именно так. Сельская жизнь и голодовки, видимо, оставили во мне такой след. Значит, плохо слушали мы инструкции: в одно ухо влетало, в другое вылетало. И заплатили дорогую цену. «Учись слушать, анализировать, ты уже не ребенок. Учись быть солдатом, – размышлял я. – Наука эта, оказывается, совсем не простая. Да, совсем не простая штука стать настоящим солдатом». Так наглядный урок заставил по-серьезному взглянуть на себя со стороны и сделать первый вывод: «Нельзя, непростительно ждать, пока обожжешься, надо усваивать то, что накоплено опытом других!» Об этом нам и говорили еще там, в училище, наши сержанты, старшины и офицеры, вернувшиеся после лечения в госпиталях.

■ НА ПЕРЕДОВОЙ

В донесении командира 114-го гвардейского стрелкового полка, в третьем батальоне которого мне пришлось воевать, гвардии полковника Дмитрия Пантелеевича Никитина говорится: «114-й гсп после длительного марша Елец – Хлынино с хода вступил в бой 26.02.43 года в 21.00 в районе сел Кошкино, Клишино».

Отлично помню тот незабываемый, волнующий момент. Еще задолго до подхода к линии фронта мы слышали гул боя. И чем ближе подходили, тем все отчетливее различались сначала оружейные и минометные выстрелы, разрывы снарядов и мин, затем треск пулеметных и автоматных очередей. Навстречу нам с передовой шли раненые. С приближением к месту боя их становилось все больше и больше. У одного перебинтована голова, у другого – рука, у третьего – плечо и т. д. На фоне белых бинтов, серых солдатских шинелей, белого снега и зеленого хвойного леса выделялись пятна крови. Много пятен. От бледно-розовых до ярко-красных. Пятна крови от только что полученных, кровоточащих ран. Что переживали мы в тот момент? Испытывали ли чувство страха? И вообще, какое морально-психологическое воздействие оказало это на нас, еще не обстрелянных по-настоящему бойцов? Чувство страха присуще каждому человеку. Все дело в том, кто кем овладеет – страх тобой или ты им. Могу с полным основанием сказать, что каждый нормальный человек в состоянии побороть чувство страха, овладеть собой и тогда не страх командует тобой, а твоя воля, твое сознание управляет твоим поведением.

Наше волнение усилилось, участились сердцебиение, частота дыхания. И это понятно. Вступаешь на невидимую черту, что называется линией фронта, передовой. И не знаешь, что тебя ждет. Пойдешь с боями дальше или повернешь назад, как шедшие навстречу нам раненые, а может... все может быть. Об этом я уже знал – на одного моего брата еще до моей отправки на фронт пришла похоронка. Солдат должен быть всегда готов ко всему. Ну а если поддался чувству страха, то, считай, пропал. Был у нас такой. Один единственный на весь полк. Спустились с пригорка в только что отбитое у фрицев село. Не нами. Теми, что шли нам навстречу. Название села не помню. Да и не в этом суть. Только спустились – остановка. Расположились вокруг домов, в огородах, на улицах. Кому где было приказано. Подошла невесть откуда взявшаяся кухня. Ужин привезли. А бой идет где-то выше села. Не успел и двух ложек каши солдатской взять, как рядом, в сарае, раздался выстрел. Кто, зачем, в кого? Вскоре все выяснилось. Один из солдат нашей роты не выдержал, страх взял верх над ним. Самострел. Тут же увели его в сторону... Военно-полевой суд и расстрел. Честное слово, нисколько не жалко было! Жаль родителей, его родных. По вполне понятным причинам не хочу называть ни имени его, ни тем более фамилии. Овладей человек страхом, побори, найди силы взять себя в руки, и прошел бы, может быть, всю войну честь по чести. Все может быть. А ведь каким «гоголем» ходил все время до этого! Разудалый молодец, да и только! Оказалось – напускное, бравада. На поверку – гниль, хотя и поверка-то еще не наступила, а только предстояла. Вот и сравни: Семен Кульбякин – парень ниже травы, тише воды, а стал героем. И наоборот, человек выдавал себя за «героя», этакого ухаря, которому все нипочем, а оказался жалким трусом.

Быстро наступили сумерки. Спустилась ночь. Не теряя из поля зрения друг друга (приказано было идти таким манером), вышли рассредоточенно на передовую. Как-то неожиданно то тут, то там стали попадаться лежащие прямо на снегу, в поле, солдаты. «Ложись и окапывайся!» – распорядился командир отделения.

Плюхнулся я в снег, вытащил малую лопату. Всадил ее раз, другой, третий. Старался все глубже в снег. Положил комья снега впереди. Образовалась яма, а сам почти весь снаружи, на виду. Как в песне о комаре: «Хоронили при дороге, видно руки, видно ноги. Весь на виду». Так и у меня. Но я еще живой. Лежать неудобно. «Нет, – думаю, – не спеши. Вспомни, как учили. Стал копать снова. А пули свистят, и отдаю поклон каждой, вдавливаясь в снег. Клял на чем свет стоит луну, появившуюся в разрывах низко плывущих тяжелых туч. Все словно застыло, остановилось. Светло, хоть бери книгу и читай. Даже зло взяло. Отрыл-таки ячейку для стрельбы лежа. Вспотел, отдышался. Лежу и думаю: «И это передний край?» И словом обмолвиться не с кем. Обидно, да и не похож!

А на что должен быть он, этот передний край, похож, и сам не знаю, хотя нам объясняли, говорили в училище, что это за «штука». И не только говорили, мы даже лежали там, на «своем» переднем крае. Но это «там», в училище, а здесь все другое. Любопытство, скажу вам, разбирает, как малое дитя. Да и по уму и суждению остался ребенком, только по росту – солдатом. Хочется подняться и рассмотреть: где же немцы? А пули свистят, видимые и невидимые, то есть трассирующие и обычные. Словом, и хочется, и колет, и фриц не дремлет. То ракеты пускает, то постреливает, так, наугад. Мы молчим, экономим боезапас. Оттого немец, чувствуется, еще больше нервничает. То усилит стрельбу, то ослабит. И мы начинаем приспосабливаться. Чуть ослабнет огонь с той стороны, мы как суслики один за другим приподнимаемся. Смотришь до боли в глазах через поле на опушку леса, где засели немцы. Ничего не видно впереди, кроме снежного поля да темной стены леса за ним. Наконец, надоело каждый раз безрезультатно нырять. Смотрю на соседей справа и слева. Наши окопы друг от друга метрах в пяти-шести. Не густо, конечно, но все же локоть близко. Вижу – успокоились и мои соседи. А чуть забрезжил рассвет – началось... Ударил наша артиллерия по переднему краю немцев. Нам хорошо видно, где залегли (тоже в снегу) немцы. Один за другим стали рваться наши снаряды в расположении

немцев, и белое снежное поле перед ними покрывается большими черными кругами. Я еще не сделал ни одного выстрела уже не по воображаемому, а по вполне реальному врагу, которого вижу на расстоянии каких-то 250–300 метров. Пошли мы в атаку. Первую. И тут команда: «Огонь!» Бегу по направлению своего ориентира, кричу «ура!» и стреляю на ходу из своей СВТ.

О чем думал? Не знаю. Честное слово, не знаю. Некогда было думать. Надо было бить гадов. И били. Кажется, неплохо. Утопая по пояс в снегу, с тяжелыми боями, продвинулись вперед. Выбили немцев из сел Клишино и Кошкино. Вышли на очередной рубеж. Перед нами расстилалось белое, словно накрахмаленная скатерть, поле. Залегли в редколесье. Чистое, ровное, прямоугольной формы поле, и ни одной «морщины» на нем, то есть ни канав, ни бугорков, укрываясь в которых и за которыми можно было бы подойти ближе к немцам. По другую сторону поля перед нами стройными рядами стояли, одна краше другой, сосны. Там, на опушке, укрылись немцы. Они вели огонь из стрелкового оружия, не жалея патронов. Мы молчали, экономили патроны. Наши тылы вновь безнадежно отстали. Пробриться к нам на лошадках, запряженных в сани, по бездорожью, через лес, кустарники, занесенные снегом поля, непросто. Только что пройдя через все это, мы понимали эти трудности, но от этого было ничуть не легче.

Кто из командиров и на каком уровне принял решение, не знаю. По два-три человека от каждой роты отползли назад на прежнюю позицию немцев. Выбивая немцев с нее, мы не разбирались, что они оставили там. Теперь, остановившись и окопавшись в снегу, вернулись, чтобы подобрать все, что можно использовать в бою: пулеметы, автоматы, гранаты и мины. Немецкие мины калибром чуть меньше наших, но выручила русская смекалка. Кто-то из командиров научил нас, как стрелять из наших минометов немецкими минами с дополнительными зарядами. И стреляли, били фашистов их же оружием. На мою долю достались немецкие гранаты с длинными деревянными ручками. Их оказалось довольно много. Одному не донести. Позвал кого-то из ребят. Еще нашел

большой кинжал в деревянном футляре и пистолет парабеллум. Они мнегодились потом, когда ворвались в Хлебтово. Но пока лежали в снежных окопах, замерзали. Казалось, не только клетка, но и каждая молекула моего тела окончательно заочене- ла. Вот-вот застынет и превратится в ком льда и мой мозг. Лежа в снегу, бил до изнеможения нога об ногу. Ни повернуться, ни тем более встать, походить, попрыгать не позволял интенсивный огонь немцев из стрелкового оружия. По спине тянула позем- ка, засыпая снегом. В сознании одна мысль: не уснуть – иначе смерть.

О еде и речи не могло быть. Первые сутки страшно хотелось есть. На вторые – изредка брали чуть-чуть снега в рот. Наступило что-то вроде апатии, безразличия к окружающему. Это состояние иногда прерывалось командой открыть огонь по противнику. Вскоре поземка превратилась в метель. Ничего не видно. Этой кутерьмой, как называли у нас в Заволжье такую погоду, воспользо- вались командиры. Без стрельбы мы поползли вперед, зарываясь в снегу. По условному сигналу бросили подобранные немецкие противопехотные гранаты. С криком «ура!» пошли в атаку. Немцы дрогнули, стали поспешно отступать. Подвезли боезапас. За тем сосновым бором, где только что были они, в низине, перед нами возник какой-то небольшой поселок. Мне тогда показалось, что это застрявший между лесов небольшой хутор. Немцы не стали оборонять и отошли в село Хлебтово. Только потом мы узнали, что это был не хутор, а большое село, которое ими было сожжено за связь его жителей с партизанами. Но мы увидели всего несколько хат, а остальное было уже засыпано снегом.

Держали они нас перед большим чистым полем три дня для того, чтобы успеть отрыть в полный рост траншеи на противопо- ложном берегу реки в селе Хлебтово. Войдя в этот, как мне каза- лось, небольшой хуторок практически уже без боя, наше отделение разместилось в доме. Тут нас встретило долгожданное тепло в пря- мом и переносном смысле. Жарко натопленная печь, гостеприим- ная хозяйка и еда. Но об этом чуть ниже.

А сейчас, вспоминая о тех трех голодных днях на лютном холоде, не могу не сказать о тех, кому обязан жизнью. Да, в ту пору нам, солдатам, было весьма и весьма тяжело. Но были рядом с нами и другие, кому было намного труднее. Кто же они, эти другие? Это были люди чуть-чуть постарше нас, на плечах которых лежал груз ответственности за каждого солдата. Это командиры взво- дов, переползавшие от одного снежного окопа солдата к другому, убеждая, заставляя нас, рядовых не уснуть, чтобы не замерз- нуть. К такой должности командиров взводов нас и готовили в Симферопольском училище, но отправили на фронт рядовыми.

Итак, мы, пятеро солдат, зашли в один из уцелевших домов. Было одно желание – отогреться и хоть чуть-чуть, ну самую малость вздремнуть. Еда как-то сама собой отодвинулась на второй план. До того были измотаны силы, что о ней, о еде, я не вспомнил. Но хозяйка дома решила все по-своему. Она постави- ла на стол чугунок вареной картошки в «мундире», миску кислого молока и каравай хлеба – на все отделение. Я отправлял в рот одну за другой прямо с кожурой картофелины, и неожиданно мои глаза встретились с глазами ее троих детей, выглядывавших с дере- венской печи. В них отражалось и детское любопытство, и испуг, и недоумение, почему мама усадила за стол нас и отдала их еду нам. Они глотали слюнки, видя, как мы уплетали их картошку и все остальное на столе. В моем сознании промелькнула мысль о голоде, который я испытывал в 1929 и 1933 годах в Поволжье. На глаза навернулись слезы. И не только у меня, но у моих това- рищей. Хозяйка все повторяла и повторяла: «Да вы не спешите, не спешите... У меня еще есть картошка, и я сварю еще». Была ли у нее эта картошка, не знаю, но я видел глаза и худенькие лица детей. Они следили за каждым нашим движением. Было больно до слез. Поняв наше состояние, хозяйка подошла к печи и закрыла занавеску. Нам сказала: «Вам еще столько предстоит! Вам силы нужны. Будет у вас сила, и я с детишками выживу, не будет – и нам несдобровать». Наша трапеза закончилась за несколько минут. Хозяйка стянула с нас валенки и вместе с портянками отправила

их в печь, а нас – на печь. Ни один из ее троих детей, а старшему или старшей, не помню, было лет 7–8, остальные мал мала меньше, не проронил ни слова, уступив нам свое место.

Жаль, что ни имени ее, ни фамилии не запомнил. Спасибо тебе, женщина-мать, накормившая и обогрешая нас! Но такая благодать для нас быстро закончилась, поступил приказ продолжить наступление. Одели чуть ли не на ходу портянки и валенки. От них шел пар и едкий запах. Утопая по пояс в снегу, направились к селу Хлебтово. Подошли к какому-то глубокому оврагу. Но когда стали подниматься на его гребень, нас встретил шквал огня. Укрыться негде – ни кустика, ни деревца. Поступил приказ отойти в овраг. В донесении командира полка говорится: «К 18.00 6.03.43 г. рубеж обороны противника проходил по южной окраине Хлебтово. Мост у Нижней Кубани взорван. Лед на реке подорван. Третий батальон закрепился к 18.00 6.03.43 г. 1 км севернее высоты 225,8. Село Нижняя Кубань при отходе немцев в ночь на 6.03.43 г. сожжено. Из 243 домов осталось только 10. 7.03.43 г. 3-й батальон занял юго-восточную часть села Хлебтово и в течение ночи вел бой за овладение северо-западной частью Хлебтово. Успеха не имел, так как противник вел сильный ружейно-пулеметный и минометный огонь».

Да, это как раз и была наша попытка, выбравшись из оврага, войти в Хлебтово. Оказывается, то, что я принял за хутор, и было сожженное село Нижняя Кубань, жителями которого приютила и накормила нас. Вернулись в овраг, где гулял пронизывающий ветер. Поступила команда: «Окопаться». Не знаю, чья была идея, но мы стали рыть на склоне этого оврага, где было много снега, норы. Длина норы – по росту. Ширина – чтобы можно повернуться с боку на бок. Такие снежные норы напоминали ученический пенал. Всего и разница-то, что тот деревянный, а наш – из снега. В том хранились ручки и карандаши, а в этих укрывались мы, солдаты, спасаясь от лютой стужи. Когда приходила моя очередь отдыхать, я забирался в этот «люксовский» номер, а часовой закрывал вход деревянной крышкой от ящика из-под гранат или

мин. Было тепло. Внутри от дыхания и выделяемого тепла «пенал» так обледеневал, что можно было сверху ходить по нему, не опасаясь провалиться. Но появлялась другая напасть. От тепла начиналась капель. На тебя сверху капала вода – кап, кап, кап... Под тобой лед, вокруг лед. И это в солдатской шинели. Ощущение, словно тебя замуровали живым.

Когда я впервые залез в такой пенал, вдруг вспомнил один забавный случай, происшедший со мной в селе Жестянка зимой 1939 года. Тогда, во время школьных новогодних каникул, в один из дней я отправился на охоту. Взяв дома одноствольное ружье 12-го калибра и став на лыжи, отправился за село, в поле. Местность в тех краях холмистая. Поднялся по небольшому склону холма. Стояла довольно-таки морозная погода. По низу, по снегу тянула поземка, сметая выпавший накануне снег. Кое-где образовались дугообразной формы заносы. Когда поравнялся с одним из них, неожиданно увидел укрывшегося от ветра спящего зайца. Остановился, замер на какие-то доли секунды. Сначала хотел снять ружье и в упор выстрелить в него. Но тут неожиданно возникла мысль взять его живым. Он, заяц, находился от меня всего в двух шагах. Вот, думаю, будет в селе разговор – принес живого зайца! Сделал один шаг вправо – лег, закрыв вход в нору своим телом. Стал просовывать правую руку, чтобы взять зайца. И тут мое лицо, словно от взрыва, обдало брызгами снега. Заяц пробил свод своего убежища. Пока я встал, протер глаза – его след простыл. Ну и досада взяла тогда меня. Это воспоминание принесло мне успокоение, и я уснул в своем необычном укрытии.

Проснулся, когда часовой разбудил меня: «Вставай, командир роты вызывает». Получил задание пойти в разведку. Передавая мне свой бинокль, командир попросил засечь огневые точки, особенно пулеметные и минометные. Поднялся наверх из оврага. Пополз. Добрался таким манером до верхней точки холма. Увидел раскинувшееся внизу село, разделенное пополам рекой. Впереди, правее от меня, где-то метрах в ста, большой сарай. Чуть левее и дальше – дома. За рекой, на высоком берегу, большая церковь.

На улицах ни одной живой души. Перед церковью, по всему берегу реки, идут траншеи. По ним туда-сюда передвигаются люди. Это видно по каскам на головах. Понятно, что траншеи отрыты в полный рост. Как потом нам стало известно, село Хлебтово обороняли немецкая дивизия СС и власовцы. Как это часто бывает, после снегопада и метели установилась солнечная погода.

Стрельбы со стороны села не было. Вероятно, установившаяся хорошая погода и тишина подействовали на меня. Улегся поудобнее, взял бинокль и начал обозревать траншеи противника, пытаюсь обнаружить его огневые точки. И за свою беспечность чуть не поплатился жизнью. Я, конечно, знал, как образуется солнечный зайчик при попадании лучей в зеркало, в школе не раз такое проделывали. Но, к сожалению, мы не всегда умеем использовать свои знания. Едва я направил бинокль на заинтересовавший меня объект, последовал ответ – пуля немецкого снайпера буквально в десяти сантиметрах от моей головы вонзилась в снег. Замер. До моего сознания дошло, что я допустил глупость. Замереть-то я замер, да, видимо, не совсем удачно притворился убитым. Еще две пули легли рядом со мной – одна у левого, вторая у правого плеча, недотянув каких-то 3–5 см. Как пришло решение – не знаю. Резким рывком всего тела, как рак, отбросил себя назад. Последовавшие еще несколько выстрелов вражеского снайпера уже не могли меня достать. Я был в «мертвой» зоне огня. Вернулся, доложил командиру роты обо всем, что увидел. Конечно, о своей глупости умолчал.

Сколько было пройдено нами в наступлении от первой в моей жизни атаки до подхода к окраине села Хлебтово, не помню. Не помню и того, сколько дней мы, подойдя к нему, укрывались в снежных «пеналах».

БОИ ЗА ХЛЕБТОВО

Пополнив боезапас, мы дважды ходили в атаку и каждый раз вынуждены были отходить к оврагу. В первую атаку нам удалось пробиться к одиноко стоящему сараю. Он оказался конюшней. Обследуя его, обнаружили убитую лошадь. Когда она была убита и сколько дней в ней лежит, думать было некогда. «Голод – не тетка», – от закоченной туши лошади попытались отрезать, отковырять хоть что-то, чтобы утолить голод. Кто-то из солдат своим «крысалом» высек искру. От пакли выдули огонек, развели небольшой костер (это, конечно, громко сказано. Жизнь солдатская на передовой научила разводить еле-еле горящий костерок). Отодранные от туши куски отогрели на нем и не столько съели, сколько проглотили. Вскоре получили приказ отойти назад.

Вторая наша попытка войти в Хлебтово также не увенчалась успехом. Только с третьей попытки удалось овладеть несколькими домами, оставив конюшню позади. Так, наконец, вошли в Хлебтово, точнее в его половину. Двинуться через речку, разделявшую это село, означало идти под прямую наводку автоматного и пулеметного огня. Последовала четвертая ночная атака. Удалось частично ворваться в траншеи немцев. Но силы были неравными. В самом начале своего повествования я говорил о подвиге Семена Кульбякина. Он погиб как раз в этой четвертой нашей атаке.

Заняв половину села, мы, семь человек, окопались во дворе и огороде одного из деревянных домов. В нем были две комнаты. В первой – большая русская печь, стол и несколько табуреток. Во второй – железная кровать, стол и вдоль стены длинная деревян-

ная лавка. Два окна. Одно выходило на улицу, другое – во двор. У дома аккуратно срубленный из бревен амбарчик с деревянным полом. Осматривая его, обнаружили в полу люк. Это был вход в погреб. Кто-то, уже не помню кто, спустился в этот погреб и обнаружил в нем смертельно пьяного человека. Выволокли его оттуда. Это оказался то ли полицейай, то ли власовец. Не помню. Прибыл наш командир батальона. Хорошо помню, он был крепкий, под два метра ростом. Про него с полным основанием можно было сказать: косая сажень в плечах. Он начал допрашивать предателя. На вопрос, расстреливал ли он советских людей, тот цинично ответил: «Да я бы, не задумываясь, и тебя шлепнул, красная сволочь». Комбат тут же разрядил в него весь свой пистолет. Вечером нам сообщили: командир батальона за самосуд отправлен в штрафной батальон. А через несколько дней узнали еще кое-что. Штрафной батальон вел разведку боем. Будучи раненым, наш комбат вытащил на себе двух раненых штрафников. Реабилитировали, восстановили в звании майора. К нам не вернули, направили в другую часть.

Продолжу рассказ о Хлебтово. В погребе того амбара, откуда выволокли предателя, были картошка и лук. Больше ничего. Набрали картошки. Пять человек пошли в дом. Я остался на посту наблюдать из-за амбара за улицей. Второй – на посту в окопе с противоположной стороны дома. На доме, где расположились ребята, крышу снесло снарядом, хотя потолок и печка были в полном порядке. Подошло время моей смены на посту. Решил переобуться. Снял один валенок, постелил в него немного соломы, заматал другим концом портянки (вместо намоченного конца) стопу ноги. Уже было собрался проделать такую же операцию с другой ногой, но помешал немец – со свистом и воем влетела в крышу амбара немецкая мина. Взрыв, солома, гарь и копоть окутали меня. Ну, выругался я, фриц не дает даже переобуться. Решил сделать это в доме, вошел в первую комнату. Там ребята возились с картошкой и луком, решив сварить ее в печке. Посмотрел – мне сесть негде. Вошел во вторую, сел на лавку и только хотел снять второй валенок, как раздался взрыв второй немецкой мины.

Удар пришелся как раз в центр потолка первой комнаты, и потолок обвалился. Я услышал стоны и крики находившихся в ней ребят. Выбил ударом ноги раму, выскочил в огород, подбежал к входной двери. Подоспели другие ребята. Еле-еле выломали входную дверь. Из-под завала вытащили раненых. Среди них мой земляк, односельчанин Николай Кадников. Два осколка пробили ему плечо. Второй земляк из-под города Пугачева. Его голову и лицо иссекли мелкие осколки. Вытащили других, фамилии которых уже забыл. Прибежали санитары. Отправили в медсанбат. Провожая их, не мог сдержать слез. Это же были мои земляки! Словно оборвалась моя связь с родным домом. На душе было больно и тяжело. Конечно, они заплатились за свою глупость, затопили печку, чтобы сварить картошку.

Немцы не только открыли сильный огонь из минометов по нашей позиции, но и пошли в атаку. Они стали наседавать на нас, заходя с двух сторон. Командир роты капитан Иван Филиппович Дризач, солдат Чернов и я оказались прижатыми их огнем к амбару. Командир и Чернов стали отстреливаться из двери амбара, а я – из маленького окошечка. У двери раздался взрыв. Гарь, копоть и дым заполнили наше укрытие. Сквозь еще стоявший в ушах звук взрыва я услышал дикий вой Чернова, который вращался волчком на полу, а потом и голос командира роты: «Дорохов, помоги Чернову». Придавил Чернова к полу, разрезал валенок кинжалом (тем самым, который подобрал в Клишино) вдоль икроножной мышцы. Кровь забила фонтаном. Пятка Чернова была разрублена на две части вдоль ноги, торчали кости. Ужас. Как такое могло случиться! Видимо, меняя диск в автомате, он повернулся спиной к двери и влетевший осколок сделал свое дело. Перебинтовал его как смог и сказал: «Ползи в медсанбат». Дополз ли он и остался ли жив, не знаю.

Я встал на свое место и продолжал вести огонь по наседавшим со стороны улицы фашистам. Раздался взрыв у моего окошечка, я оказался на полу. Сквозь грохот взрывов и треск автоматов до меня словно из преисподней дошли слова командира роты: «Дорохов, ты жив?» «Не знаю», – ответил я. Все вокруг плыло,

голова чугунная, ничего не соображал. Рукой пытался нащупать слетевшую с головы шапку-ушанку. Надевая ее, почувствовал под пальцами что-то теплое и жидкое. Осколок, то ли от мины, то ли от гранаты, не только сбил меня и оглушил, но еще и вошел под кожу чуть выше лба. И величиной – всего-навсего с семечко подсолнуха. Скорее автоматически, чем сознательно, встал вновь на свое место, отстреливаясь от наседавших фашистов. Хорошо, что подоспела помощь и нам удалось отстоять половину села Хлебтово. Наш батальон занял оборону.

Весна вступала в свои права. Все больше и больше пригревало солнце. Снег становился рыхлым, кое-где появилась талая вода. Мы ходили в валенках. Ночью мороз, днем оттепель. Можно себе представить наше положение. Хлебтово мы, я имею в виду наш батальон, не взяли. Вскоре полк был отведен на другой участок. Где он, этот участок был, не помню. Зато прекрасно запомнил, что он из себя представлял и чем мы на нем занимались. Большая широкая долина. По верху этой долины широкое поле. Оно было когда-то вспахано. Подтаявший снег открыл прогалины той пашни. День и ночь рыли траншеи в полный рост на этой пашне. Начинали рыть траншеи и ходы сообщений примерно с 23.00 и заканчивали в 3 часа ночи. Потом отдых, но не для всех. Часть оставалась и несла службу. В ночь отрывали по 150–200 метров. Траншеи глубиной от 1 метра 30 сантиметров до полутора метров. Помимо этого рыли ячейки для станковых пулеметов, противотанковых ружей, блиндажи с перекрытиями от одного до пяти накатов. И делали это полуголодными, а иногда и голодными вовсе. Иные могут возразить: быть такого не может! Может! И еще как может! И все это под постоянным обстрелом противника. В подтверждение сказанному приведу выдержки из донесения политотдела дивизии. «В ночь с 5 на 6.04.43 г. противник вел интенсивный минометно-пулеметный и артиллерийский обстрел частей 37-й гвардейской стрелковой дивизии. Всего выпущено 326 снарядов и 325 мин... В течение двух дней личный состав 114 гвардейского стрелкового полка не получил хлеба... В другие дни по 300–400 грамм хлеба».

Помню, как нам приносили тогда в термосах суп из чечевицы. В полкотелке – 10–15 чечевинок, а остальное – вода. И это на день! (См.: Ф-870, 045078. Д-5 – политдонесение 37 гв. стр. д. за апрель 1943 г. Архив МО. Подольск.)

Таких дней, когда не получали пищи зимой и весной 1943 года, не счесть. Только со второй половины мая положение дел стало постепенно улучшаться. Нам стали давать, когда обстановка позволяла, 800 граммов хлеба. О мясе и рыбе – даже разговору не было! На спуске в долину отрыли для взвода землянку для отдыха. Впереди наших траншей – выносные дозорные посты. Там пулеметчики и расчеты противотанковых ружей несли дозорную вахту. Еда доставлялась в термосах из нашего тыла. А мы в свою очередь относили еду выносным дозорным постам, расположенным от траншеи где-то на расстоянии 150–200 метров. В один из вечеров пришла моя очередь доставить термос пулеметному расчету. В начавшихся сумерках с термосом за спиной, утопая в жиже из грязи и снега, отправился в путь. Туда добрался спокойно. В том смысле, что немцы не стреляли. Даже из стрелкового оружия. Может быть, у них тоже было время ужина?

Ребята быстро справились с доставленным. Двинулся в обратный путь. Очевидно, немецкий пулеметчик закончил ужин и вернулся к своему месту. Начал он вести огонь по мне короткими очередями. То справа, то слева, обдавая меня грязью, ложились пули. Залечь нельзя, под ногами жижа из грязи и воды. Попытался опуститься как можно ниже. А пулеметчик словно издевался надо мной, хотел просто упаковать меня в это месиво. Видимо, с его позиции хорошо просматривался мой маршрут. Мне ничего не оставалось делать, как опуститься и лечь в эту грязевую, но, увы, не лечебную ванну. К моему счастью, стало довольно быстро темнеть. Остаток пути в свои траншеи преодолел без каких-либо трудностей. Вернулся весь в грязи. О том, чтобы умыться, помыть руки, и речи не могло быть.

Самым трудным в это время была ночь. Весенние заморозки доставляли адские мучения. За время дежурства в траншее мороз

сковывал валенки так, что они звенели, словно сделаны не из шерсти, а из стали. Наконец-то подходила смена. Спустишься в долину, в землянку и начинаешь проделывать «процедуры», чтобы высвободить изо льда и грязи ноги. Сядешь на земляной помост в виде нар, кто-то из солдат становится к тебе задом, берет твою ногу, зажимая ее между своими ногами. А ты, упираясь другой ногой в его мягкое место, с трудом стаскиваешь валенок. Затем поочередно начинаешь оттирать одну за другой ногу полкой шинели до появления в них тепла. Потом ноги начинают гореть так, словно их опустили в кипяток. Только тогда обобьешь портянки ото льда, постелешь их под себя и, укрывшись полкой шинели, засыпаешь. Сколько дней прошло, пока мы отрыли траншеи в полный рост с многочисленными ходами сообщений к разным огневым точкам, не помню.

С апреля по июнь, до начала Курской битвы, мы отрыли не метры, а уже километры траншей и ходов сообщений. В архиве мне удалось найти акт двух командиров о передаче участка обороны только одной роты другой. В нем говорится, что с апреля по июнь 1943 года: «Мы, нижеподписавшиеся, командир 3-й стрелковой роты 1-го батальона 114 гв.с.п. и командир 1-й стр. роты произвели прием и сдачу обороны, занимаемой 3-й стр. ротой. Сдано гвардии лейтенантом Махановым и принято старшим лейтенантом Бабенко 1150 погонных метров ходов сообщения; 3 из них с перекрытиями для станковых пулеметов, 20 ячеек для ручных пулеметов, 10 ячеек для станковых, огневую позицию для двух минометов 50-мм, 8 для ПТР, 7 блиндажей с двумя накатами, из них 2 для отдыха бойцов, 5 для стрелков, 5 блиндажей с 1 накатом, 1 блиндаж в 5 накатов – КП командира роты и командира батареи, 1 блиндаж в 4 наката на НП (наблюдательный пункт. – *Примеч. авт.*), 6 блиндажей еще не накрытых...» И это не считая отрытой сплошной линии траншеи от одной роты к другой, от одного батальона к другому и т. д. Этот небольшой архивный фрагмент говорит сам за себя – вот чем занимались мы, встав в оборону с весны. В том же донесении на листе 18 говорится: «Личный состав 114 гв.с.п. в течение трех дней не получает хлеба». А на листе 20 – продолжение: «Л/с 114 гв.с.п.

ходит... в валенках». И это было уже 18 апреля 1943 года. Да разве можно все перечислить? Да и нужно ли это?

Привожу эти факты отнюдь не для того, чтобы показать, какой я герой. Нет, нет и еще раз нет. Но клеветники должны знать, какой ценой доставалась Победа солдату! Мне могут возразить, что это все скрывалось и не докладывалось выше. Ничего подобного. В политдонесениях за май 1943 года говорится (причем неоднократно): «Части 37 гв.с.д. испытывают большие трудности в продовольствии: отсутствует хлеб, нет крупы, картофеля, мяса. Сегодня выдано л/с 118 гв.с.п. по 150 гр. сухарей, в 114 гв.с.п. – по 200 гр.». (См.: архив МО Ф-870, О-45078, Д-16, лист 18 за 15 мая 1943 года.) То, что это так и было, знаю по себе. Несмотря на голодное существование, отрывали по 10 и более погонных метров в полный рост траншеи.

Конец апреля, снег сошел. Солнце пригревало все больше и больше. В один из таких дней нам разрешили раздеться до пояса. Снял гимнастерку, теплую байковую рубашку и, вывернув нательную через голову, стащил ее с себя. Что я увидел на ней, на рубашке, не поддается описанию. Она были покрыта сплошь большими серыми вшами. Ни одного свободного просвета между ними. Подошел старшина роты. Посмотрел и приказал: брось в костер, сейчас принесу другую, что я и сделал. Появились первые больные тифом. Их отправили в стоявший позади нас, примерно в двух километрах, медсанбат. И началось. Прибыли врачи, медсестры. Всем сделали прививки. Подтянули в долину оборудованную в грузовике «вошебойку». Поставили большую палатку. Раздели догола. Всю солдатскую одежду с шинелями отправили в камеру этой машины, а нас – небольшими группами на обработку в палатку. Там медсестры, такие же молодые, как и мы, девчонки стригли и брили всюду, где только была растительность. Помыться – по котелку теплой воды на брата. Это была первая «баня» после того, когда нас переодевали в городе Балашово перед отправкой на фронт. К чести медиков им удалось остановить распространение этой болезни что называется на корню.

Все лето 1943 года вгрызались в землю, создавая вторую линию обороны. Ночью копали, днем занимались отработкой различных видов боя: небольшими группами ходили в атаку на условного противника, бросали пехотные и противотанковые гранаты, бутылки с зажигательной смесью, разумеется – болванки. Иногда даже занимались строевой подготовкой. Закончил свой дневник. Я начал вести его, еще работая кочегаром на паровозе на станции Верхний Баскунчак, когда в составе поездной бригады водил воинские эшелоны под Сталинград. Это была столитовая тетрадь. Завернул ее в промасленную бумагу из-под патронов. Свернул трубкой, положил в оцинкованную железную коробку из-под патронов и на склоне долины закопал, полагая, что запомню это место.

Получили большое пополнение. Ниши траншей забили до отказа патронами, гранатами, бутылками с зажигательной смесью. Вечером все заняли свои места в траншеях. В долине никого не оставили. Нас предупредили: возможно, немцы утром предпримут наступление. Нас поддержат наши танки. На всякий случай наши саперы сделали проходы для них через наши траншеи. Ночь прошла относительно спокойно. Немцы пускали осветительные ракеты, постреливали. Наступило раннее утро – тишина, ни ветерка, тепло. И вдруг ударила наша ближняя, а следом и дальняя артиллерия. Заговорили «катюши». Стоял такой гром небесный, словно раскололась, треснула вселенная. Сколько артиллерия молотила по переднему краю немцев, не знаю. Канонада закончилась так же неожиданно, как и началась. Наступила тишина. Постепенно усиливаясь, стал доходить до нас гул моторов подходящих сзади наших танков. Он перешел в рев. Пройдя через наши траншеи, они еще больше взревели, набирая полный ход. Мы стали смотреть им вслед. Сначала не заметили, как им навстречу идут – также стеной – немецкие танки. Сближаясь в ровном поле, танки на ходу вели огонь. Началась настоящая битва. Так я увидел начало, как потом стало известно во всем мире, великого сражения на Курской дуге.

КУРСКАЯ ДУГА

Мы лежали, вернее говоря стояли, в траншеях, вглядываясь в происходящее перед нами. Огонь не вели, да и куда стрелять?! Команды стрелять не было, как не было и немецкой пехоты. Были горящие танки, немецкие и наши.

Рядом с нашими Т-34 сражались и американские танки с нашими экипажами. Они, эти танки, были уже и выше наших. При прямом попадании вражеского снаряда такой танк вставал как конь на дыбы. Затем либо падал на бок, либо переворачивался навзничь. Ложился вверх гусеницами, вспыхивая огромным шаром огня. Они работали на бензине в отличие от наших, которые работали на дизтопливе. Когда немецкий снаряд попадал в наш танк, то сначала из него вырывался столб черного дыма и только затем пламя. Танкисты, объятые пламенем, словно факелы, падали на землю, катались по ней, пытаясь сбить пламя. Все происходило у нас на глазах, а мы, находясь в траншеях, были не в силах им помочь.

Дуэль

Сошлись стена стеной
Две танковые колонны.
В том танковом бою участия не принимал,
Всего лишь был пехоты воин.
Пылали танки на глазах,
Сквозь гром, огонь и дым
Я слышал стон –
То погибал танкист, советский воин,
То было – Прохорово поле.

Но вот настал и наш черед идти вперед. И пошли. Наконец подошли ко второй полосе немецкой обороны в сражении на Курской дуге. Как оказалось впоследствии, нам предстояло преодолеть еще три линии траншей противника. Хорошо оборудованных, с огневыми точками и блиндажами. Тут нам пришлось остановиться. Снова стали рыть траншеи в полный рост. Благо почва мягкая. Как и прежде, выручала нас солдатская малая лопата. Ей-ей, она, эта лопата, достойна гимна. В траншеях делали ниши. В них размещали боезапас. Нам предстояло, прорвав и эту оборону, освободить город Дмитровск-Орловский.

БОИ ЗА ДМИТРОВСК

«На станции сойду, трава по пояс...» Над головой словно застыли в небе светло-серые перистые облака. За спиной – лесной массив, а по полю степенно, будто важная персона, вышагивал аист. «Спасибо аист, спасибо птица, так и должно было случиться...» Такую идиллическую картину с аистом мы увидели с женой, когда после окончания всех торжеств по случаю 60-летия освобождения города нас вывезли за город бывшие комсомольские вожаки Нина Григорьевна Миронова и Татьяна Александровна Позднякова. Но это было сейчас, а тогда, в 1943 году, все было совсем не так. Случилось то, чего мы никак не ожидали.

Август. Утро. Душно. Ударил наша артиллерия. Я едва успевал вытаскивать из ниш в траншее заготовленные заранее мины и подавать своему расчету. Командир роты, забравшись на дерево, подавал одну за другой команды, внося коррективы. Примерно полчаса вели огонь по первой траншее немцев. Наш запас мин иссяк. Командир роты спустился с дерева. Один из разорвавшихся близи немецких снарядов ранил его. Осколок величиной 3–4 сантиметра рассек мышцу выше колена. В мои обязанности входило не только подносить боезапас, но и оказывать помощь раненым. Еще в городе Балашово, перед отправкой на фронт, нас, нештатных санитаров рот, научили делать перевязки раненым. Пришлось попросить командира роты снять штаны (галифе). Осколок вошел ребром. Его рваные края чуть выступали из мышцы выше колена. Придав

ее двумя пальцами, вытащил осколок, забинтовал рану. И тут команда: «В атаку». Слово «ура!» срывалось с губ, только когда взбирался на бруствер траншеи. Сколько ни пытаюсь вспомнить, о чем думал, идя в атаку, – не могу. О партии, о Родине, о Сталине, о любимой девушке, о доме и родных? Нет, в голове одно: вон тот ориентир, вон то место, до которого я должен добежать. Стрелял на ходу, падал, петлял, а мысль одна: добежать до этого места. И все! Ворвались в немецкую траншею. Немцев уже нет, отошли. Осмотрели траншеи, ниши, блиндажи. Словом, любую щель, где мог бы укрыться немецкий солдат.

Постепенно успокоился, сердце, молотившее до того с невероятной силой, тоже успокоилось. Первая траншея взята. О второй и третьей – мыслей нет. Передохнуть, отдышаться – вот и вся солдатская недолга. На следующий день только к вечеру овладели второй траншеей фашистов, отстоявшей от первой на 3–5 километров. Может – ближе, а может – и дальше. Не помню. Зато хорошо запомнил брошенный немецкий мотоцикл с коляской около блиндажа. Как он заводится, не знал. Раза два или три, затащив его на насыпь блиндажа, скатывался на нем метров на десять. В радиои телепередачах говорят и пишут в прессе о том или ином ветеране: «Он прошел от такого-то и до такого-то места». Нет, мне этого не пришлось делать. Могу с полным основанием сказать: «Свой путь от Ельца и до предместий Варшавы не прошел, а прополз с короткими перебежками. Все ползком да бегом через поля, болота и леса и в зной, и в стужу».

Пока же нам предстояло на пути к Дмитровску-Орловскому преодолеть третью вражескую траншею со всеми ее огневыми точками. Пожалуй, самое ожесточенное сопротивление оказали нам немцы на своей третьей линии обороны на подступах к городу. И на то у них были причины. В самом городе у них не было подготовленных заранее опорных пунктов. Сдавать город они не собирались. Видимо, полагали, что трех впереди лежащих в 12 километрах от города линий обороны будет достаточно. Они предполагали, а мы уже располагали. Располагали приобретенным в тяжелых боях

опытом. Разбив их на Курской дуге, мы уже не были желторотыми несмышленишками. Эта наша победа придала нам сил и уверенности, укрепила нас в духовном, моральном отношении.

11 августа, сломив сопротивление фашистов, мы вплотную подошли к Дмитровску. Наш 114-й гвардейский стрелковый полк залег в этой долине, перед рекой. Место заболоченное, копьешь солдатской лопатой – вода. Так что никакой речи о рытье окопа не могло быть. За речкой был виден крутой подъем в город. Слева церковь. Там пулемет. Идти в открытую на пулеметы, расположенные не только на церкви, но и по всему высокому берегу реки, – положить всех. Конечно, на это ни один командир не решился. И это сохранило многие и многие жизни бойцов нашего полка. И надо же было такому случиться: налетели наши самолеты – бомбардировщики-штурмовики. Приняв нас за немцев, стали пикировать на нас. Мы пытались подавать им сигналы – махали пилотками, автоматами, руками. Сделав первый заход, они пошли на второй, поливая нас пулеметным дождем. Мы кричали и махали, кричали и махали. Но это скорее от отчаяния, от досады. Мы подошли к Дмитровску раньше, чем рассчитывало командование, и понесли потери от своих же. Бои, длившиеся на подступах к городу 7, 8, 9, 10 и 11 августа, закончились.

Вернувшись с совещания, командир роты дал мне задание: «Пойдешь в составе штурмовой группы. Задача твоя одна – водрузить флаг над городом. Тебя будет прикрывать такой-то солдат». Вечером 11 августа командир роты вместе со связным отправился в расположенный чуть левее и выше плодопитомник, чтобы провести разведку огневых точек в городе. Немцы изредка вели огонь по нашим позициям из стрелкового, минометного и артиллерийского оружия. Огонь не прицельный, а так, для остротки.

Прибежал связной и сообщил нам печальную весть: шальной снаряд немцев попал в плодопитомник недалеко от них, командира роты убило. У него, у командира, было два ордена Красной Звезды. Осколок снаряда разбил один из орденов и сразил командира. Наши минометы были сложены под деревьями, где сейчас

находится водохранилище. Кто-то из командиров взводов, приняв на себя командование, приказал собрать один миномет и дать прощальный залп из оставшихся нескольких мин. Так и сделали.

Стемнело. Я и прикрывавший меня солдат отправились на место сбора штурмовой группы. Нас собралось человек 20–25, не более. Группу возглавлял какой-то старший лейтенант. Задача была одна – пробраться в город незамеченными и вызвать панику. Надо сказать, что нас вооружили под завязку. Один диск к ППШ в автомате, два запасных – на ремне (в каждом диске по 72 патрона), по полдюжины гранат-лимонок и еще запас патронов в вещмешке. Это большая огневая сила. Скатки шинелей приказали оставить в ротах, чтобы проползти как можно тише, не дать себя обнаружить.

Когда стало совсем темно – поползли. Как только взмывала вверх немецкая осветительная ракета, мы замирали и лежали, не шелухнувшись. Доползли до реки. Деревянный мост через нее немцы взорвали после своего отхода в город.

Оставшиеся после взрыва сваи задержали несколько бревен. По одному из них стали перебираться через речку. Как только взлетала немецкая ракета, солдат замирал, прижавшись либо к свае, либо к бревну. Таким образом поодиночке удалось переправиться всем, немцы нас не обнаружили. Залегли в кустах. Время, когда начинает светать, самое трудное для человека. Глаза смыкаются сами собой. Этим как раз мы и должны воспользоваться. Где-то часа в 4 – начале 5-го бесшумно двинулись в гору. Поднявшись наполовину, еще не приблизившись к первым домам, по команде командира заорали «ура!», открыли бешеный огонь наугад и стали бросать в разные стороны свои гранаты. Такого немцы не ожидали. Русские в городе! Это их настолько ошеломило, что они не могли понять, куда стрелять! Наше «шумовое» оформление имело целью не только вызвать панику, но и было сигналом для начала атаки всех подошедших к городу сил.

Ведя беспорядочную стрельбу, немцы стали бросать свои позиции. Подбежал к одному дому – из калитки мне навстречу старик

с огромной белой бородой. Мы чуть лоб в лоб не столкнулись. Он обнял меня, приговаривая: «Наконец-то, сынки. Дождались мы вас!» На мой вопрос, где здесь, кроме церкви, есть высокое здание, указал почти напротив нее двухэтажную школу. Я и напарник бросились туда. Увидели, как немцы выскакивали из-за ограды церкви. Отступали, бросив свои огневые точки на церкви и вокруг нее.

Стреляя им вслед, подбежали к двухэтажному зданию. На стене я заметил пожарную лестницу. Хотел подняться по ней, но увидел, как вдоль забора от школы бегут немцы. Остановился. Чуть не сделал глупость – они бы меня тут же «сняли» с этой лестницы. Открыл дверь школы, и мы бросились вверх, на второй этаж по широкой лестнице. Навстречу из комнаты вышла насмерть перепуганная женщина. Слова произнести не могла, не понимала, что происходит. Только когда я спросил, где ход на крышу и есть ли у нее кусок красной материи, до нее дошло, что пришли свои. Она метнулась в комнату, открыла деревянный сундук. Покопавшись, достала красное полотно, всем нам хорошо знакомое по праздникам. Прошли в конец коридора к железной лестнице на чердак. Я поднялся по лестнице, стволом автомата отбросил люк. Надел пилотку на ствол автомата и осторожно поднял его вверх. Тишина. Одной рукой, не высываясь, дал очередь на чердак по кругу. Ответного огня не было. Поднялся на чердак. У слухового окна закрепил полотнище. Выйдя из школы, я и напарник бросились догонять своих товарищей, бежавших за отступавшими немцами вдоль красного каменного забора усадьбы Дмитрия Кантемира. Много лет спустя, я узнал, кто такой Дмитрий Кантемир. Он был на службе у Петра I.

Преследуя фашистов, наша группа оказалась на противоположной стороне города, на окраине, в районе какого-то горевшего завода. Остановились. Перед нами речка и болото. Залечь и окопаться негде. Видимо, у немцев была хорошая связь – над нами появился немецкий самолет-корректировщик. Его прозвали «рама». Фашистская дальнобойная артиллерия открыла из-за болота огонь. Шрапнельные снаряды разрывались в воздухе на

определенной высоте, поражая лежащую пехоту. Командир нашей группы приказал отойти назад, чтобы укрыться у ближайшего дома. Вскоре получили приказ: всем вернуться в свои подразделения, которые уже вышли на марш-бросок слева от этого болота. Выбиваясь из сил, я догнал-таки свою роту. Никому ничего не докладывал, да и докладывать было некому. Как я уже писал выше, командир роты погиб накануне штурма. За пять дней боев за город Дмитровск-Орловский – с 7 по 11 августа 1943 года – наша дивизия понесла огромные потери: 512 человек убиты и 1996 человек ранены. Более ста человек в день!

В кино любят показывать митинги, клятвы на похоронах погибших боевых товарищей. Тут и за день не отроешь столько могил. По крайней мере я не знаю ни одного случая похорон своих однополчан. Никого и никогда не хоронили, даже своего командира роты. В стрелковом батальоне это сделать просто невозможно. Свою позицию не оставишь и не уйдешь подальше в тыл, чтобы заняться погребением. Этим занимались похоронные команды, которые шли за нами. Кто принял командование ротой, я не знал. Когда я присоединился к своей роте, какой-то командир взвода (новенький) спросил: «Кто такой? Откуда?» За меня ответили ребята: «Это наш, такой-то, был в штурмовой группе». Да у меня и не было сил рассказывать, как и что: с 10-го на 11-е мы брали последнюю, третью траншею; день 11 августа и ночь на 12-е я не сомкнул глаз, да еще сутки ни крошки во рту, а тут опять марш-бросок после бессонной ночи и боя.

На следующий день получил приказание отправиться в другой батальон. На сей раз – в учебный батальон этой же дивизии. В политдонесении частям дивизии говорилось о том, что начальник политотдела дивизии дал указание заместителям командиров по политчасти подобрать лучших людей из рядового состава в учебный батальон для подготовки их командирами отделений. (См.: Ф-870, 04507, Д-9, Л-77 от 16.08.1943 г. лист 37 – Архив МО в Подольске.) Собраться солдату – все равно, что голому подпоясаться. Благо этот батальон рядом с моим 3-м батальоном, в минометной роте

которого я был подносчиком боезапаса. Определили тоже в минометную роту, взвалили на спину плиту весом около 20 килограммов. Командиром батальона был майор Холопов. Его я хорошо запомнил, а вот замполит не запомнился мне ничем – ни хорошим, ни плохим. Запомнился и начальник штаба учбата майор Егоров. Чем запомнился? Прежде всего своим видом – он всегда был чисто и аккуратно одет, выбрит, подтянут. И еще. Уже в Белоруссии, после очередного боя, проходя через траншею нашей роты, он увидел меня и протянул руку: «Поздравляю вас с наградой». Сейчас уже не помню, какой именно наградой – медалью «За отвагу» или «За боевые заслуги». Точно помню только, что поздравлял он меня с медалью. Правда, медали я так и не получил.

Много позже, уже в 1944 году, я получил орден «Отечественной войны II степени» за бой в Раковичах в декабре 1943 года. А тогда, в августе, сентябре и октябре в ходе боев из меня делали командира минометного отделения. Я ползал и бегал с плитой, лафетом, а затем и стволом 82-мм миномета. Если с плитой и лафетом передвигаться было более или менее удобно, то со стволом миномета, имевшим более метра в длину, – одна маета. Представьте: на плече или за плечом у вас железная тяжелая труба с утолщенным концом и шарниром для соединения с плитой в виде шарикоподшипника. И это помимо постоянных спутников солдата в бою – вещмешка с котелком, кружкой и ложкой, запаса патронов к автомату ППШ и скатки шинели. Плюс к тому – через плечо противогаз, малая лопата на ремне гимнастерки, запасной диск с 72 патронами да пара «лимонок».

С Орловщины с боями шли по Украине. Запомнился бой за город Шостка Сумской области. Город горел. Отбили его у немцев. Остановились на окраине в большом сосновом бору. Окопаться – одно мучение: почва песчаная, копаешь, а края осыпаются. Получился не окоп, а поросычья яма. Какая-никакая, а укрыться от пуль и осколков можно. Батальон завалился спать. Кроме охранения спали все. Где-то во второй половине дня – моя очередь заступить на пост на правом фланге роты. Заступил. Метрах в 300–400 от поста – част-

ный деревянный дом. Через какое-то время из этого дома вышел и направился ко мне мужчина. Мне он показался стариком. Мне-то девятнадцатый год, а ему было, очевидно, за 50. Поговорили. Он спросил меня: «Когда сменишься?» «Зачем тебе?» – в свою очередь спросил я. «Да ведь радость-то какая! Моя старуха послала пригласить тебя в гости. Душу отвести, свои же пришли! Приходи, вот мой дом», – указал он на крайнюю хату. «Сменяюсь и, если разрешат, приду», – ответил я. На том и порешили.

После смены попросил разрешения у командира то ли отделения, то ли взвода пойти в гости. Еще стоя на посту, обратил внимание на то, что жители села катили по улице к себе в дома железные бочки. Расположились мы с хозяином в палисаднике дома, на старом домотканом покрывале или скатерти, постеленной на траве-мураве. Угощение – помидоры, свежая вареная картошка да хлеб с солью. Хозяйка в огороде открыла деревянную крышку с ямы, зачерпнула полкастрюли – и к нам. Поставила. Гостеприимный хозяин спросил меня: «Какой будем пить – чистый или разведенный?» У меня промелькнула мысль: «Чем разводить и зачем разводить?» Ответил: «Разводить не надо». Хозяин налил по полкружки солдатской и сказал немудрено: «За вас, за Победу!» Хватил я содержимое залпом – и ни вдохнуть, ни выдохнуть не могу! Наверное, глаза у меня вылезли на лоб. Только тут хозяин понял, что перед ним новичок в «этом деле». Одну за другой стал он совать мне в рот помидорки. Горло перехватило, еле-еле сделал выдох. Так впервые познакомился я со спиртом. Оказывается, сельчане катили бочки со спиртом. В Шостке ни наша армия, ни немецкая при отступлении не взрывали завод по производству пороха и других взрывчатых веществ. Постарался как можно быстрее вернуться к себе в батальон, чувствуя, что меня «развозит». В своем песчаном лежбище уснул мгновенно. Сигнал тревоги прозвучал на следующий день. Снова в бой. Но как такового боя не было. Немцы отступили, оставив нас перед, как им казалось, непреодолимым препятствием – мы вышли к Днепру.

Стали готовиться к переправе. Нам хорошо виден противоположный берег. Широкая песчаная отмель кончается обрывистым берегом высотой, как мне показалось, от полутора до двух метров. Расположились в лесу. Нас учили, как и что можно использовать для того, чтобы перебраться на тот берег. Пловец из меня был плохой. В детстве научился только держаться на воде. Через родную деревню, Малую Тарасовку, протекала небольшая речка шириной в каких-то два десятка метров. В пионерском лагере, под селом Рахмановкой, на купанье брал наволочку со своей подушки. Войдя в воду, делал движение наволочкой по воздуху и с силой, рывком опускал ее на воду. Она наполнялась воздухом и превращалась в нечто подобное воздушному шару. Держась за этот шар и работая ногами, проплывал три-четыре метра. Это был предел радости и детского счастья. Или пускался в такое же плавание, найдя какой-либо сухой пенек или корягу, а лучше всего – обренок доски.

И вот я стал собирать старые сухие-сухие сучья. Чем длиннее и толще, тем лучше. Насобирал целую кучу и связал большую вязанку обрывками веревок, проволоки, кусками материи (этим перевязочным материалом снабдили нас тыловики: они делали свое дело, а мы – свое). Соблюдая все меры предосторожности, нас небольшими группами приводили на берег Днепра, показывали течение реки, объясняли, как сопротивляться ему, чтобы не унесло далеко от намеченного места высадки на противоположном берегу. Мне стало как-то не по себе: такого быстрого течения и такой широкой реки я не видел никогда. На речке в моем селе течение реки было видно только по весне, в ледоход. А тут – стремнина! В условленный час группами по 10–15 человек с вязанками хвороста, веток, соломы мы спустились к воде. Минометы и скатки шинелей оставили на берегу. Двое или трое смельчаков, хорошие пловцы, с веревкой в руках вошли в воду первыми. Их задача – закрепить конец веревки на той стороне, чтобы потом саперы спустили по веревке заготовленные плоты и переправили на них минометы, легкие пушки, боезапас.

■ БОЙ ЗА РЕЧИЦУ

Плывущие по Днепру пучки соломы, зеленых веток, сена и коряги не вызвали у немцев подозрения, хотя они постоянно с разными интервалами пускали над рекой осветительные ракеты. Спихнулись только тогда, когда мы, почувствовав под ногами дно, стали выбираться на берег. Открыли по нам огонь. В этот момент на их траншею обрушился шквал артогня нашей дальней и ближней артиллерии, «катюш». В воздухе появилась наша авиация. Немцы отчаянно сопротивлялись. Под огнем противника наши саперы тащили, спускали на воду части плотов. Вязали их и наводили наплавную переправу. Буквально по пятам за ними продвигались небольшими группами части основных сил наступления. В первую очередь переправляли станковые и ручные пулеметы, противотанковые ружья, батальонные минометы, боезапас. Видимо, немецкие артиллеристы получили координаты места, где наводилась переправа. Открыли огонь. От взрывов буквально кипела вода, волны раскачивали еще слабо закрепленные между собой секции плотов. Солдаты, несшие пулеметы, ружья ПТР, боезапас и минометы, срывались в воду, а быстрое течение Днепра делало свое дело.

Есть такое понятие: идти в атаку за валом своего огня. После нашей артподготовки мы поднялись выше на берег – и я увидел потрясающую картину: голое сухое поле с чахлой травой было буквально вспахано разрывами снарядов. Реактивные снаряды «катюш» оставляли воронки в шахматном порядке где-то в пределах 10–15 метров друг от друга. Такого натиска и стремитель-

ности удара немцы не ожидали. Мы ворвались в город Речица со стороны железнодорожного вокзала. Запомнилось, что на станции, на железнодорожных платформах, стояли немецкие танки. Их не успели разгрузить. Забрался на один из танков, чтобы посмотреть, нет ли там засевшего автоматчика или пулеметчика. За столь быстрое форсирование Днепра и освобождение Речицы нашей 37-й гвардейской стрелковой дивизии присвоили наименование Речицкой, а я получил благодарственную грамоту от Верховного главнокомандующего И.В. Сталина.

К сожалению, после войны я так ни разу и не побывал в Речице. А теперь и надежды на это не осталось никакой – ветеранов войны лишили бесплатных проездных документов. Спасибо вам, господа нардепы, за такой подарок!

РАКОВИЧИ

Продвигаясь с тяжелыми боями по лесисто-болотистой местности, наша дивизия, входившая в состав 65-й армии генерала Батова, освободила село Раковичи в Белоруссии. Не знаю, на каком слоге поставить ударение, произноса это название. Зато хорошо помню, какое «ударение» поставили нам там немцы. Через болота, заросли кустарников, леса и поля с боями подошли к этому селу. На подступах к нему завязался бой за небольшую, как мне показалось, деревню. Я и какой-то боец заскочили во двор одного из домов. Налетели немецкие самолеты. Сбросив бомбы на деревню, пошли на второй разворот. Из дома выбежала женщина с ребенком на руках. На ноге ребенка кровь. Женщина растерянно оглядывалась, не зная, куда укрыться. Услышав рев пикирующего бомбардировщика и жуткий пронзительный звук падающей бомбы, я выхватил у нее ребенка и распластался во дворе, закрыв его собой. Бомба взорвалась недалеко. Дым, гарь – ничего не видно. Очухавшись немного, приподнялся. Женщина лежала поблизости. Позвал ее, кое-как, наскоро, перевязал ребенка, и мы с бойцом отправились догонять своих. Ни имени, ни фамилии малыша не спросил, не до того было!

Выбили немцев из Раковичей. Окопались в сплошном песке за селом, в лесу. Через день-другой наш батальон отвели назад, в Раковичи. Память об этом селе не сотрется до смерти. Почему? Во-первых, мы роскошно отдохнули здесь в ожидании пополнения. Во-вторых, по два раза в день получали бесподобную «трапезу». В-третьих, здесь погиб почти весь наш батальон. В-четвертых, я и мой однополчанин совершили

здесь уникальный прыжок. В-пятых, я искупался в купели с ледяной водой. В-шестых, участвовал в марафонском забеге после жесточайшего боя.

Нашему отделению достался сухой, чистый, просторный деревянный дом. По долгу службы после войны мне пришлось останавливаться во многих гостиницах Советского Союза, в том числе в цековских номерах люкс. Жил в гостиницах Парижа, Амстердама, Цюриха. Но, честное слово, такого блаженства, какое испытал в Раковичах, нигде и никогда не испытывал.

«Вот заливаает», – усомнится иной читатель! Ничего подобного! Сами посудите. Спали на полу, на соломе, словно под нами не деревянный пол и солома, а перина из лебяжьего пуха. Тепло, ни ветра, ни дождя, ни снега. Благодать-то какая – после снежных окопов, ледяных «пеналов», грязи и воды в окопах.

Нет, уважаемый читатель, не удастся мне передать то поистине волшебное состояние тела и души от столь внезапно свалившегося ощущения уюта. Оно невыразимо. Два раза в сутки нам доставляли в термосах либо суп-пюре гороховый, либо кашу. Плюс к этому – обалденный вкус и запах консервированной, в жестяных баночках, американской колбасы или копченого консервированного, нежного, словно тающего во рту, бекона. Разве можно забыть все это? После чечевичного супа, кусков замороженной конины, многих дней голодания! Нет, конечно!

Получили пополнение, привели себя и оружие в порядок. Лица солдат просветлели, стали округляться, розоветь. А что еще надо солдату? Ел вдоволь, спал вволю. Это продолжалось примерно неделю. Но, как говорится, все хорошее быстро заканчивается. В один из предутренних часов наш сон прервали фашисты. Смяв поставленный нами заслон, они навалились на нас, сонных. Тут уже не до минометов. Командир роты дал команду: «По окопам». Пришлось отбивать одну за другой атаки немцев. И не один день. Силы были неравными. Поняв, что у нас кроме стрелкового оружия ничего нет, немцы пустили вперед танки. Решили проверить – не подвох ли это с нашей стороны.

Мы вели огонь из стрелкового оружия, не давая приблизиться к нам автоматчикам.

Две наши 45-мм пушки были расположены по обе стороны дороги из леса к селу. Их замаскировали под небольшими раскидистыми сосенками. Когда немецкие танки приблизились, пушки открыли огонь. Все солдаты нашего батальона, занявшие места в окопах и огородах, видели, как снаряды отлетали вверх или в сторону от лобовой брони немецких танков. Первый немецкий танк ударил по нашей сорокапятке, расположившейся справа от дороги. Промых! Следующий его выстрел – и от пушки и расчета не осталось ничего. Второй немецкий танк расправился с другим арт-расчетом только с третьего выстрела. Все происходило на наших глазах. Три их танка вышли из леса, ведя по нашим окопам огонь из пулеметов. Появились немецкие автоматчики. Шли во весь рост, строча из автоматов наугад, стараясь ошеломить нас своим шквальным огнем. Мы открыли встречный огонь. Автоматчики залегли. Но лежащие на открытом, запорошенном снегом поле – хорошая мишень. И немцы начали поспешно отходить в лес. Так, отражая одну за другой атаки фашистов, мы сумели удержаться на своих местах.

Первый день закончился. Стемнело. Небо затянуто тяжелыми тучами. Тишина. Начался снегопад. Медленно, словно покачиваясь на волнах, опускались на землю крупные снежинки. Ни ветерка. Картина завораживающая! Принесли термосы с ужином. Каждый получил полкотелка горохового супа-пюре. Суп, что называется ложкой не провернуть, наполовину с колбасой, все той же американской. Но есть не было никакого желания, и не только у меня. В голове одно: что будет завтра? Так, очевидно, думал каждый. Никто не проронил ни слова. Видел, как ребята, один за другим, перевернули свои котелки и выгребли ложкой содержимое на снег. То же сделал и я.

Ночь прошла спокойно. А утром началось! Никто не отдавал приказа нам стоять здесь насмерть, но каждый понимал, что будем так стоять. Еще накануне вечером командир роты приказал двум

расчетам как можно точнее нанести удар по пехоте немцев, используя все оставшиеся мины. Мне он дал задание корректировать огонь этих двух расчетов. Я залез на крышу сарая. Моя задача – выдавать данные на установку дальности стрельбы и отклонения падения мин вправо или влево от цели. Сам командир отправился с остальными бойцами роты в окопы.

На сей раз впереди танков на опушке леса показались немецкие автоматчики. Шли в полный рост. Все видно как на ладони. Танки поддерживали их огнем из пушек и пулеметов. Первый наш выстрел – небольшой перелет. Затем еще один выстрел. Прямо в цель. Тут наши минометы открыли беглый огонь. Немцы остановились, пропуская танки вперед. Немецкая мина попала в сарай, меня сорвало с его крыши. Шмякнулся спиной на утоптаный нами во дворе снег. Все поплыло в глазах. Перестал что-либо видеть и слышать. Глухота и боль в затылке. И все. Но до сих пор удивляюсь – ни единой царапины! Человек в такой ситуации часто действует автоматически. Я крепко сжал в руках автомат и рванулся к ребятам в окоп, где командир роты с солдатами отбивались от наседавших фашистов.

Наконец немцы поняли, что у нас нет не только артиллерии, но и противотанковых ружей. Да, у нас не было не только этого. Не было ни противотанковых гранат, ни бутылок с зажигательной смесью. Тыловики не успели подвезти. Правда, гранат-лимонки и патронов для ППШ было более чем достаточно. Немцы осмелели. Пустили танки. Они стали заходить вдоль наших окопов. Волосы на голове поднимали солдатскую шапку-ушанку. Все видели, а сделать ничего не могли. Лежали в окопе, ждали своей участи, словно обреченные. Но никто, почти никто не дрогнул. Как говорится, в семье не без урода. Второй номер ручного пулемета соседней роты нашего батальона поднял руки и пошел сдаваться.

Но бывают и чудеса. Таким чудом стал запыхавшийся связной с приказом отходить, то есть отступать. Был бы приказ, а солдат, да еще в такой ситуации, не только выполнит, но и перевыполнит задание. Бросились назад, во двор. Рядом со мной оказался боец

Абраменко. Вместе побежали по дворам, от одного дома к другому. Вдруг перед нами – стена. Нет, не китайская, а наша, российская, но не совсем обычная. У нас обычно как: покосившиеся столбы, сикось-накось прибитые доски, разные по высоте и толщине, жерди. А тут – забор под два метра (мой рост 175 сантиметров, и вытянутой рукой я дотянулся до края забора), оструганные и плотно пригнанные одна к другой доски. Загляденье, а не забор. Капитально отгородился хозяин от соседей! Не сговариваясь с Абраменко, побежали к калитке, чтобы обойти забор по улице. Открыли калитку... и налетели на проходивший немецкий танк.

Откуда взялись прыть и силы?! Видимо, у человека есть энергетический запас для критических ситуаций. Но это предмет исследования для ученых... В свое время собирался написать выдающемуся спортсмену Валерию Брумелю о том, что не он первый в мире установил мировой рекорд по прыжкам в высоту, преодолев два метра, а мы с Абраменко. Но доказательств у меня не было. Не было и судейской комиссии, чтобы зафиксировать такое достижение – преодоление планки высотой два метра. Да еще как! Но факт остается фактом. Мы это сделали! Попробуй, не одолей эту «планку», когда немецкий танк, что называется, подпирает тебя под зад!

До сих пор понять не могу: в валенках, шинели, с вещмешком, малой лопатой и автоматом перемахнули через забор даже без касания. Ощущение – словно меня кто-то поднял, перенес и поставил. Но я же был не один, а с товарищем! Он же тоже оказался по ту сторону забора. Ангел-хранитель на двоих?! Но я не был верующим. Кажется, напарник мой тоже был атеистом. Если б было суждено с ним встретиться, обязательно описал бы и его ощущения.

Наконец выбежали из села. Немецкие танки шли по дороге, а мы с Абраменко, петляя, словно зайцы, бежали по зеленому ковру. Он, этот ковер, словно живот гигантского существа, вибрировал под ногами. Ковром этим было болото. Немец поливал нас огнем из крупнокалиберного танкового пулемета. Пули вгрызались в болото то справа, то слева. Иногда, видимо, потехи ради, стрелок выпускал в нас из пушки бронбойный снаряд. У него, снаряда, особый

звук в полете: «флю-флю-флю». Такой снаряд шлепался в болото и не взрывался, только обдавал нас болотной грязью. А добежать нам надо было до спасительного леса. У меня в голове только одна мысль: «Только бы не в ногу, только бы не в ногу. Лучше в голову, лучше в голову...» Вдруг я услышал крик Абраменко. Скопив глаз, не останавливаясь, увидел кровь на его левой руке. Вражеская пуля срезала наискосок пальцы – от мизинца до указательного. На бегу прокричал ему: «Херня! В лесу перевяжу».

Лес все ближе. Вдруг – стоп! Новая преграда – осушительный канал шириной 4–5 метров вдоль опушки леса. Вода в канале замерзла. Поставил ногу на лед и провалился по грудь в воду... Наконец мы в лесу. Сняли валенки, вылили из них жижу и грязь, отжали портянки. Сделал перевязку Абраменко. Обулись.

Побежали дальше. Иногда останавливались, чтобы не только сделать спокойно один-два вдоха-выдоха, но и послушать грохот движущихся немецких танков. Определить: сбоку они или сзади. Так бежали всю ночь, до рассвета. Примерно около 60 километров. Утром не могли смотреть друг на друга – наши лица были цвета немного потемневшего порошка хинина. Его я принимал в детстве, когда тяжело болел жестокой лихорадкой. Почему так пожелтели мы тогда, непонятно. Об этом могут судить только медики. Утром до нашего слуха стал доходить рев подходивших из тыла наших танков. Это шли ликвидировать прорыв немцев танки Донского танкового корпуса. Они не только остановили, но и отбросили немцев назад. Мы вновь пошли в наступление. От батальона осталось нас человек двадцать – тридцать. Раздали нам подарки из тыла. Я получил расшитый кисет с махоркой и запиской девушки. Она желала мне бить фашистов и живым возвратиться домой. К сожалению, ни имени, ни фамилии ее не запомнил. В своей книге «В походах и боях» командующий 65-й армии П.И. Батов о боях в Раковичах написал: «Мужественно встретили врага 37-я гвардейская дивизия и 46-я артиллерийская бригада. Но выдержать напор они были не в силах и с тяжелыми боями начали отходить. Противник продвигался в первый

день быстро. 37-я дивизия частично оказалась в окружении». (См.: Батов П.И. В походах и боях. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Воениздат, 1974. – С. 377.) Где были другие артиллерийские орудия бригады, не знаю. Нас поддерживали всего два расчета 45-мм пушек, гибель которых я описал выше. Так закончились бои нашего батальона в районе Паричи – Раковичи.

Дальше двинулись на Осиповичи и Барановичи. На этом пути очень хорошо запомнились еще два события. Одно – форсирование реки Березина, второе – бой за Осиповичи. Поздно вечером подошли к Березине. По обоим берегам – густой кустарник. Остановились. Темная гладь воды. Зябко. По телу дрожь, то ли от сырости и прохлады, то ли от предстоящего спуска в темную пучину реки. Видимо, от того и другого. Какой-то смельчак с тросом погрузился в реку и поплыл. Немцы молчали, молчали и мы в кустах, затаились, словно мыши. Наш смельчак добрался до немецкого берега, закрепил трос. Условным знаком – покачиванием троса над поверхностью воды – подал нам сигнал. Делать нечего, вошли в воду, поплыли, держась за трос. Переправилось нас много. Сколько – не знаю.

Только тогда немцы очухались, открыли огонь. Но было уже поздно. Первые, вышедшие на берег, открыли ответный огонь, прикрывая остальных. Удалось форсировать реку практически без потерь. Добились успеха благодаря скрытности подхода и соблюдению абсолютной тишины и внезапности появления на другом берегу. Зато потом разгорелся жестокий бой, победа в нем досталась нам дорогой ценой.

Вторым памятным событием стал бой за Осиповичи, случившийся много позже форсирования Березины. Рано утром завязался бой на окраине города. Постепенно теснили немцев. Захватили огромные немецкие склады с продовольствием. Тут было все: печенье, галеты, мясные, рыбные и овощные консервы, минеральная вода в бутылках, шнапс, крупы, искусственный мед, хлеб в целлофановой упаковке 1939 года в квадратных картонных ящиках. В таких же, в каких у нас продавалось сливочное

масло в советские времена. В длинных подземных хранилищах, чуть выступающих над поверхностью земли, хранились целые туши замороженного свиного мяса, разделанной на части говядины, мука в мешках. Выбили немцев с железнодорожной станции. В длинных деревянных пакгаузах обнаружили тысячи пар ботинок, сапог, гимнастерок. Рядом стояли два неразгруженных вагона с обмундированием – галифе, гимнастерками, шинелями, сапогами. Командир роты дал мне задание: «Возьми двух солдат (их фамилии я забыл). Пусть наберут продовольствия. Вернись с ними назад к развилке дорог в лесу и жди подхода тылов батальона. Наш дальнейший путь за городом налево, по лесной дороге», – закончил он инструктаж. Вернулись втроем к продскладам, набили вещмешки галетами, сухарями, консервами. Да много ли возьмет солдат! На нем и так достаточный солдатский груз. Местные жители начали растаскивать продукты – кто чего и сколько может. Не успели мы отойти от складов, как увидели мчавшиеся навстречу четыре или пять «виллисов» – легковых американских машин. Резко затормозив, они остановились около нас. Из второй машины довольно сноровисто выскочил генерал. Это был командующий 65-й армией генерал Павел Иванович Батов. Как-то так получилось, что я не растерялся. Доложил, что такой-то оставлен ждать тылы батальона. На его вопрос: «Где идет бой?» – ответил: «За железнодорожной станцией». Он приказал: «Прекратите разграбление!» «Есть», – отрапортовал я. Машины развернулись и уехали назад.

Разогнав местных жителей, отошли назад к развилке дорог, примерно на полтора-два километра. Солнце припекало. Один из нашей троицы обращается ко мне (с сильным акцентом, так как был уроженцем одной из южных республик СССР): «Товарищ командир, разрешите, я схожу к складам, наберу воды». Не чувствуя никакого подвоха, разрешаю с напутствием вернуться как можно скорее. В ответ солдатское: «Будь сдел!» Быстро сказано, да не так-то скоро сделано! Ждали час, другой. У меня мандраж! Вляпался, очевидно, в какую-то неприятность, думаю я. Он, этот

солдат, мне нужен. Лучше живой, в крайнем случае и труп пригодится для подтверждения, что не сбежал, а погиб, достойно, как солдат. Посылаю второго. Строго-настрою предупреждаю: «Бегом туда и назад». «Будь сдел», – прозвучал его ответ. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается! Прошли один за другим час, второй, третий. Наступили сумерки! Вот, думаю, шляпа: как же я так мог! Свою исполнительность наивно перенес на других. И чертыхался, и выражался в свой адрес, как только мог. Но от этого не становилось легче. Все глаза проглядел: то вперед, то назад. Никого ни оттуда, ни отсюда. Вдруг появился еле различимый силуэт. Все ближе и ближе. Узнал – это мой второй «посол». Порядком навеселе, с двумя бутылками шнапса. Когда мы брали на складах съестное, я видел только минеральную воду и соки. И все. Видимо, второй следопыт (он, по его словам, у себя на родине занимался охотой) заметил еще и этот шнапс. Очевидно, захотел узнать, что это за штука. Спрашиваю: «Где такой-то?» Тот с трудом лепечет: «Не нашел».

Наконец появились долгожданные тылы нашего батальона! Три повозки, по две лошади в каждой, и кухня, запряженная одним конем. Лошади еле-еле передвигались. Даю задание набрать на складах самое необходимое. Пока ездовые загружали транспорт, я с напарником обшаривал один подвал за другим. Нашли бедолагу спящим среди ящиков и коробок. Он быстро пришел в себя. Загрузились. Но ездовые попросили сделать остановку, чтобы накормить лошадей и дать им немного отдохнуть. Отказал, заявив, что отдыхать будем только на выезде из города. Так и сделали. Остановились у дома на окраине. Хозяйка – в доме. Попросил разрешения остановиться у нее, чтобы отдохнуть и приготовить ужин. Хозяйка нажарила и напарила из взятых нами продуктов всего: ешь не хочу. Поужинали. Ни капли спиртного. Но на душе беспокойно, какая-то тревога одолевает меня. Командую: «Едем дальше». Ездовые (а это были люди вдвое старше меня) уговаривают меня: «Вы же видите, лошади устали...» Да я и сам это понимаю, но какая-то тревога на душе словно подталкивает – надо, надо

уходить. Отвечаю им: «Выедем за город в лес, там и остановимся». Приказ есть приказ.

Ездовой на кухне – такой же пожилой, как и другие. Голова начисто обрита, взгляд острый, пронзительный, говорил с акцентом кавказца. Когда и из-за чего он поссорился с ездовым впереди идущей повозки, не заметил. За городом кавказца развезло. Видно, крепко принял он на душу грешную в доме во время ужина – не смог я углядеть. Стал он высказывать негодование в адрес переднего ездового, даже угрожал расправой. У ездовых старые винтовки-трехлинейки. Шутки плохи. Немного отстал я от его «тачанки», подозвал к себе одного из своих солдат, проинструктировал: «Сначала я подойду к нему слева, начну с ним разговор. Потом ты подойдешь справа. У него рядом лежит винтовка. Твоя задача, когда он повернется ко мне, взять его винтовку и быстро уйти в сторону». Так и сделали. Оказавшись без винтовки, ездовой было попытался спрыгнуть, но я строго, повысив голос, предупредил: «Сидеть!» Автомат свой одним движением переместил с плеча на грудь. Успокоили его, уложили спать. Вошли в лес, съехали с дороги, остановились на отдых. Определил, кто когда заступает на пост охраны. Сам не сомкнул глаз. Одолевала меня тревога!

На рассвете мы услышали пальбу в городе и гул нескольких бронемашин. Какая-то небольшая группа немцев, засевшая где-то справа от города в лесу, решила прорваться к своим через город. Не знаю, какие потери понесли подходившие к городу тыловики нашего полка и дивизии. Но останься мы там, в городе, на ночь – не пришлось бы писать воспоминания. Предчувствие не подвело меня! «Доверять доверяй, но и будь более внимательным, более наблюдательным к тем, кто рядом с тобой», – сделал для себя вывод из этого происшествия.

С боями, марш-бросками, привалами двигались все дальше на запад. На привалах, бывало, просили спеть соловья нашей роты. Это был солдат Коровин. У него прекрасный тенор. Много в жизни слышал я песен в исполнении разных певцов, профессионалов

и любителей, но так, как пел он свою «Дивлюсь я небо та й думку гадаю: чому я не сокіл, чому не літаю?..», не пел никто. Остался ли он жив, не знаю. Помню только, что был он из-под Воронежа, небольшого рощка. О таких говорят: «Мал золотник, да дорог». Его голос до сих пор звучит в моей душе.

Весть об открытии второго фронта пришла к нам на очередном марш-броске. Она передавалась на ходу от роты к роте. Как восприняли? Да по-солдатски! Ну и хрен с ними, мы и без них уже справимся! Вот и вся наша реакция. Вышли на нашу советскую границу. Впереди Польша. Стоял жаркий летний день. По частям прошла команда командирам – от полка по одному, максимум по два человека в условленное место на встречу-слет бывалых воинов с командующим 65-й армии генералом Батовым.

Не ожидал, что на этот слет отправят меня. Тоже мне – бывалый воин, усмехнулся я. Это была большая поляна. Расположились сидя на земле. Батов в основном говорил о необходимости достойного поведения на территории Польши, куда завтра мы должны вступить. В заключение всех пригласили сфотографироваться на память с командующим. Нас было, наверное, около ста человек. Я вместе с еще двумя бойцами дивизии расположился было в тени под кустом, в сторонке. Но кто-то из офицеров-распорядителей заметил нас: «А ну, быстро туда, ко всем». Улеглись на бок перед первым сидящим рядом. Второй ряд – чуть пригнувшиеся, потом – стоящие в полный рост. Сколько ни пытался найти этот снимок в армейской и фронтовой газетах в Ленинской библиотеке в Москве, не нашел. Да и газеты там, к сожалению, не все сохранились.

Фотографировался на фронте еще раз. То было на Курской дуге. Какой-то фотокорреспондент снимал меня, когда я вел из-под куста огонь из автомата. Но и этого снимка я не нашел. К сожалению, не узнал и фамилии корреспондентов. Если бы знал, можно было бы найти их или их родственников и поискать в их архивах. Но чего нет, того и нет. Так у меня и нет ни одной фотографии тех времен.

P.S. Закончив рассказ о боях за Осиповичи и Раковичи, считаю необходимым сделать пояснения. Сначала – о моем глупом решении отпустить солдат одного за другим к складам в Осиповичах. Тогда, если помнит читатель, второй вернулся с бутылками шнапса. Я отобрал их у него и тут же разбил на дороге. У человека, как и в компьютере, есть ячейки памяти. Так вот, в какой-то моей ячейке, видимо, остался след неприятия этого зелья. Слово «шнапс» стало ассоциироваться с чем-то шипучим, а точнее с шипуче-вонючим. Я не лингвист и не языковед, но эта ячейка посылает свои сигналы. Стоит мне немного выпить какого угодно шампанского – полусухого, сухого, сладкого, мускатного – начинает болеть голова. То ли дело наше спиртное! Оно и звучит-то совсем иначе: столичная, перцовка! А еще: сучок, сивуха, шило, бормотуха! У человека сразу возникают совершенно другие ассоциации! А чего стоит одно слово «Спотыкач» – тут и объяснять ничего не надо! Была бы моя воля, поставил бы памятник гениальному изобретателю такого названия – памятник Спотыкачу. Нет, не трезвенник я и «сухого» закона не придерживаюсь, неуважаемые господа пьющие! Пропустить рюмочку хорошего, настоящего коньяка – это с удовольствием! Это тебе не какой-то шнапс.

Жизнь, в том числе и фронтовая, научила меня: знай, с кем пьешь, и знай меру! Хотя бывают моменты, когда надо постоять за честь русскую. Расскажу об одном из таких случаев. Средиземное море, 70-е годы, холодная война. Африка – она и на корабле Африка. Закончив учение в море с кораблями Египта, зашли в порт Александрия. На солнце за 40 – жары, конечно! В тени – 30.

Вечером начальник штаба Черноморского флота дает прием в честь египетских офицеров во главе с их начальником штаба. Над палубой корабля, на юте, натянут тент. Наши офицеры в парадной форме – белая тужурка, белые брюки, белые перчатки. Египетские офицеры – тоже в парадной форме, встречаем их у трапа. Столы разукрашены, поставлены в один ряд, накрыты русскими разносолами, винегретами, салатами, разными сортами колбасы, окороками, копченостями, деликатесами в виде балыков, красной и черной

икры. Выпивка и фрукты – в изобилии. Роль официантов исполняют матросы в безукоризненно подогнанных и отутюженных форменках.

Рассаживаемся за столом по принципу: наш офицер, египетский и так далее, через одного. Наш и египетский адмиралы провозглашают официальные тосты: за дружбу, за успешное проведение тактического учения, желают всем успехов в службе, здоровья и благополучия в семьях. При температуре 30 и после этих тостов скованность и напряжение проходят. Разговор идет веселее, оживленнее. Сидевший через стол напротив меня египетский офицер обращается ко мне: «Мой товарищ, – он кивнул головой направо, – предлагает состязание с вами – кто больше выпьет». «Ни хрена себе», промелькнула мысль. Нашел время и место для такого соревнования. Но делать нечего. Перчатка брошена. Отступать некуда, хотя иногда и приходилось. Там был враг, а тут союзник, да еще по оружию. Ситуация деликатная. Я не богатырского телосложения и не отличался отменным здоровьем. Решил: «Ну что ж, живота не пожалею!» Обратившийся ко мне офицер сообщает своему другу о моем согласии. Жду, что последует дальше, инициативы не предпринимаю. Принявший вызов на «дуэль» – в более выгодном положении. «Секундант» моего «противника» берет бутылку и наливает мне, потом – моему сопернику. Так, на девятой или десятой стопке мой «дуэлянт» пытается подняться и со словами «I go on duty» (пошел на дежурство) валится на бок. Его «секунданты» подхватывают беднягу и под дружный хохот и аплодисменты присутствующих несут к трапу. Прием вскоре заканчивается. Распровавшись, я с трудом добирюсь до своей каюты. Мне не раз приходилось выступать перед офицерами флота и армии в Египте и Сирии, но в другом амплуа. Читал им лекции о международном положении. Бывал ли мой соперник на этих лекциях, не знаю. Почему его выбор пал на меня, так и осталось загадкой. Среди присутствовавших египетских офицеров многие сносно владели русским языком. Умел ли мой «дуэлянт» говорить по-русски или делал вид, что не знает русского, тоже осталось загадкой.

Все же вернусь от мирных дней к фронтовой жизни. После боев под Речицей я, как оказалось, сдал все экзамены в учбате и из переменного состава был переведен в постоянный. Теперь уже мне предстояло готовить командиров расчетов 82-мм минометов для дивизии по ходу боев. Правда, я не помню самих экзаменов. Видимо, решили: «Подносчиком таскал мины, по три штуки в каждом лотке? – пять баллов. Тяжеленную плиту за спиной на лямках носил? – пять баллов. Лафет на плечи одевал? – тоже пять баллов и т. д». Так я стал младшим командиром. А после боев за Осиповичи и Раковичи кто-то решил: «Нечего ему в такой должности и звании ходить! Расти пора!»

В один из вечеров, после боя, мне приказали срочно отправиться на учебу на офицерские курсы по подготовке командиров реактивных установок «катюша». «Есть!» Но то ли я долго в темноте добирался до назначенного места, то ли была спешка с отправкой, я опоздал. Мне сказали: «Ничего, отправим вас обязательно. Мы знаем и помним, а сейчас возвращайтесь в свою часть». За солдата всегда кто-то думает и решает. Так и произошло. На учебу я попал, но уже на другую. Ракетчик из меня не вышел.

Итак, мы вышли на государственную границу. Впереди Польша. Продвигались с боями, уже медленнее. Немцы жесточенно сопротивлялись, понимая, что их крах приближается. Понимали это и мы. Как нас встречали поляки? В основном приветливо, радушно. Помогали чем могли. Заняли мы как-то усадьбу какого-то пана. Большой каменный двухэтажный дом из красного кирпича. Осмотрели все помещения. В доме, по моим деревенским понятиям, прекрасная мебель, ковры, люстры. В шкафах полным-полно дорогой одежды. Три милые молодые полячки – прислуга. Сказали, что хозяин с семьей убежал. Осмелели, стали сами показывать все помещения. Повели в каменный подвал. Там запасы продовольствия, несколько деревянных бочек, плотно закрытых крышками. Одна из прислуг подошла к бочке, открыла крышку. Запах – обалденный. Это залитые смальцем круги колбасы. Достала несколько штук и предложила нам. Взяли по одному. Предложила еще.

Поблагодарили – и назад во двор. За двором был большой сад с усыпанными плодами яблонями. Пригласили туда. Нарвали с деревьев яблок и угостили нас. Мы распрощались – и вперед.

Вспоминаю один из привалов. Я куда-то отлучился, взводный, кажется, позвал. Вернулся. Вижу человек пятнадцать расположились, кто сидя, кто лежа на боку, – слушают стоящего в кругу. Подошел и своим глазам не верю. Воскрес из мертвых! Это первый номер расчета ручного пулемета, которого все считали погибшим. Выше я говорил, как во время боя в Раковичах второй номер его расчета пошел сдаваться немцам. Вот что он рассказал нам. «Когда закончились патроны и в пулемете, и в автомате, напарник, видя, что танки вот-вот раздавят нас, продвигаясь от окопа к окопу, поднял руки и пошел сдаваться. Мне, – продолжал он, – нечем было его пристрелить. Все ближе и ближе немецкие автоматчики. Решил притвориться убитым. Ничком распластался на дне окопа. Немецкий солдат перешагнул через окоп, не стал удостоверяться. Когда они прошли, наступила тишина. Сколько пролежал, не знаю. Шум боя уходил все дальше и дальше за село. Поднялся. Осмотрелся вокруг – ни души. Выждал наступления темноты. Двинулся в лес. Там встретился с партизанским отрядом, который тоже вошел в Польшу и соединился с одной из частей Красной Армии». Его взяли в эту часть. Когда он узнал, что наша дивизия оказалась на соседнем участке, он, находясь на привале, прибежал к нам.

Все дальше и дальше теснили мы немцев на запад. Где-то южнее Белостока, освободив небольшой городок, остановились за ним на опушке леса. Справа от нас раскинулось пологим подъемом поле. На нем созревшая пшеница. От палящего зноя и тяжелых боев все выбились из сил. Командир роты разрешил переобуться, чтобы проветрить ноги и сменить другим концом портянки, ставшие мокрыми от пота. Так и сделали. Ездовые двух подошедших ротных повозок распрягли своих лошадей. Командир роты предупредил их, чтобы они следили за лошадьми. Не дай бог, забредут на пшеничное поле.

Я уже говорил о том, что вел дневник, который закопал где-то между селом Хлебтово и городом Дмитровском на спуске в долине. Вскоре после этого, освободив какое-то село, зашел в разбитый снарядом или бомбой разрушенный дом. Повсюду валялись разбитые вещи, столы, шкафы. На полу – учебники, тетради. Среди них заметил большую, точь-в-точь как моя, столістовую тетрадь. Стряхнул пыль. Открыл – чистая. Взял и снова продолжил вести дневник. Будто само провидение послало ее мне. Так вот, примостился я полулежа, достал эту тетрадь, чтобы записать увиденное. Тут услышал чей-то голос, обращенный к ездовым: «Смотрите, смотрите – лошади заходят на пшеничное поле». Пока ездовые оделись и добрались до лошадей, они оказались уже среди пшеничного поля. Догнали и только стали возвращаться, как на гребень поля вышли немецкие танки. Они открыли по нам огонь из своих пушек.

Я только услышал команду командира роты: «Отходим в город и налево». Ездовые сбросили на землю с повозок какой-то груз, и все, очумевшие от неожиданности, под пушечно-пулеметным огнем, рванули что есть сил назад, к городу. В городе, с чердаков отдельных домов нас «проводжали» автоматным огнем. Кто были эти люди, не знаю. На сей раз убежали мы недалеко, так как танки повернули куда-то в сторону. Их было не более десяти. Убежали мы, как мне показалось, на 5–7 километров с гаком. А какой это русский «гак», судить трудно. Он иногда бывает и в два раза больше, чем основной путь. Попробуй, разберись. В донесениях, в архиве, не раз читал: «Части дивизии вынуждены были отойти на прежние позиции». Все, точка. Как выяснилось, эта небольшая группа немецких танков с отдельными автоматчиками на борту вырвалась из окружения в Белостоке. Если уж не повезет, так не повезет. Боясь, что мой дневник может попасть в чужие руки, сжег его здесь. Не за себя боялся, а за своих родных. Знал, что вести дневники запрещалось. Запретный плод сладок, но мог оказаться и слишком горьким. Потому больше не делал попыток вести дневник. Сейчас описываю то, что сохранилось в голове и сердце.

Шли с боями дальше и дальше. Как-то оказались в густом лесу. Деревья – огромные, сплошная тень. Иногда из зарослей выскакивали небольшие олени, косули. Обнаружили сухую проселочную дорогу. По цепи получили информацию – мы вошли в Беловежскую Пущу. Шли весь день без боя. К вечеру вышли из Пущи, и снова – день и ночь – бои за населенные пункты. Наконец остановились перед рекой Нарев. Приказано форсировать ее и закрепиться на том берегу.

Противоположный берег высокий, крутой, дальше – голое плато, ни леса, ни кустарника. Нам предстояло забраться туда. Залегли. Отрыли окопы, чтобы можно было вести огонь лежа. Командование заранее побеспокоилось о переправе. Ночью через наши позиции саперы таскали бревна, навели переправу. Нас, солдат, предупредили, что наплавной мост слегка утоплен. Подход к нему обозначен двумя вешками: справа и слева забиты два кола. Вступили на мост и пошли по воде, «аки по суху», словно Иисус Христос. Вода – по икроножную мышцу. Мост под ногами колыхается. Бревна разной толщины, и идти вслепую по ним непросто. Главное – не упасть, чтобы не наделать шума. Роты идут одна за другой, расходясь на берегу одна налево, другая направо. Немцы изредка ведут по реке огонь из минометов и пушек. Их стрелковое оружие молчит, как и наше. Рано утром ударили наши «катюши». Пошли самолеты-штурмовики с установленными на них реактивными установками. Вдруг на какие-то минуты наш огонь прекратился, потом возобновился с новой силой, но уже не по крутому берегу реки, а дальше, вглубь позиций. С большим трудом выбрались на голое плато. Немцы встретили нас огнем из стрелкового оружия и минометов. Мы залегли. Первым делом – отрыть окоп лежа, чтобы хоть чуть-чуть оградить себя от пуль и осколков. Сделать это на каменистой почве очень трудно. Немцы попытались сбросить нас. С помощью огня нашей артиллерии из-за реки удалось удержаться. Ночью каждый солдат получил задание – выползти на 30–40 метров вперед, чтобы отрыть окопы. Немцы все время пускали осветительные ракеты. Как только

ракета гасла, принимались, лежа на боку, копать. Каждый наскреб перед собой холмик, чтобы защититься от пуль. Затем – холмики по бокам. Только потом начали вгрызаться в землю. Так за три-четыре часа удалось отрыть окоп, в котором можно сидеть. Ночь за ночью кипела наша работа, днем по нашим позициям молотили немцы. После отрытия окопа в полный рост возникала новая задача – рыть траншею от своего окопа до соседа. Сколько прошло таких бессонных ночей, не помню. Пожалуй, ни один математик или землемер не сможет подсчитать, сколько солдату пришлось перелопатить кубометров земли на передовой. Для сна и отдыха оставались крохи времени.

В один из наступивших солнечных дней после ночной работы меня вызвали в штаб дивизии все по тому же солдатскому телефону – голосом от одного бойца к другому. По траншеям и ходам сообщения вернулся к реке. Спустился с берега. Увидел двух девушек-санструкторов недалеко от блиндажа под берегом реки. Не успел сделать и десяти шагов к блиндажу, как появились немецкие самолеты, чтобы нанести удар по мосту. Видимо, разведка немцев обнаружила его. Рев пикирующих самолетов и вой летящих бомб заставили меня залечь, плотно прижимаясь к земле. Укрыться негде. Между мной и девушками у кромки воды взорвалась бомба. Осколки, песок, глина, вода долетели до меня. Повезло, остался цел. Самолеты ушли. Поднялся, направился к блиндажу. Девушки лежали. От испуга, подумал я. Подошел ближе – обе мертвы. Иссечены осколками.

Вышел часовой, скорее для формальности обменялись паролями. Зашел в блиндаж. Темно, горит коптилка. За столом офицеры. Не обращаясь ни к кому конкретно, докладываю: «Гвардии сержант по вашему приказанию прибыл». Из-за стола поднялся капитан, поздоровался за руку. Предложил выйти наружу. «Помощник начальника политотдела по комсомолу такой-то», – представился он. Предложил закурить. Закурили. «У нас есть мнение, – начал он, – послать вас на учебу. Тогда вы не успели на курсы, знаем». Затянувшись его папиросой, я пожал

плечами. На мой вопрос: «Куда?» – он ответил: «В Москву, на четыре года». «Нет», – сказал я. «Почему?» «Скоро конец войне, граница Германии недалеко».

Он пристально посмотрел на меня: «А ты уверен, что останешься жив?» Положив руку на мое плечо, продолжил: «У тебя такой шанс! Не каждому дано поехать в Военный институт иностранных языков, да еще в столицу. Сейчас идем на беседу с командиром дивизии и начальником политотдела. Отвечай, что хочешь учиться и доверие оправдаешь». Вернулись все в тот же блиндаж. Капитан представил им меня. Я только отдал честь. «Вопросов у нас к вам нет», – сказал начпо. Командир дивизии добавил: «Скажите командиру, чтобы вас переделали во все новое, желаем удачи». Какому именно командиру сказать, не уточнил. «Разрешите идти?» – спросил я. «Идите, а вы капитан, проследите за отправкой», – сказал генерал.

Вышли. Капитан пожал руку, пожелал удачи. Так и растались.

Вернулся в роту, доложил о беседе командиру роты капитану Кострикову. Старшина роты принес гимнастерку, брюки, обмотки. Все новенькое. Тут же в траншее я переоделся. Моя шинель грязная, пола обгоревшая. Старшина доложил командиру роты о том, что у него нет в запасе шинелей. Мне старшина поведал, что у старшины батальона есть шинели, резерв комбата, но попросил не говорить о том, что это он сказал мне об этом.

По траншее добрался до укрытия комбата. «Знаю, знаю, – прервал меня на полуслове майор. – Поезжайте». «Но мне приказали переодеться...» «Ну и что?» «Да вот в роте нет шинели». «И у меня нет». «Но у вас же есть в резерве пять штук», – выпалил я, забыв о предупреждении старшины роты. «Мало ли что у меня есть. Свободен».

Снова вернулся в роту. Командир спросил: «Ну что, у командира батальона был?» «Да, но губошлепый шинель не дает», – выпалил я. Таковую кличку приклеили мы, солдаты, комбату. Был он чванлив и высокомерен. Вот и получил от нас это прозвище. Возможно,

комбат и был умелым тактиком, хорошим организатором в бою. Возможно. Имел же он не один орден! Но по натуре был таким, каким нарекли его солдаты. Зачем пишу об этом так подробно? Прежде всего для того, чтобы читатель сделал для себя вывод: надо уметь слушать и выслушать человека, какой бы ты пост ни занимал, а не отмахиваться от него, как от назойливой мухи. По крайней мере таким был для меня урок из разговора с комбатом. Попросил разрешения у командира роты идти. «Подожди», – ответил он. Повернулся, ушел в свою траншею. Возвратился. В руках шинель. Не солдатская, его собственная: «На, бери...» Я оторопел, не зная, что делать и сказать. Только и произнес: «А как же вы?» «А зачем? Может, через час меня не будет в живых! Тебе же ехать в столицу! Куда в таком виде?!» Подошел, стянул с меня шинель. Обнял, пожал руку... «Успехов тебе!» Разве можно забыть такое?! Тут не было ни панибратства, ни заигрывания с солдатом. Тут была душа и сердце ЧЕЛОВЕКА!

Отправился с фронта в тыл, назад. Нет, так, пожалуй, сказать нельзя. Не назад, а вперед – в долгий жизненный путь. В траншее догнал меня старшина роты: «Комроты разрешил подвезти тебя немного на пути к штабу армии». Понимаю, опять забота командира роты. Ну что для солдата пройти каких-то 10–12 километров, где остановился штаб армии. Спустились к реке, пробежали через нее по наплавному мосту, подбежали к первым кустам на нашем берегу. Молча повернулся к реке, мысленно простился с оставшимися там, за рекой, ребятами. Старшина подвез меня до полпути. Распрощались. Что меня ждет впереди?!

К исходу дня добрался до штаба. Туда уже прибыли два таких же кандидата на учебу. Старшина-разведчик Михаил Новожилов из 69-й дивизии и санинструктор 149-й дивизии белокурая Маша. Вечером нас принял генерал-лейтенант, член Военного совета армии. Поздоровался с каждым из нас. Высказал пожелания, чтобы мы там, на учебе, берегли честь и достоинство так же, как отстаивали их в боях. Дал указание представлявшему нас полковнику подготовить для нас

необходимые документы: командировки, аттестации и продпакет. Вечером покормила нас полевая кухня при штабе армии. Переночевали недалеко от штаба возле какого-то дома. Утром получили подготовленные документы. Нам рассказали, где находится штаб 1-го Белорусского фронта, куда предстояло прибыть самостоятельно. К вечеру добрались до штаба фронта, сдали документы. Там, в штабе фронта, таких кандидатов на учебу, как и мы, оказалось 12 человек.

Принимая документы, полковник предупредил, чтобы утром мы прибыли сюда же, к этому дому. Устроились своей троицей из 65-й армии около какой-то хаты. У каждого из нас была плащ-накидка. Одну постелили на всех. Маша – в середине, мы – по бокам. И никаких эмоций, никаких мыслей, что между нами спит не просто солдат, а красивая девушка. В 10 утра собрались у дома с высоким крыльцом. Томительно тянулись минуты ожидания. Наконец на крыльце появился полковник. Все замерли, тишина. Окинув нас взглядом, начал свою речь. «Мы ознакомились с вашими боевыми характеристиками и приняли решение. На учебу в Москву в Военный институт иностранных языков поедут: Новожилов, Дорохов и... (он назвал Машину фамилию, которую я забыл). Названным кандидатам прибыть к такому-то часу для получения необходимых документов. Остальным возвратиться в свои части».

Все, речь закончена. Никто из нас троих не произнес ни слова, волнение сковало. Мое сердце молотило, словно после марш-броска, в висках стучало, лицо покраснело. Постепенно пришли в себя. В назначенное время получили документы и инструктаж, куда ехать дальше. Нам предстояло добраться до Бреста. Там советская граница. Оттуда на поезде до Минска и затем, также поездом, до Москвы.

По полученным продовольственным аттестатам в комендатуре фронта получили сухой паек. Пешком добрались до автомагистрали Варшава – Москва. В приподнятом настроении весело шагали по бетонной широкой автостраде. Это совсем не то, что идти по

снегу, грязи и болоту. Солнце, тепло. Что еще надо?! Сколько прошли и по времени (часов ни у кого!), и по расстоянию, трудно сказать. Услышали сзади рев моторов. Обернулись, ничего не видно – местность холмистая. Звук все явственнее, все ближе. Наконец появилась колонна американских грузовиков «студебеккеров». Мы встали на середину дороги, подняли руки вверх. Колонна остановилась. Из первой машины вышел офицер. «В чем дело?» Объяснили: «Нам надо в Брест». Потребовал наши документы. Ознакомившись с документами, разрешил сесть. Мы забрались в кузов, расстелили плащ-накидку и заснули, разместившись в том же порядке, как и прежде.

Ночью, на границе нас разбудили, проверили с фонариком документы. Всё! Мы дома, в Советском Союзе. Рано утром колонна въехала в Брест. Нас высадили из машины. Мы отправились на вокзал. Все кругом разбито. Нашли вокзал, вернее его развалины. Рядом какие-то будки. Зашли в товарный вагон, стоявший на земле без колес, предъявили документы дежурному по комендатуре, узнали, когда будет поезд на Минск. Дежурный офицер комендатуры дал «точный» ответ: «Следите, как только подойдет товарный состав, садитесь в любой вагон». Получили сухой паек в комендатуре: хлеб, селедку, сахар. И на том спасибо. У будки, под большим, чудом уцелевшим деревом снова расстелили на земле плащ-накидку и улеглись спать. Я проснулся от хорошо знакомых мне гула, грохота и пронзительного свиста приближающегося паровоза. Мгновенно собрались, забрались в пустой грузовой вагон, снова разместились на полу.

На следующий день рано утром прибыли в Минск. Город в руинах. Пришли в комендатуру, получили положенный паек, весьма скудный для здорового молодого организма. Впереди целый день – поезд на Москву будет вечером. Решили побродить по городу. Забрали куда-то на окраину. Здесь кое-где сохранились частные деревянные дома с приусадебными огородами. На одном из них увидели засыхающую ботву картошки. У дома –

хозяйка. Подошли, поздоровались. Обратились с просьбой дать нам немного картошки. «Бульбочки? – переспрашивает она. – Да сейчас милые, сейчас выкопаю, сколько хотите». Набрали котелок, пошли. Недалеко от дома на небольшой поляне развели костер, сварили картошку в мундире. Пайком и бульбой насытились до отвала.

Пешком вернулись на вокзал. В кассе предъявили полученные у коменданта проездные талоны, получили билеты. Подали состав. О боже! Пассажирские вагоны, не купейные, конечно, и не люкс с мягкими диванами, а плацкарт. Но и это для нас уже роскошь. Забрался на среднюю полку, то же сделал Михаил. Маша внизу, на нижней полке. Прозвучал сигнал колокола, тогда радио на вокзале еще не было. Поезд тронулся. Прильнув к окну со своей полки, я вглядывался во все глаза в проезжающие поля. Поезд шел медленно. Подъехали к железнодорожному мосту. Вспомнил о парабеллуме. Зачем он мне? Пора выбросить. Достал его из кармана и в открытое окно швырнул в речку. Это был тот самый пистолет, который я подобрал в качестве трофея.

Москва встретила нас тихим солнечным днем. Белорусский вокзал. Расспросили у прохожих, как пройти на Котельническую набережную. Двинулись в путь пешком. Денег ни у кого из нас ни копейки. Нам, солдатам, на фронте что-то платили. Но мы только расписывались в ведомостях, подтверждавших, что все отдаем в фонд обороны страны. Сколько платили, не знаю. Конечно, можно было попросить кондуктора автобуса или трамвая доехать бесплатно, но никто из тройцы даже не заикнулся об этом. Так были воспитаны (сейчас – другое дело! Действуют «зайцы» нагло, да еще и обложат матом кондуктора). Шли и рассматривали непривычную для фронтовиков обстановку, снующих туда-сюда москвичей и транспорт.

Наконец нашли нужное здание, сдали документы. Нас отправили в Лефортово, на Красноказарменную улицу. Делать нечего. Налегке (с утра во рту ни крошки – паек съеден еще в Минске

перед отъездом) двинулись в Лефортово все так же пешком. К вечеру добрались до указанного места. Прежде чем приступить к учебе, занялись работой по преобразованию старых, еще Петровских времен казарм в кабинеты, классы, аудитории. Я попал в группу по настилу деревянных полов. С реки Яузы носили бревна, доски и другие необходимые для ремонта материалы. Тут уж нас кормили три раза в день. Спали в казарме с кроватями в два яруса и бетонными полами. Вечерами готовились к сдаче вступительных экзаменов. В основном шел обмен сведениями между собой – кто что помнит по предмету предстоящего экзамена.

Библиотека института еще не была развернута, сам институт только недавно переехал из Куйбышева в Москву. Но там, в Куйбышеве, был не институт, а курсы по подготовке переводчиков, в основном немецкого языка. А тут предполагалось развернуть четыре факультета по изучению не только немецкого, но и английского, французского, итальянского и китайского языков. Помимо них должны были преподавать языковедение, языкознание, лингвистику, историю и литературу страны языка и т. д. и т. п. А на одном из факультетов планировалось обучать умению вести устную и письменную пропаганду среди войск и населения противника в военное время. Пришлось окунуться с головой в такие бездны науки, о которых я и представления не имел.

Закончил два курса с отличными оценками, о чем руководство института сообщило благодарственным письмом родителям. А вот на третьем курсе схватил сразу две тройки, о чем вспоминаю сейчас с улыбкой. Тогда, конечно, не до смеха было. Шел экзамен по истории ВКП(б). Второй вопрос билета – работа И.В. Сталина «К вопросу о ленинизме». Ответ по первому вопросу (какой вопрос – не помню) экзаменатор-подполковник прервал: «Харашо, харашо. Давай второй». Начал отвечать. «Ладно, ладно». И вдруг он спрашивает: «Кто такой Сталин?» Я стал перечислять все его должности, звания. «А еще?» Ответа нет. «Ай, ай, ай! Как же так?! Сталин – это Лэнин сегодня», –

ответил за меня экзаменатор-грузин. Второй экзамен – по тактике. Засыпался! И на чем! Экзаменатор спросил: «Какие виды боя вы знаете?» «Наступление, оборона», – ответил я. «А еще?» Меня заклинило, хоть убей. Повторяю то же самое. «Ну как же так? Забыли атаку, контратаку, отход, чтобы затянуть противника в «мешок», то есть в окружение? Идите – три балла». Преподаватель – подполковник, а перед ним – солдат-фронтовик с орденом на груди и знаками «Гвардеец» и «Отличный минометчик». Но никаких похвал. За шесть лет учебы троек больше не имел. Преподаватели нашего факультета спецпропаганды были в основном исключительно грамотные, талантливые. На лекции некоторых из них приходили даже студенты с других факультетов. Что же касается двух преподавателей, о которых я рассказал выше... Шла война, и один-два случайных человека среди преподавательского состава – неизбежные издержки отбора в то непростое военное время. Только и всего.

НОВОГОДНИЙ «СЮРПРИЗ»

Я уже рассказывал о бое за Раковичи и о нашем отступлении. Вернее, не отступлении, а самом настоящем бегстве со всеми его последствиями. Тогда я не догадывался, что нам грозило окружение. Об этом узнал только из воспоминаний генерала П.И. Батова, описавшего бои в районе Паричи – Раковичи. Значит, тогда нам удалось, что называется, выскользнуть через небольшой разрыв в сжимавшемся кольце окружения. Избежать полного окружения нам помог подоспевший Донской танковый корпус.

Вскоре утраченные нами позиции были возвращены, мы снова пошли в наступление. Все эти события происходили примерно за неделю до наступления нового 1944 года и вручения нам подарков из тыла. Всю последнюю неделю года мы наступали. Точнее, шли за танкистами, обратившими немцев в бегство, такое же стремительное, как наше. Да и потери батальона в тех боях были столь велики, что назвать это наступлением язык не поворачивается. Путь нам преградил сплошной лес. Танкам дальше хода нет, и мы вошли в одну из деревень, вернее, в то, что от нее осталось. Остановились, окопались.

Наступило 31 декабря. Вечером получили в термосах ужин – что-то среднее между супом и кашей плюс плоская баночка консервированной американской колбасы на двоих. Водки не получили уже много дней, а тут доставили по сто грамм «наркомовских». Наше отделение собралось встретить новый год в коровнике, оставив свои снежные окопы вдоль двора. Только расположились на соломе, как ударила из нашего тыла артиллерия. Шквал

огня по немецким позициям длился не более 3–5 минут. Это наши артиллеристы решили «поздравить» немцев с наступающим новым годом.

Наступила тишина. Едва мы успели пропустить свои сто грамм, как в ответ обрушился на нас ответный шквал огня немецкой артиллерии. Выскочили из коровника и бросились по своим окопам. Немецкое поздравление было столь же коротким, как и наше. Какие потери понесли немцы от нашего огня, не знаю. А в нашей роте погибли два солдата. Плюс к этому – три офицера батальона. Недалеко от нашего коровника оставался целым пустой деревенский дом. Офицеры батальона, свободные от службы охранения, собрались в этой хате. В нее-то и угодил немецкий снаряд, и три человека погибли.

Наступило 1 января 1944 года. Получил задание отправиться в тыл для приема пополнения для батальона. В помощь мне выделили двух солдат из двух наших рот. Втроем направились в указанную деревню. Пока дошли, пока получили пополнение в количестве 70 человек, прошло полдня. Во второй половине дня, часов в 15–16 стала резко портиться погода. Подул ветер, началась поземка. Мои сопровождающие, да и новобранцы, попросили переждать непогоду, переночевать в тылу. Но у меня приказ: по получении пополнения не задерживаться.

Двинулись в путь. Ветер усилился. Пошел обильный снегопад. Завертелась, закружилась снежная карусель. Как назло, у меня оторвалась половина подошвы правого валенка. У кого-то нашелся кусок веревочки. Кое-как закрепил подошву, но снег стал набиваться в валенок. Далеко за полночь добрались до домика лесника. Осталось каких-то полтора-два километра. Люди выбились из сил, а мой валенок превратился в подобие лошадиной пасти, забитой льдом. Я оставил пополнение с двумя своими солдатами в домике лесника – в самом домике, в сарае и стоге сена можно было укрыться от метели и передохнуть. Сам пошел докладывать начальству. Надо ли говорить, с каким трудом проделал я этот путь, идя, по сути дела, одной ногой босиком по снегу.

Подошел к блиндажу, обменялся паролями с охранением. Из блиндажа слышны веселые разговоры и песни – офицеры батальона то ли продолжали встречать новый год, то ли отмечали еще какое-то событие. Часовой доложил о моем прибытии. Из блиндажа, покачиваясь из стороны в сторону, вышел старший лейтенант – начальник штаба батальона. Я стал докладывать... «Где люди?» – перебивает он меня. Отвечаю: «У домика лесника». «Как? Ты не выполнил приказ? Да тебя за это расстрелять надо!» И рука тянется к кобуре пистолета. Ну что мне остается делать? «Да ты пьян, как сапожник, – выпаливаю я. – Не тебе меня судить. Если еще сделаешь хоть одно движение – у меня полный диск в автомате». Это его мгновенно отрезвляет. «На, посмотри, – сую ему под нос развалившийся валенок, – как и в чем я дошел». «Подожди, подожди, я сейчас», – он удаляется в блиндаж. Выходит, протягивает мне бумагу со словами: «Передашь командиру роты. Пойдешь в штрафную роту». «И пойду», – отвечаю, сунув бумажку в карман шинели.

Вернулся в свою землянку. Тер ногу полый шинели до тех пор, пока не почувствовал прилив тепла к ступне. Затем провалился в кошмарном сне. Утром прочитал злополучную бумагу, гадая, что с ней делать. Но тут прозвучала спасительная для меня команда: «Вперед, в атаку!» Разорвал я эту бумагу в клочья и выскочил из землянки. Мое поведение в этом эпизоде объяснялось, как мне казалось, не только несправедливостью со стороны офицера, но и тем, что мы были примерно одного возраста. Но я был трезв, а он, что называется, пьян в стельку и не контролировал свои действия.

За год и восемь месяцев моей фронтовой жизни это был единственный случай, когда я столкнулся с пьяным офицером. Пищу это не в оправдание недостойного поведения старшего лейтенанта, а ради справедливости. Ничего подобного не было ни до того, ни после этого случая. По крайней мере за все время моего пребывания на фронте я не видел ни одного офицера подшофе. Может, кто и видел. Я – нет.

О НЕОПРАВДАНЫХ ПОТЕРЯХ

Иные горе-исследователи и правдоискатели в свое время подняли истеричный вой о так называемых неоправданных потерях в Великой Отечественной войне... Во время войны я был не офицером, а всего лишь рядовым солдатом в стрелковом батальоне. Закончил ее сержантом, командиром расчета 82-мм миномета. Обвинить меня в предвзятости в этом вопросе ни у кого нет оснований. Именно поэтому выступаю против подобных заявлений и шумихи. Почему? Говорить о неоправданных потерях в средствах массовой информации не только безнравственно и кощунственно, но и оскорбительно. Этому должен быть положен конец. И сделать это должны и президент страны, и законодатели.

Прочитав эти строки, политические проститутки всех мастей и разного уровня подымут вой: «Опять запреты, опять цензура, опять происки «коммуняк» и т. д.». Такое уже проходили! Наберись терпения, читатель, не делай скоропалительных выводов, дочитай до конца.

Были ли неоправданные потери? Да, были. Вы не найдете в истории человечества, в истории войн и армий любой страны, где бы их не было. Устроившись поуютнее в теплом кабинете, в кресле, хорошо рассуждать: почему он (командир дивизии, корпуса, армии и т. д.) принял такое решение, а не другое. Не ошибается тот, кто ничего не делает. Знаю на собственной шкуре: будешь лежать на морозе, погибнешь. Не только ты, но и все твои однополчане. Лежать рядом с трупом – сам станешь им под огнем противни-

ка либо подхватишь инфекцию и тогда будешь держать в руках не автомат, а свои штаны. Тут уж будет не до отражения атаки. Пойдешь в атаку, может быть, и останешься жив. Появляется какой-то шанс выжить.

Улавливаете суть? Наивно, инфантильно? Конечно! Но говорю это сознательно. Почему, зачем? Да потому, что вы, господа правдоискатели, отравили и продолжаете отравлять ядом цинизма души и сознание обывателя, особенно молодого поколения. И делаете это в собственных, шкурных интересах. Как правило, такими «гуманистическими» разоблачениями занимались и занимаются те, кто не нюхал пороха. А те из вас, кто нюхал, действовали и действуют, чтобы остаться на гребне клеветы при власти, при кормушке.

Вопрос о неоправданных потерях должен рассматриваться только и исключительно в высших военных училищах и академиях, а не в средствах массовой информации. То, что такие потери были, отрицать нельзя. Но обсуждение этой темы в средствах массовой информации и президент страны, и законодательные органы должны рассматривать как надругательство, как глумление над павшими, отдавшими свою жизнь за Родину. Нет в мире страны, кроме России, где бы публично с таким цинизмом действовали подобные «правдоискатели».

А теперь попробую привести некоторые известные мне факты неоправданных потерь. В одной из предыдущих глав я уже рассказывал о гибели еще на марше двух расчетов противотанковых ружей, о самостреле солдата перед боем и нелепой смерти моего товарища в деревне под Гомелем при попытке раздобыть табак. Вот еще пример из другой главы. Шли тяжелейшие, кровопролитные бои. Наши ряды редели и редели. Мы остановились, окопались. Как-то ночью нас подняли и отвели в расположенный позади лес. Почему, зачем? Даже всезнающий солдатский телефон молчал. Да и никто из нас, солдат, не задавал офицерам таких вопросов – куда и зачем.

Вошли в лес. Поляна. Построились буквой П. Только тут по рядам прошел слух: состоится военно-полевой суд. Появились

несколько незнакомых офицеров. Привели арестованных – командира отделения автоматчиков и его двух подчиненных. Это наши, с нашего батальона – командир отделения и два его подчиненных. Командир отделения подговорил их прострелить друг другу руку с расстояния, чтобы не было ожога и не осталось следов пороха на коже. Но они просчитались: пули наших автоматов отличались по форме и калибру от немецких, соответственно и края входа и выхода пули на ране оставляли другой след. Приговор: «За измену Родине – расстрел. Обжалованию не подлежит. Привести в исполнение немедленно».

Комендант подошел к первой шеренге. Отсчитал семь человек и дал команду: «Три шага вперед. Семеро вышли». Повернувшись, комендант подошел к осужденным. Они в шинелях. Сорвал с них погоны. Повернулся, скомандовал: «Приготовиться». Все семеро подняли автоматы. Я не чувствовал сострадания. Нет! В сознании было одно: «Почему я должен идти в бой, а они – в госпиталь?» Командир отделения до призыва на фронт сидел в тюрьме (в армии Рокоссовского было много бывших заключенных, направленных на фронт из тюрем). Он внимательно следил за каждым движением коменданта и, когда тот поднял руку и открыл рот, чтобы произнести слово «пли», сделал резкий прыжок в сторону и побежал в лес. Двое других упали. Председатель трибунала дал команду врачу и коменданту зафиксировать факт смерти. Один и второй подошли к упавшим, выстрелили каждому в голову. А нас развернули в цепь и бросили на поиски убежавшего из-под расстрела. Всю ночь мы прочесывали лес, кустарники, болото. Так и не нашли беглеца. Мог залезть на дерево, провалиться в болото. Все могло быть. Возможно, и остался жив.

Кстати, от нас, солдат, не скрывали фактов предательства. Так, газета «Сталинский удар» от 2 июля 1943 года опубликовала статью матери расстрелянного за измену Родине под заголовком «Отречение» (статья приводится с сокращениями).

«Командиру энской части и всем бойцам. Я пишу вам, убитая несчастием, неожиданно свалившимся на нашу семью. Да, большое

горе – потерять сына! Но если б Алексей погиб в бою с врагами, разя ненавистных гитлеровцев, я плакала бы еще горше, а моя печаль была бы светлой и чистой, высокой и гордой, как душа каждого, кто жертвует своими близкими и собственной жизнью за свою Родину! И вот бремя позора легло невыносимой тяжестью на мои старые плечи: Алексей – трус и изменник, предатель Родины! Ужасно! Нет слов, чтобы выразить мое негодование и душевные муки. Если б он видел их, быть может, это было бы ему еще большим наказанием, чем смертная кара, которую он заслужил.

Я, мать, сказала бы ему: «Я проклинаю тот час, когда родила тебя!» Нет места изменнику на советской земле! Нет места предателю в сердце матери! Лучше вырвать сердце из груди и имя преступного сына из памяти! Горе нам! Я вскормила змею, а думала, что орла. Думала, что, как его отец, он будет нашим защитником, храбрым солдатом Отечества, героем русской земли. Нет! Это – выродок! Если бы встал из могилы (идет имя и фамилия, которые я опускаю) твой отец, собственными руками задушил бы он сына-предателя... Подлый трус, будь проклят! Умри, как собака! Священной памятью отца я проклинаю тебя! Я проклинаю тебя именем матери Родины! Я склоняю перед вами, дорогие бойцы и командиры, свою седую голову, удрученную тяжестью преступления сына. Простите меня! Забудьте, что я дала жизнь тому, кто предал вас... Позор и смерть предателю! Мы отрекаемся от тебя!»

Под опубликованным письмом стоит не только имя, отчество и фамилия этой женщины, но и указаны город, улица, дом.

Во всех приведенных примерах не называю ни имен, ни фамилий, хотя и помню их. Делаю это из этических соображений. У них остались пусть не близкие, а дальние родственники, и причинять им боль нельзя.

В заключение скажу, с полным на то основанием, о заградотрядах. Зарубите себе на носу, господа очернители: во все времена и во всех армиях мира, чтобы пресечь панику и предотвратить разгром армии, применялись жесткие меры. Меня же Бог мило-

вал: начиная с января 1943 года и по август 1944 года ни разу не сталкивался с заградотрядами, хотя отступать приходилось неоднократно.

Вот почему, исходя из вышеизложенного, как гражданин России, я не прошу, я требую от президента страны, Государственной Думы и Совета Федерации раз и навсегда положить конец глумлению над павшими и уцелевшими солдатами, офицерами и генералами в великой битве за Родину.

Мне могут возразить: ну и нашел примеры для подтверждения неоправданных потерь! Каких-то 10–15 человек на весь батальон, да еще за год и восемь месяцев войны! Разве это потери? Да, это потери, и еще какие! На фронте таких батальонов, а тем более рот были не единицы, а десятки тысяч. Ну а дальше раскиньте мозгами, господа клеветники. В качестве подсказки: в батальоне три роты по 100–120 человек. Надеюсь, арифметику не забыли?

Это истинные неоправданные потери. Все остальное – от лукавого.

ВСТРЕЧА И РАССТАВАНИЕ

Я уже рассказывал, как меня отправляли на учебу в Москву в Военный институт иностранных языков. Прибыло двести претендентов, но мне удалось пройти по конкурсу. Справедливости ради скажу, что на экзаменах по немецкому языку я провалился. Войдя в аудиторию для сдачи экзаменов, представился женщине-экзаменатору: «Такой-то прибыл для сдачи экзамена». В ответ прозвучало: «Зитцен зи зих». Затем, так же, по-немецки: «Возьмите эту книгу и прочтите». Немецкий текст я прочитал, как мне казалось, без запинки. По выражению ее лица вижу, что она довольна моим ответом. Потом так же, по-немецки, предлагает: «Переведите, пожалуйста, этот текст на русский».

Не знаю, что со мной произошло и почему на меня накатила чуть ли не истерический смех. Она спрашивает: «Вас ист дас?» Я смеюсь, никак не могу остановиться. Только после того, как вопрос прозвучал в третий раз, я выдавил из себя: «Ничего не помню – память отшибло». Итог – 2 балла.

Меня приняли, видимо, потому, что еще в штабе дивизии мне сказали: «Поедешь изучать итальянский язык». По всей вероятности, сдача немецкого была для меня чистой формальностью. Сообщил о своем поступлении в институт родителям, своей девушке и ребятам своей роты. Прошло почти три месяца после моего отбытия с фронта. Знал, что тех, кто не поступит, отправят обратно в свои части. Зачем же волновать своих родных и близких?

В январе 1945 года получил письмо от боевых товарищей. Они сообщили, что на днях проводили своего командира в Москву на

учебу. Куда, на какое время, где его искать – об этом ни слова. Однажды, после окончания занятий и обеда, я прилег отдохнуть на свою солдатскую кровать. В казарме на сто персон – двухъярусные кровати. Участникам боевых действий – первый ярус, тем, кто прибыл из тыла, – второй.

Лежу, не раздеваясь и не разбирая кровать. Вдруг слышу голос дневального, стоявшего у входа в спальное помещение: «Дорохов – на выход!» Мелькнула мысль: «Сейчас либо швабру с веником, либо лопату в руки дадут».

После третьего окрика послышались шаги дневального. Делать нечего – встал и пошел навстречу ему. Он выпалил: «Там какой-то капитан спрашивает тебя». Через мгновение мы уже обнимались с командиром роты. Эту сцену увидел вошедший в казарму начальник нашего курса, полковник. Спрашивает: «Дорохов, что это означает?» Сквозь накотившиеся некстати слезы сумел только выдать: «Да вот – мой фронтовой командир роты». В ответ слышу: «Три дня хватит?» Я: «Так точно». Этого я никак не ожидал. Полковник достает из кармана гимнастерки увольнительную, заполняет и, отдавая ее мне, произносит: «Не появляйтесь в институте эти дни».

Так произошла моя встреча с командиром роты капитаном Костриковым. Я знал, что он еще старшим сержантом сражался в дивизии в Сталинграде. Это он снял со своих плеч и отдал мне свою шинель, провожая меня на учебу в Москву. Идем с ним через плац к проходной. Капитан спрашивает: «А помнишь, у нас на полевой кухне была повариха Шура? Вскоре после твоего отъезда на учебу она получила ранение и демобилизовалась. Я нашел ее здесь в Москве. У меня здесь никого нет, да и у тебя, очевидно, тоже. Сейчас мы с тобой поедим к ней».

Доехав до станции «Площадь Революции», завернули за метро в какой-то переулок, оказались в старом трехэтажном доме, построенном, очевидно, еще до революции. Это можно было определить по темно-красному кирпичу его стен. Шура жила в крохотного размера даже не комнате, а комнатушке. Вдоль стены кровать, про-

ход между кроватью и второй стеной не более 50–70 сантиметров. Прижатый тыльной стороной к спинке кровати шифоньер перегородивал комнату. За ним – диван, также вдоль стены, а напротив – стол. Под столом две табуретки. Два-три человека могли сидеть за столом на диване, а двое по бокам стола. Пройти между диваном и столом можно только боком. Видно было, что это переделанная под жилье кладовка. Это была коммуналка.

Я и не знал, что она москвичка, как и не знал ее фамилию. Работала она в Москве в сухарном цехе то ли хлебокомбината, то ли кондитерской фабрики. Баловала она нас ванильными сухарями и маленькими круглыми сушками да еще конфетами-подушечками. Была еще кое-какая закуска и, конечно, водка.

Трое суток пролетели незаметно. Командир приступил к учебе на офицерских курсах «Выстрел». Но каждую неделю мы встречались у Шуры. К нашей троице вскоре присоединились его однокурсники. Сначала один, потом – другой. Время учебы на курсах пролетело быстро. День его отъезда я не знал и не придавал значения тому, что мы как-то собрались только втроем, никого из его новых друзей по курсам не было. Видимо, он сам так решил. Проснувшись утром, попрощались. Как обычно, Шура ушла на работу, командир к себе на курсы, а я – в институт. И только в институте я обнаружил в кармане своего кителя записку командира и «приложение» к ней. Пробежав глазами записку, опустился на кровать. Навернулись слезы.

Это была прощальная встреча, о чем я совершенно не додумался в тот вечер. Он снова уезжал на фронт. Не знаю, провожала его Шура или нет. Об этом она мне не говорила, хотя мы продолжали иногда встречаться – я приходил к ней со своей будущей женой. Возможно, и Шура не знала о дне его отъезда. Костриков, добрейшей души человек, не хотел доставить нам волнений, переживаний. Его записку я храню как драгоценную реликвию в память о своем Командире и Человеке с большой буквы. Этой записке более 60 лет.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ

Шесть лет учебы в Военном институте остались позади. Сдан последний госэкзамен. На комиссии по распределению мне задают неожиданный вопрос: «Есть ли у вас или вашей жены ближайшие родственники, проживающие в Москве или Подмосковье?» Получив отрицательный ответ, председатель комиссии резюмирует: «В Москве и так много бесквартирных. Первый вариант отпадает». Затем обращается к сидевшему рядом с ним офицеру, представителю Управления кадров: «Что у нас есть еще?» «Предлагаем поехать к новому месту службы в Группу советских войск в Австрию. Что вы на это скажете? Согласны?»

Предложение, конечно, заманчивое. Начать офицерскую службу за границей и престижно, и материально заманчиво. Но я спрашиваю: «Ехать к новому месту службы с семьей, то есть с женой и сыном, или только одному?» Прозвучал ответ: «Ехать без семьи». Не задумываясь, отказываюсь, так как уже четыре месяца нахожусь в командировке, уехав из дома на третий день после свадьбы. «Вы были на Черноморском флоте в командировке?» «Да». «Ну что ж, тогда предлагаем поехать туда и продолжить службу в отделе спецпропаганды Политуправления флота». «Согласен».

Начиная с сентября 1950 года и по май 1978-го продолжилась моя служба на различных должностях на Черноморском флоте. За это время флотом командовали адмиралы Октябрьский, Горшков, Касатонов, Пархоменко, Чурсин и другие, а членами Военного Совета – начальниками Политуправления – были адми-

ралы Кулаков, Быстриков, Калачаев, Торик, Руднев, Медведев. Естественно, у каждого из них был свой стиль работы, поведения, свой стиль взаимоотношений с вышестоящими начальниками, свое отношение к подчиненным.

Самым, если можно так выразиться, доступным в обращении и поведении командующим флотом был адмирал Чурсин. Его прямой противоположностью был адмирал Горшков. Чурсин, например, мог запросто посидеть с матросами в курилке или «забить козла» с ними в кают-компани. В кругу офицеров Чурсин мог пошутить и над собой, заявляя, например: «Выпью одну бутылку коньяка – могу и руководить, и работать. А если выпью две бутылки – могу только руководить флотом». Это был, скорее, его прием для того, чтобы снять напряжение у подчиненных и сделать разговор о службе и жизни офицеров более естественным, свободным.

Справедливости ради отмечу, что ни я, ни мои друзья и товарищи по службе никогда не видели его в нетрезвом состоянии. Это был человек большой эрудиции. Он всегда тщательно готовился к приему на флоте гостей – как советских, так и зарубежных. Всегда брал энциклопедию, справочники, словари и никогда не требовал написать ему речь по случаю какой-то встречи, как это делали другие.

Адмирала Горшкова (он был командующим флотом, а позднее – Главкомом ВМФ) совершенно невозможно представить себе беседующим в курилке с матросами. Он был суровым, а иногда и неоправданно жестким по отношению к подчиненным, хотя для флота, будучи Главкомом, сделал очень и очень много. Был немногословен. Его лицо практически никогда не выражало спокойствия, доброты и сочувствия, он очень редко улыбался.

Непохожи друг на друга были члены Военного Совета – адмиралы Руднев и Медведев. Первый закончил службу в должности члена Военного Совета Черноморского флота, второй стал членом Военного Совета Военно-Морского Флота Советского Союза. Жаль, что не наоборот, потому что и в профессио-

нальном, и в человеческом плане Руднев был выше, значимее, достойнее.

Представляя читателю этих двух адмиралов, сразу скажу: у меня не было, нет и быть не может никаких претензий и обид к ним. Напротив, оба поощряли меня и относились ко мне с уважением. Поэтому у меня нет оснований быть необъективным. Так вот: если Руднев заслуженно шел вверх по служебной лестнице, то Медведев продвинулся выше незаслуженно, даже случайно. Разве может случайный человек занять столь высокий пост? Жизнь показывает: может, да еще и не такой пост. Но об этом чуть ниже.

Пока же вкратце, буквально отдельными штрихами о каждом. Иван Семенович Руднев был прямым, открытым, честным, не терпел заискиваний и подхалимажа, умел принимать ответственные решения самостоятельно, вел себя уважительно, достойно и с подчиненными, и с вышестоящими начальниками. Пользовался большим уважением не только на флоте, но и в городе Севастополе, а также в высших эшелонах партийной номенклатуры на Украине. Недаром, его, капитана I ранга, начальника политотдела на эскадре избрали, вопреки кандидатуре Крымского обкома партии, секретарем Ленинского райкома партии Севастополя. По истечении срока полномочий его вернули на флот.

Совсем другим был Павел Николаевич Медведев, член Военного Совета Черноморского флота. Человек огромной трудоспособности и эрудиции, но нерешительный, суетливый. Он заискивал перед вышестоящими начальниками. Невозможно представить себе, чтобы член Военного Совета флота Кулаков или тот же Руднев подбегал к машине, чтобы открыть дверцу перед командующим флотом. А Медведев делал это всегда, когда командующий флотом прибывал или убывал из штаба.

Мне не раз приходилось быть свидетелем того, как вели себя перед высокопоставленными чинами вплоть до министра обороны адмирал Руднев и адмирал Медведев. Медведев, как правило, суетился, нервничал. Со стороны казалось, что он в доску разобьется

ради дела и мало заботится о собственном имидже. Но это только внешнее впечатление. На самом деле за нервозностью и суетливостью Медведева скрывалась боязнь подмочить свой авторитет. Принять ответственное решение для него было большой проблемой. Лучше было поступить по принципу: не знал, не видел, не слышал. Он просто оказался случайным человеком на большой должности в Военно-Морском Флоте.

Читатель спросит: «Куда же смотрели кадровики?» На этот вопрос мне ответил начальник отдела кадров Политуправления Черноморского флота капитан I ранга Иван Федорович Журухин: «Прежде всего людей подбирали по протекции. Сына, внука, зятя, племянника вышестоящего начальника надо устроить. И не только устроить, но и продвигать по служебной тропе с горящим зеленым светофором. Второй принцип подбора – по знакомству. Третий принцип – если нет претендентов свыше, учитываем деловые качества кандидатур, подобранных нами».

И шли в гору, словно по лестнице с ковровой дорожкой, бездарные родственники высокого начальства, разного рода подхалимы и угодники всех мастей, «свои люди». Они становились адмиралами, занимали высокие должности. Тому много примеров. Но сейчас речь о другом. Характеристики, служебные аттестации на офицера зачастую были серыми, безликими. Как правило, они не отражали, решителен офицер или нет, склонен к угодничеству и подхалимажу или нет. Обычно писалось: делу партии предан, морально устойчив и прочее в таком духе.

Как я уже говорил, при большой эрудиции и огромной работоспособности у Павла Николаевича была еще одна особенность в характере. Он был каким-то нудно-въедливым, а иногда и мелочным. Готов был из мухи раздуть слона. Например, как-то во время учений три наших корабля швартовались в Александрии. Лагом к пирсу крейсер «Кутузов», а два наших эсминца «Красный Крым» и «Красный Кавказ» – тоже лагом один к другому.

Еще не закончились швартовые работы, как вдруг рас-сылный по кораблю доложил, что меня вызывает капитан

I ранга Медведев. В ГлавПУРе он был старшим инспектором и возглавлял группу проверяющих из Москвы во время учений в Средиземном море. Не успев представиться ему (а я был представителем Политуправления Черноморского флота на период учений на этих двух кораблях), я оказался под градом его вопросов, словно произошло непоправимое происшествие: «Что вы здесь делаете? Как это понимать? Чем вы здесь занимаетесь?» Оказалось, что он прошел по двум кораблям и пять матросов ответили ему, что не слышали сегодня утром последних известий!

Поскольку Павел Николаевич был очень возбужден, мне ничего не оставалось делать, как опустить его с небес на землю. «Идут швартовые работы, весь личный состав занят на своих боевых местах. Спал матрос или не спал, но он должен быть по расписанию на своем боевом месте. Может быть, и попался вам матрос, поднятый со сна после вахты, или матрос, который был на вахте, где не положена иная трансляция кроме боевой. Естественно, ни тот ни другой не могли слышать последних известий. А потом, – продолжил я, – товарищ капитан I ранга, это же матросы, и любой из них мог, чтобы вы отвязались от него со своими вопросами в неурочный час, буркнуть, что ничего не слышал. И трагедии в этом нет никакой. А теперь пойдёмте, я покажу вам, где вывешены отпечатанные сообщения на юте, баке, в коридорах».

В ответ Павел Николаевич развернулся и ушел на «Кутузов», не став больше проверять ничего. Привожу этот пример для того, чтобы командиры и начальники в характеристиках и аттестациях своих подчиненных отражали: умеет ли аттестуемый отличать главное от второстепенного, насколько он объективен в оценке событий и действий, склонен ли к угодничеству и подхалимажу, способен ли принимать ответственные решения в нужный момент, честен, справедлив или склонен к мстительности, то есть можно ли доверить ему людей и положиться на него.

Чего греха таить, иногда коллектив сам «помогает» продвигаться сослуживцу. Снять оснований нет, но зато можно избавить-

ся от неуживчивого, занудного человека, продвинув его выше. И продвигали Павла Николаевича с одной ступеньки на другую. Из него бы получился хороший исследователь, историк. Но на должности члена Военного Совета флота он оказался случайным человеком.

События конца XX века подтверждают, что иногда и на более высоких должностях оказываются случайные люди. Десятки генералов и адмиралов отступили, предали принятую ими присягу верно служить Отечеству и защищать свою страну. Если бы командующие Московским, Ленинградским, Киевским, Белорусским и другими округами и флотами заявили группе заговорщиков в Беловежской Пуще о своей верности присяге, развала Советского Союза не произошло бы. Только один генерал Варенников остался верен присяге и смело выступил против заговора. Один из многих! А для других важны были не честь, достоинство и верность данной клятве, а должность, положение, кормушка. Служили-то не Отечеству, а «батюшке» в Кремле. Вот вам и результат подбора кадров не по деловым качествам, а по принципу личной преданности «вождю», а не Отечеству.

Жизнь подтвердила, к несчастью, что и государство может возглавить случайный человек, каким оказался Ельцин. Для него не важны были судьба народов Советского Союза, судьба и авторитет страны. Главное для него было во что бы то ни стало сесть в кресло главы государства. Что будет со страной, ее народом – его мало интересовало. Он сделал народ заложником своей тяги к спиртному. Любой врач знает, что алкоголик – непредсказуемый человек. Если алкоголик выйдет на улицу с дубинкой или топором, то его непременно милиция заберет в кутузку, а то и отправит в психушку. И правильно делает.

А тут не просто рядовой алкоголик, а человек, наделенный огромной властью. Мы все в то время были заложниками алкоголика с ядерной кнопкой. Знали ли об этом его окружение (Шахрай, Шохин, Чубайс), лечившие его врачи, депутаты

Госдумы и Совета Федерации, Генпрокуратуры и т. д.? Как можно понять их молчание, когда не только страна, но и мир был в заложниках у алкоголика? Это сродни преступлению перед человечеством. Вместо того, чтобы бить в набат, поносили советскую власть. Слава Богу, что пронесло.

Полной противоположностью Ельцину была другая фигура. К сожалению, не в России. Униженная поражением, оккупированная фашистами Франция, казалось, не поднимется с колен. Шарль де Голль не только спас страну от катастрофы и унижения, но и буквально вырвал ее из пасти двух «акул» капитализма – Великобритании и США, сумел поставить в ряд великих держав-победительниц.

Вот это человек и руководитель, достойный уважения, для которого вся жизнь была посвящена служению Франции, ее свободе и независимости. И как же глуп был начальник кадетского училища, генерал французской армии, давший такую характеристику своему выпускнику де Голлю: «Ничем не примечателен, кроме своего роста». И все. Смешно, не правда ли?

Еще один пример. Фидель Кастро, посвятивший всю свою жизнь служению народу, Родине. Зарубите себе на носу, господа офицеры и начальники всех рангов и уровней: «...прежде чем дать характеристику своему подчиненному, “семь раз отмерь – один раз отрежь”». Тогда меньше будет проходить вверх по служебной лестнице случайных людей, ловчил, проходимцев, приспособленцев и авантюристов.

Народ имеет право и должен знать: имел ли Ельцин, согласно Конституции, право ликвидировать государство – Союз Советских Социалистических Республик или он был одним из участников «заговора трех». Конституционный суд должен поставить точку в этом деле. Речь идет не о жажде мести, а о торжестве справедливости и законности. Вот почему прошу Конституционный суд принять поставленный мною вопрос как официальное обращение гражданина Российской Федерации

к рассмотрению и вынесению решения. Ответ должен быть один – имел право или нет. Если нет, то как квалифицировать это деяние с позиций существовавших тогда законов?

Коррупция в стране приобрела характер стихийного бедствия. Надо иметь мужество признать это. Стихийное бедствие требует неординарных мер. Нужны реальные, конкретные, чрезвычайные меры. Возможно, следует временно, как вынужденную меру, ввести смертную казнь за преступления в таможенной, налоговой службе, прокуратуре и судебной системе за взятки госчиновников в крупных размерах или увеличить сроки заключения до ста и более лет без права на условно-досрочное освобождение.

Существующая система наказания жуликов и взяточников – это полумера. Получил, скажем, семь лет за взятки, а через три года, подкупив тюремное начальство, взяточник получает досрочное освобождение за «примерное поведение». Но когда чиновник будет знать, что получит за взятку не 5–7 лет, а 105 или 127 лет и что досрочного освобождения ни при каких обстоятельствах не будет, он семь раз подумает, брать ли взятку. Чтобы пойти на такой шаг, нужна воля прежде всего президента и его окружения. Позволят ли обстоятельства пойти на такой шаг, покажет время (пока же В.В. Путин сам является заложником ряда обстоятельств, преодолеть которые не так просто).

Вот о чем вам надо думать, господа госдумовцы. Думайте и о том, как сделать, например, чтобы к власти не пришел шизофреник, или как разработать долговременную экономическую программу по выводу страны из состояния сырьевого придатка. Думайте, как, скажем, прекратить гнать за рубеж по цене дров деловой лес, как построить несколько современных деревообрабатывающих заводов по выпуску готовой продукции для строительства и ремонта домов, жилых помещений и т. д. Тут и большие средства не нужны. Ума не хватает? Или Мавзолей мешает?

Ретивому госдумовцу!

Он – деспот и вандал!
 Немало стран крушил и разрушал,
 Добрался до Москвы..
 О том, конечно, знаешь ты.
 Теперь спрошу тебя, Госдумы чинодрал,
 Зачем поклон ему ты отдавал,
 Когда в Париже ты бывал?
 Неужто Ленин меньшего достоин,
 Чем в саркофаге прах Наполеона?
 Кому поклон ты отдавал?
 Конечно, Ленин, а не он
 Народам мира путь к свободе указал
 И большего он уважения достоин.
 Оставь в покое Мавзолей,
 Историю ты вспять не повернешь,
 А лишь пупок свой надорвешь.
 Пусть тело Ленина лежит,
 И для потомков историю страны он сохранит.
 История страны – не сточная канава!
 Об этом тебе помнить надо
 И, походя, не стоит в нее гадить!
 Я б уши оному надрал,
 Но он же недоступен стал,
 Госдумовец – ретивый чинодрал!

К чести Президента Российской Федерации В.В. Путина он не пошел на поводу у ретивых чиновников в отношении Ленина и Мавзолея. Выше я упоминал о том, что, став президентом страны, Владимир Владимирович оказался заложником. Да, и это так!

Прежде всего заложником полученного наследства. Разрушена экономика, разорваны экономические и научно-технические связи

с бывшими республиками. Предприимчивые воротилы укрепили не только свое финансовое положение, но и позиции во властных структурах.

Во-вторых, заложником корпоративных и семейных кланов. О саботаже, противодействии власти со стороны кланов неоднократно говорил сам президент.

В-третьих, заложником преступного сообщества. Не президент, не власть решает, кому стоять на том или ином посту в государственных органах, а преступный мир. Повсеместно, по всей стране, отстреливают негодных преступному миру госчиновников. Преступное сообщество действует нагло, цинично, давая понять президенту, кто хозяин в стране. И, когда говорят о сокращении преступности такого плана в стране, это скорее всего политика оправдать слабость власти и ее правоохранительной системы. Дело не в том, что за первый срок президентства произошло, скажем, десять таких резонансных преступлений, а сейчас – пять. Это всего лишь статистика. Суть, существо таких преступлений остается неизменной: «Мы, а не вы хозяева в стране».

Преступному сообществу нужны «свои» люди во властных структурах. Искать заказчиков таких резонансных преступлений, очевидно, надо там. Каким бы хорошим ни был человек в должности президента страны, умиления и восторга мало. Ему нужна активная жизненная позиция всего населения, тогда процесс выздоровления страны пойдет значительно быстрее. Эти и другие обстоятельства и сделали В.В. Путина заложником в области внутренней политики. Разобрать, разгрести эти и другие «завалы» не так-то просто! Нужно время, и время немалое.

Удалось ли добиться улучшения положения дел в стране? К сожалению, весьма и весьма мало! Повсеместную невыплату зарплаты по стране удалось свести к единичным случаям, а осуществление приоритетных программ в последнее время внушает оптимизм на выздоровление. Но когда оно, это выздоровление, наступит, пожалуй, никто не возьмется предсказать. Больная экономика только-только вышла из комы. Процесс выздоровле-

ния пошел бы значительно быстрее, если бы... Вот это «если бы» связано с международной обстановкой. Я солдат и на собственной шкуре знаю, что такое война.

Иной читатель, если мой опус увидит свет, скажет: сидел бы ты, дед, на своей пенсии и не лез в такие дебри... Ну что тут скажешь? По-моему, нет ничего страшнее безразличия, равнодушия по отношению к своей стране, Родине, а в конечном счете получается к своим родным, близким, детям и внукам.

Отрадно то, что за последние годы и президент, и правительство повернулись лицом к Вооруженным Силам страны. Но этого мало. Нет, речь не идет об усилении гонки вооружений, противостояния, противоборства с силами, пытающимися взять Россию в полукольцо и продвинуть как можно ближе к ее границам свои базы. Политика расширения и продвижения НАТО на Восток преследует определенные цели, и цели эти не борьба с терроризмом. Тогда для чего?

Накопление огромного количества ядерного оружия рано или поздно поставит вопрос о запрещении его применения в военных конфликтах. Хочется этого кому-то или нет, но это все равно произойдет, как это произошло с химическим оружием, на применение которого не решился даже Гитлер. По-моему, ни один специалист не сможет с достоверностью сказать, что произойдет на планете Земля, если взорвать все ядерное оружие в атмосфере над четырьмя океанами, не затрагивая сушу. Думаю, это понимают и США.

Закономерно возникает вопрос: зачем укреплять и расширять НАТО? Поскольку инстинкт самосохранения, то есть сама жизнь, исключает использование ядерного оружия в войне, США, очевидно, в долговременной перспективе намерены использовать не ядерное оружие, а весь военно-экономический потенциал НАТО с обычным оружием, прежде всего против России, овладев предварительно нефтеносными районами Ближнего Востока. Таким образом, расширение НАТО и его продвижение на Восток никоим образом не связано с борьбой с терроризмом. Это предлог, и не более.

Проверить, что это действительно так, можно. Представьте себе, что Правительство Российской Федерации, Государственная Дума и некоторые общественные организации обратились к аналогичным структурам стран НАТО с предложением рассмотреть вопрос на своих заседаниях о самороспуске блока НАТО, ставшего большой дубинкой США на международной арене, а вопросы борьбы с терроризмом и погашения конфликтов решать совместно в рамках ООН.

Первыми, кто встанет на дыбы, будут США!

Если бы так поступила Россия, тогда у многих в мире после отказа от такого шага стран НАТО спала бы с глаз пелена об «изменении» характера и целей этого альянса – анахронизма холодной войны.

И в заключение как солдат Второй мировой войны хотел бы предупредить горячие головы в США: не играйте с огнем, господа!

И еще раз хочу сказать! Задумайтесь, господа госдумовцы и господа чиновники: почему, например, до сих пор Россия с ее огромными богатствами находится по уровню жизни среди нищих стран? Россия и нищия?! Парадокс! Политическим проституткам всех мастей и оттенков хотелось бы напомнить, что Победу во Второй мировой войне одержала идеология социализма, а не фашизма. Видимо, не случайно в самый разгар антисоциалистической кампании один из выдающихся деятелей XX столетия в начале 90-х годов заявил: не надо спешить отбрасывать идеи социализма на свалку истории...

Этой личностью был не кто иной, как папа римский Иоанн Павел II, поляк Кароль Войтыла, знавший о социализме не только по книжкам. Почему же вы, господа демократы, не только не вытащили страну из нищеты, но и загнали и продолжаете загонять ее еще дальше в беспросветный угол.

За полтора десятилетия перестройки вы так и не смогли довести жизненный уровень россиянина до уровня жизни людей в советские времена. Почему он упал ниже? Вы поставили страну

в зависимость от импорта заокеанского продовольствия. В моей родной стороне, в Заволжье, животноводство, например, сократилось за время перестройки в несколько раз по сравнению с советскими временами.

Представьте гипотетически, что США со своими партнерами по разбойным делам в Корее, Вьетнаме, Югославии, Ираке сговорились и искусственно понизили цену на нефть на мировом рынке до 10–12 долларов за баррель. Через полгода экономика России сдохнет, как конь без овса и сена. Страна-то живет сегодня за счет нефти и вооружения да за счет мешочников, то бишь челноков, а не за счет производства товаров и услуг для внешнего и внутреннего рынка.

Закупаем курятину в США, свинину в Голландии, говядину в Аргентине, огурцы и помидоры в Турции и Греции – субсидируем не своего, а чужого товаропроизводителя.

В селе Клинцовка Саратовской области в колхозе им. Куйбышева, где мой отец когда-то председательствовал, было более тысячи овец, около тысячи коров, быков, свиней, лошадей и верблюдов. В кошару с пацанами сам забирался, чтобы покататься на баране. Они были крупные, с большой длинной белой шерстью. Сидишь на нем – словно утопаешь в мягком кресле. Спортзалов-то не было, вот и развлекались то в кошаре, то залезали в колхозный сад за яблоками или на бахчу за арбузами и дынями, хотя у каждого был свой сад и бахча.

Худо-бедно, но после войны колхоз с трудом встал на ноги. А после перестройки... Одним словом, надо поехать и посмотреть, остались ли там хотя бы рожки да ножки.

Вы же, господа единороссы, продолжаете поддерживать и развивать грабительскую и антинародную экономику. Можешь построить коровник, свиноводник – строй. Можешь с товарищами пробурить скважину – бури и добывай нефть, газ. Но когда отдают в частные руки готовенькие нефтяные и газовые скважины – это грабеж своего собственного народа, ибо они построены на его собственные деньги.

Жадность человеческая беспредельна. Получил доход миллион – хочется много миллионов. Получил миллиард – хочется много миллиардов. Вот и кричат владельцы, хапнувшие народное достояние, о нерентабельности предприятий и о необходимости повышать тарифы на энергоносители. Абрамовичи, Чубайсы, Потанины и иже с ними хотят, например, поменять на своих предприятиях оборудование. Но почему они не хотят это делать за счет урезания своей прибыли? Они поднимают тарифы, и народ вынужден платить. Прибыль олигархов не уменьшается ни при каких обстоятельствах: «Мерседес» нужен не только им, но и их женам, самолет с вертолетом – тоже! Им уже и одной виллы на семью мало! Покупают дворцы и старинные замки в разных частях света. Вот на это и идет прибыль, а за замену устаревшего оборудования платит налогоплательщик. Куда он денется без газа и света?! Заплатит как миленький! И платим, и молчим...

Будь в руках народа энергоносители, Россия преобразилась бы до неузнаваемости за пять лет. Судя по тому, как идут дела в наши дни, россиянам не светят ни манна небесная, ни райские кущи; то есть добиться сегодняшнего европейского уровня жизни в России не удастся и в ближайшие полсотни лет. Дай-то Бог мне ошибиться!

ДОЛГ И ОБЯЗАННОСТЬ

Соотношение долга и обязанности является давней проблемой человечества. Сейчас можно часто слышать, когда речь заходит о ее морально-нравственной стороне, что никто никому ничего не должен. Именно в таком духе высказываются современные политики, идеологи, экономисты, чиновники всех мастей и т. д. Такое утверждение, такой постулат представляются мне весьма вредными и опасными.

Рассмотрим эти два понятия, не апеллируя к мнениям ученых, филологов, лингвистов, языковедов. Обязанность – это своего рода оброк, налог, ноша, непосильная или непосильная. Это то, что ты обязан делать. Здесь все довольно ясно и понятно. С понятием «долг» не все так просто.

Слово «долг» отражает состояние души человека, его собственное «Я». Если у солдата, офицера нет такого состояния души, такого собственного «Я», а есть только понимание своих обязанностей, прописанных в уставе или инструкции, вряд ли он пожертвует жизнью, выполняя боевое задание, вряд ли, отступая под натиском врага, станет желать того, чтобы вражеская пуля попала ему в голову, а не в ногу.

Контрактник, четко выполняющий свои обязанности, делать этого не будет. Он не обязан этого делать! Напротив, человек долга сделает это без колебаний. К сожалению, у нас практически поставили знак равенства между понятиями «профессионал» и «контрактник». И это ошибка. Эти понятия имеют существенные различия: чувство высокого долга можно воспи-

тать, а параметры обязанностей нужно всего лишь написать на бумаге. Состояние души человека, его внутренняя преданность Родине и своему народу отсутствуют в понятии «обязанность», их нельзя отразить в самой детальной служебной инструкции.

Родные буквы

От лютой стужи и мороза
 Трещали на Руси березы,
 А наш солдат, советский воин,
 Он преклонения достоин
 За то, что в зной и лютые морозы
 Не повредил ни психику, ни волю,
 Упорно шел вперед,
 Тесня врага то спереди, то справа,
 Пока не вышли мы к заставе.
 Там пограничный столб стоял,
 На нем был герб, и серп, и молот...
 На миг застыло все: там было теплое, родное
 Одно единственное слово – СССР!

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

В самом начале своих мемуаров я обещал говорить только то, что видел и что достоверно знаю. Потому буду придерживаться этого принципа, рассматривая взаимоотношения в армии и на флоте. Чуть ли не главной проблемой России сейчас, в XXI веке, стал вопрос о так называемых неуставных взаимоотношениях в Вооруженных Силах (ВС). Слово «армия» практически стало нарицательным! Чтобы «спасти» армию от дедовщины, создали никому не нужные, более того, на мой взгляд, вредные комитеты солдатских матерей.

И уж совсем «гениальную» мысль озвучил недавно весьма «талантливый» и очень ответственный военный чиновник. Возможно, бес попутал, а может быть, забыл он, в какой епархии служит (в жизни с человеком всякое бывает). Речь идет о главном прокуроре ВС России и его предложении ввести в них институт священников. Bravo, bravo, господин законник! Только вот как быть с Конституцией? Согласно ей, церковь у нас отделена от государства. Может, сделать из России нечто подобное Ватикану?

Позвольте мне, господин законник, сделать к вашему предложению свое маленькое дополнение: ввести в армии еще штат нянечек, чтобы носики вытирали, непослушных по попке шлепали, а заодно в казарме с ними ночевали, ведь постыдные акты дедовщины ночью происходят! Простите меня, господин законник, за мое скромное дополнение. Это я, очевидно, от старости и скудости ума. Вы-то вон как высоко и много моложе меня. А я – пенсионер, ветеран. Да и слово-то «ветеран», знаете, в переводе означает «одряхлев-

ший воин». И все же я и во время Великой Отечественной войны, и после нее бывал кое-где и отслужил в армии и на флоте почти 36 календарных лет. Мне есть что сказать. Итак, прошу слова...

Не знаю, была ли дедовщина в Красной Армии. Была ли дедовщина на фронте? Как ответить на этот вопрос? На себе не испытывал, а вот сам... грешен, каюсь! Ну а подробности своего проступка – чуть ниже.

Выходит, неуставные взаимоотношения были в Красной Армии и тогда, в войну? Не спешите, господа правдоискатели, правозащитники и дамы из комитетов! Вы же знаете, когда уместна спешка. Есть и другое мнение: «Поспешишь – людей насмешишь». Так что все по порядку.

В 1939 году мой старший брат Сергей приехал в отпуск. Форма танкиста безукоризненна. Португепя и планшет на боку, через плечо. На широком кожаном ремне блестящая кобура с пистолетом и двумя обоймами. Нет, не муляж, а самый настоящий, боевой. Идем по городу Пугачеву Саратовской области. Навстречу идет строем взвод солдат. Сопровождающий его старшина командует: «Взвод смирно! Равнение на...» Чекая строевым шагом, взвод приветствует младшего офицера, старшина – «руку под козырек» – отдает честь, печатая шаг. Я, пятнадцатилетний пацан, рот открыл от увиденного!

Насколько огромен был авторитет Красной Армии тогда, доподлинно известно. Если парня по совокупности тогдашних критериев не брали в армию, девушка отказывалась дружить с ним, а «забракованный» старался сменить место жительства. Надо ли приводить примеры сегодняшнего отношения к солдату со стороны девушек, к офицеру со стороны солдата. Разве вы не замечали: не только взвод не отдает честь, но даже младший не приветствует старшего, проходя мимо. «Вот солдафон!» – подумает читатель! К счастью, таковым не стал. Может быть потому, что в детстве служба в армии не привлекала меня, хотя два старших брата служили и приезжали в отпуск в затерявшееся село Жестянка.

Меня крайне удивляют и возмущают – да, да, возмущают! – высказывания некоторых историков, аналитиков, политологов, депутатов Госдумы и Совета Федерации, чиновников всех мастей и уровней, когда заходит речь об армии и флоте страны. Они совершенно искренне, с негодованием поносят свою армию. Так и хочется спросить служителей и хранителей Отечества: «А что, разве армия пришла в Россию из неведомых краев?» Осмелюсь, господа, напомнить, что армия в любой стране – часть живого организма под названием ГОСУДАРСТВО! Каково государство – такова и армия. Армия – зеркало общества, и «неча на зеркало пенять, коли рожа крива».

До Великой Отечественной войны дети партноменклатурных работников, начиная от районного звена и до ЦК партии, служили в армии. И во время войны сражались все вместе. Никому и никаких поблажек и отсрочек. Даже Сталин отказался от предложения Гитлера обменять своего пленного сына на плененного фельдмаршала Паулюса. После окончания войны вполне оправданно произошло резкое сокращение армии в стране. Нужны были люди и средства для восстановления разрушенного народного хозяйства. Сам прошел через сожженные и разрушенные города и села.

Армию сократили, но ненадолго. В 1947 году небезызвестный Уинстон Черчилль выступил в Фултоне с речью, в которой, по сути, призвал США к установлению нового мирового порядка под эгидой англо-саксонской расы, опираясь на их экономическое и военное превосходство над Советским Союзом.

Чтобы обезопасить себя от новой беды, Советский Союз стал потихоньку наращивать мощь своей армии, не имея на то не только материальных, но и человеческих резервов. Потому и стали брать в армию всех подряд, в том числе и тех, кто имел судимость и стоял на учете за правонарушения. Уголовный мир принес в армию свои понятия и порядки – «братаны», «вожаки» и т. д. Так в армии стали появляться и укореняться неуставные отношения и дедовщина. Плюс к этому партийные и советские чиновники, злоупотребляя своим положением, стали избавлять своих сынков

от службы в армии, то есть, говоря современным языком, «отмывали» своих чад. Исключение составляли случаи, когда военная служба открывала чаду зеленый свет для продвижения (как правило, незаслуженного) по службе. Кстати, мужчины британской королевской семьи обязаны отслужить в армии. У нас в стране этот ценный зарубежный опыт игнорируется.

Если бы сынки номенклатурных боссов призывались в армию, можно утверждать почти на 100 процентов, что положение в армии во всех отношениях улучшалось бы, а не ухудшалось. Но произошло то, что произошло. Именно эти два фактора – появление на службе уголовных элементов и служба для «второсортной» молодежи – явились основой появления и расширения дедовщины.

Третьим важным фактором стала практика произвола и беззакония в армии. Конечно, уставы были и существуют, как была и существует присяга. Вопрос в другом. Как они выполнялись рядовыми и офицерами? Рядового практически невозможно было привлечь к ответственности за отказ от исполнения своего по сути дела гражданского долга. А за что наказывали младшего офицера (то задержат звание, то понизят в должности)? Рядовой напился, сбежал в самоволку, затеял драку. Что оставалось делать бедному лейтенанту? Скрывать эти проступки. Его вынуждали так поступать.

Сначала он скрывал малые «шалости» подчиненного. Став старшим офицером, генералом, стал скрывать преступления. Не дай Бог доложить! Снимут погоны! По опыту знаю. Нет, меня не понижали в должности, не снимали погоны. Но доказать своему начальнику, что ты не «верблюд», знаю на собственной шкуре, почти безнадежное дело. Выше я уже покался в своих неуставных взаимоотношениях, в проявлении своей «дедовщины» (такого слова тогда не знали) по отношению к подчиненному.

Дело было в Белоруссии в 1943 году. Отбили у фашистов село. После боя заняли за ним оборону, окопались. Тут бы отдохнуть! Но получил задание: быть разводящим постов охранения. Выставил в указанных местах посты. Время от времени их надо проверять,

между сменами. Стояла темная ночь. Отправился проверять один за другим посты. Приблизился к последнему, на самой окраине села, в зарослях кустарников, у колодца. Уже должен был раздаться окрик часового: «Стой, кто идет?» Но часовой молчал.

Насторожился до предела. Подошел к колодцу. На малейший шорох готов открыть огонь. Первая мысль – часового уволокли немецкие разведчики. Объявлять боевую тревогу?! Ну, хотя бы какой-либо признак появления немцев обнаружить! Ничего нет! Прежде чем объявлять тревогу, решил обшарить кусты. Может, убили и спрятали парня, а колодец отравили. Постепенно, что называется почти на ощупь, стал проверять кусты с одной стороны, затем с другой. Только метрах в десяти от колодца обнаружил распластавшегося на примятом кусте солдата. Слава богу, мелькнула мысль, что хоть труп нашел.

Когда осторожно дотронулся до него, понял – спит сном младенца. Винтовка (у него была винтовка) лежала рядом. Мгновенно родилась другая мысль: «А вдруг немцы специально не стали брать парня, а сыпанули яд в колодец и ушли!» Взял его винтовку, отложил.левой рукой приподнял хлопца, а правой нанес ему сильный удар по скуле. Тот проснулся, с перепугу слова не мог выговорить, мотал головой и от страха, и от боли. «Как же ты мог, подлец?!» А он: «Что мне делать теперь?» Вернул ему винтовку в руки со словами: «Иди, жалуйся!» Потом сообразил: «Нет, жаловаться потом будешь! Идем к колодцу! Бери свой котелок!»

Дрожащими руками он никак не мог отстегнуть котелок от пояса, не соображая, что еще от него надо. «Доставай воду! Пей! Потом – дай мне». Другого выхода не видел. Либо смерть сейчас, либо смерть по военно-полевому суду. Оставил его на посту, вернулся в батальон. Подошло время менять часовых. Взял смену, в том числе и ему. Утром – марш-бросок. Заняли позиции, оставленные немцами за ночь.

Только во время марша командир роты, подойдя ко мне, спросил: «А что произошло с солдатом у колодца? Что-то у него правая скула разбита?» Я слукавил: «Да понятия не имею, мне никаких

жалоб не было». «Мне он сказал, что в темноте упал». Делать выводы, кто прав, кто виноват, – не мне. Я уже ничего не изменю. Других примеров «дедовщины» или неуставных взаимоотношений за все время пребывания на фронте я не знаю и сам на себе не испытал ни разу. Уже после войны мне, офицеру, приходилось не раз и не два сталкиваться с неуставными взаимоотношениями как среди рядовых, так и среди офицеров.

Выше я позволил себе иронию по поводу предложения ввести в армии институт священников. Так вот, моя ирония основана на одном достоверном событии. Получил очередное назначение на должность замполита полка береговой обороны. Командиром полка тоже назначили нового офицера, полковника Олешко. Куда же девались прежние командиры? Один из них, не выдержав своего «избиения», покончил жизнь самоубийством, другого сняли. В этот полк списывали недисциплинированных матросов с кораблей, училищ, авиации, словно в исправительную колонию. Надо было «разгрести авгиевы конюшни», чтобы не оказаться «съеденным» ни за понюх табаку.

Как-то раз, приехав чуть раньше командира полка, узнал о его приказании дежурному отправить большую группу для выполнения какого-то задания. Предупредил дежурного воздержаться от исполнения до прибытия комполка. Не знаю, успел ли дежурный доложить командиру о моем распоряжении или нет. Зашел к командиру, поздоровались. Обращаясь к нему по имени отчеству, попросил его отменить свое приказание. «Нет, этого делать я не буду», – отвечает он. «Я настаиваю», – заявляю я. Командир тыльной стороной ладони правой руки подвигает ко мне телефон: «Можешь жаловаться начальнику политотдела». Чтобы не взорваться, членораздельно, подчеркнуто медленно произношу: «Вы за кого меня принимаете? Я назначен сюда помогать вам, а не ябедничать! Вы сделаете это в интересах общего дела!» Развернулся и ушел.

Надо отдать ему должное – он отменил приказание. Хватило ума преодолеть свои амбиции. А ему было чем гордиться: только

что вернулся из Египта, где был военным советником, а еще раньше был советником в Китае. После этой стычки наши отношения стали прекрасными, он никогда не позволял себе как-то «ущипнуть» меня. Нашли общий язык, стали вместе наводить порядок.

Однажды ночью в моей квартире раздался звонок в дверь (телефона у меня еще не было). Открыл дверь, на пороге – командир: «Одевайся быстро, поехали, я жду внизу. У нас ЧП».

На танцах в матросском клубе из-за пустяка возникла ссора между нашим матросом Трушиным и старшиной 2-й статьи с корабля. Во время танца одна пара толкнула другую. Обменялись обидными репликами: «Ну ты, салага! Куда прешь?» – «Сам ты салага!» Пошли выяснять отношения на улице, завязалась драка. Нашего матроса вышел поддержать его товарищ матрос Степанов. Оба отъявленные нарушители службы. Из-за спины Трушина Степанов всадил старшине нож под сердце.

Разбираться с ЧП прибыли чины со всех служб, в том числе заместители командующего флотом и Политуправления. Опрашивали всех подряд и не раз. Придаться вроде бы не к чему. Порядки были тогда такие: если виновного не нашли, то его назначали. Назначить? Но кого? Командующим береговой обороны флота был генерал-лейтенант Коваленко. Задает он мне вопрос, хотя уже знал ответ на него: «Кто проводил инструктаж увольняющихся?» Отвечаю: «Я сам, лично». Следующий его вопрос меня «взорвал»: «Почему вы не закрепили за каждым из них дисциплинированного матроса, чтобы они как-то смотрели за их поведением в увольнении?»

Стараясь держать себя в рамках дозволенного, я задаю командующему встречный вопрос: «Товарищ генерал-лейтенант: сколько лет вы знаете меня?» «Ну... ну... давно», – отвечает он, не понимая, зачем это (я служил под его началом еще в Батуми). «Так вот, за все это время вы ни разу не беседовали со мной, как говорится, по душам. С этими же горе-защитниками беседовали начиная от командира отделения до замкомандующего и прокурора флота. Это во-первых. А во-вторых, товарищ генерал-лейтенант, здесь

не детский сад и водить за ручку матросов я не намерен. Вы не хотели отдавать их под суд, чтобы не иметь в частях еще одну судимость. И сейчас ищете виновного? Не выйдет! Разрешите идти?» Повернулся и вышел.

Представьте себе, за три месяца до демобилизации Степанов был осужден на 7 лет (хотя подозревали первоначально Трушина), а я не получил за это ЧП даже выговора. Так должно быть в Вооруженных Силах всегда. Степень и меру наказания должны установить законодатели: за пьянку, за самоволку, за дебош и недостойное поведение в общественных местах, за дедовщину. И это должны быть не просто уговоры и выговор, а штраф (для контрактника), гауптвахта, дисбат, тюрьма.

Лейтенант и генерал не должны быть стрелочниками, если сами непричастны к избиению, дедовщине и т. д. Тогда никто не будет скрывать факты недостойного поведения таких «защитников» Отечества, боясь, что за это их понизят в должности и звании.

На положение в Вооруженных Силах влияет не только дедовщина, но и недостойное поведение начальника в отношении подчиненного, а также многое-многое другое. Вы когда-нибудь давали отпор своему начальнику за его хамство, оскорбление, унижение вашего достоинства? Извинился ли ваш начальник перед вами? Или вы – полковник, генерал, адмирал – извинялись когда-нибудь перед своим подчиненным или признавали свою неправоту?

Это не праздные вопросы! Они создают атмосферу в любом коллективе, в том числе и в армии. Подчиненный, если он уважает себя и дорожит своей честью, обязательно должен дать отповедь начальнику. После возвращения с трехмесячных курсов в Военно-политической академии, в связи с переходом армии на ракетно-ядерное оружие, я был назначен в Дом офицеров флота в Севастополе. Я категорически возражал против этого назначения, но приказ есть приказ. Даже если ты назначен против твоей воли, все равно обязан самым добросовестным образом выполнять свои обязанности.

Начальником ДОФ был капитан II ранга Иван Иванович Верба. Он имел огромные связи не только на флоте, но и во мно-

гих уголках Союза. Встретить и устроить кого-то на турбазе флота в летний сезон, кому-то достать билеты на самолет или поезд, послать директору совхоза или колхоза пригласительные билеты на концерт известного артиста... Одним словом, он был отменным «проворотчиком»: вхож в любой кабинет, к любому начальнику.

Получил однажды от него задание подготовить какую-то «бумагу». Закончил печатать, сижу около машинистки, вычитываю текст. Верба врывается в ее конторку и с порога: «Где бумага, какого ты... рас... и т. д. Давай ее мне». И протягивает руку. Я спокойно встаю. Бумаги держу, не отдаю в руки. «Вот что, Иван Иванович, этот лексикон знаю не хуже вас. Если вы еще раз позволите разговаривать со мной в таком тоне, я вас пошлю туда, где “Макар телят не пас”. Знаете эту поговорку?» Все происходило в присутствии машинистки, которая уже привыкла к его хамству. Да и не только она. С того дня он обращался ко мне только по имени-отчеству, стал относиться ко мне с уважением.

Какую бы должность я ни занимал, в каком бы звании ни был, всегда отстаивал свою честь и достоинство! Чего это стоило? Нужно ли объяснять?! Но в таких случаях нельзя самому проявлять наглость и высокомерие. Это во-первых. А во-вторых, необходимо постоянно работать над собой, пополнять свой багаж знаний, совершенствовать свое профессиональное мастерство. Тогда будешь иметь моральное право отстаивать свое достоинство. Если ты даже допустил какую-то оплошность, отношение к тебе будет другим.

Как известно, рабство и крепостное право отменены давно, а раболепие перед начальством и угодничество еще остаются – в нас самих. В конечном счете страдает наше общее дело. Начальник не должен бояться извиниться перед подчиненным за свою неправоту. По крайней мере передо мною извинялись, признавая свою неправоту, первый заместитель начальника Политуправления ЧФ и начальник Отдела пропаганды Политуправления ВМФ. Оба адмиралы. Люди, умеющие признать свою неправоту, заслуживают уважения.

Два года службы в Доме офицеров в должности старшего инструктора по агитационно-массовой работе пролетели быстро. Иной читатель возразит: хорошо устроился, без подчиненных. Вот попробуй, послужи с подчиненным личным составом! Во-первых, это не так: в штате Дома офицеров различные секции, кружки, турбаза. Во-вторых, я был избран секретарем парторганизации. Народ разнокалиберный и по возрасту, и по образованию, и по опыту работы.

Как-то прихожу с очередным докладом в Политуправление флота к первому заму члена Военного Совета – начальнику Политуправления. Утвердив представленный документ, он задает мне вопрос: «Ну как, уже освоились на работе в Доме офицеров?» Получив утвердительный ответ, заявляет: «Пожалуй, пора назначить вас начальником». «Товарищ адмирал, все, что угодно, только не это. Не мое это! Не в моем характере: встречать, рассаживать начальников и их жен». На том разговор и закончился.

Прошло немного времени, вызывают меня в отдел кадров. С начальником отдела кадров идем к адмиралу. Кадровик предлагает назначить меня замполитом в одну из частей разведки. Должность – II ранга, оклад такой-то – намного больше, чем в ДОФе. Обычно при переводах я всегда просил дать мне два-три дня на размышления. Здесь же сразу отказался и объяснил почему. Получил трехкомнатную квартиру, жена устроилась на работу, дети в школе. «Ну что же? – изрек адмирал. – Что у нас, обращаясь к кадровику, есть еще? Какие должности свободны?» Кадровик: «В разведке он служил и в разведку не хочет. Тогда предлагаем замполитом полка береговой обороны, тем более, что он служил в Батуми в артдивизионе». «Что скажете?» – спрашивает адмирал. Я знал только понаслышке о неблагоприятном положении дел в этом полку. «Прошу дать мне три дня для раздумий». «Что тут думать», – заключил кадровик. На второй день раздается звонок. Начальник отдела кадров сообщает: «Приказ подписан, сдавай дела в Доме офицеров и принимай дела в полку».

Положение в полку еще хуже, чем представлялось, не полк, а штрафной батальон. Согласно уставу, в случае необходимости можно обращаться по инстанции от одного начальника вверх к другому, если первый даст «добро». Разобрав «авгиевы конюшни», сел за справку-доклад на имя члена Военного Совета флота адмирала Торика. В ней доложил, кто и за что списан в полк, какие меры воздействия мы приняли к каждому. В заключение прошу ЧВС дать указание отделу комплектования о прекращении списания в полк недисциплинированных. Если не будет прекращено списание, снимаю с себя ответственность за последствия. Подписал докладную и отправил адресату, минуя все инстанции.

Быстро получил уведомление: прибыть к ЧВС тогда-то. Прибываю, там начальник отдела комплектования, устройства службы, комендатуры и т. д. и т. п. «Что вы можете сказать еще?» – спрашивает ЧВС. «Мне добавить нечего!» ЧВС при мне отдает указание начальнику отдела комплектования: прекратить списание. Вернулся в полк, рассказал командиру полка, и, воодушевленные принятым решением, взялись за наведение порядка.

Прошел один год и семь месяцев тяжелейшей работы. Получаем сообщение: такого-то числа в полк прибывает комиссия Министерства обороны для инспектирования порядка и выучки личного состава с практическими стрельбами. Началась еще более кропотливая работа. Зная по собственному опыту жизнь, быт и менталитет солдата, провожу в подразделениях беседы лично. Без всякого пафоса («Под мудрым руководством славного, гениального и т. д.») начинаю с самого простого: «К нам едет комиссия, знаете?» «Да!» «Когда к вам приходит кто-то в дом с миром и добром, что вы делаете?» Отдельные «защитнички» выкрикивают: «Ставим бутылку на стол». «Ну, – продолжаю я, – очевидно, прежде, чем поставить на стол бутылку, уберете в доме, постелите скатерть, наведете порядок. Постараетесь показать все лучшее, на что вы способны!» Раздаются голоса: «Ну это само собой!»

Прибывает комиссия, начинаются стрельбы. За действиями каждого расчета следит проверяющий в звании полковника, капи-

тана I ранга. Их доклад на подведении итогов проверки: «Расчеты отработали хорошо, без сучка и задоринки. За их действиями во время стрельбы было приятно наблюдать. Работали играючи, словно артисты. Стрельбы прошли без пропусков. Снаряды поразили цели».

Комиссия уехала, а меня назначили старшим инструктором отдела агитации и пропаганды Политуправления флота. После сокращения отдела спецпропаганды в 1953 году я служил в Политуправлении на различных должностях в частях флота. Сделал ли я ошибку, отказавшись тогда от предложения остаться в Политуправлении, судить трудно. Мне предлагали должность старшего инструктора по общеобразовательным школам. Мне казалось, лучше пойти в части, чтобы набраться опыта партийно-политической работы, которого я не имел.

Двенадцать лет набирался опыта в частях. Теперь, после полка, я вновь возвратился в Политуправление. Это был уже 1965 год. А в 1968 году был назначен лектором-международником. По предложению Ивана Семеновича Руднева был избран секретарем парт-организации Политуправления. Большую часть времени мотался по гарнизонам и базам – от Очакова до Потти. Два раза в год ходил на боевую службу в Средиземное море. На второй срок (по моей просьбе) секретарем не избирался. Есть что рассказать о взаимоотношениях в армии и из опыта моей службы в Политуправлении (оттуда в 1978 году я ушел в запас). Но это уже другая история.

НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Очередная командировка, в Новороссийск, – прочитать несколько лекций для офицеров, матросов и старшин, а также для рабочих и служащих военно-морского гарнизона. Со станции «Крым» переправился на пароме на станцию «Кавказ». Встретил меня начальник политотдела гарнизона капитан 1-го ранга Николай Федорович Бедрик. На подъезде к какому-то селу забарахлил мотор нашего газика. «Чихнув» несколько раз, замолчал. Поломка оказалась весьма серьезной. До села – метров 500–700. Пошли с Николаем Федоровичем в село, нашли правление колхоза. Председателя нет, но сказали, что скоро будет. Подождали немного.

Резко затормозив, у входа в правление остановилась машина. Из нее вышла молодая красивая женщина лет тридцати, председатель колхоза. Познакомились. Пригласила в кабинет. Выслушала нашу просьбу отремонтировать наш газик. Вызвала заведующего колхозным гаражом, распорядилась. Стала рассказывать о колхозе, о делах и заботах. Вернулся завгар – доложил. Ремонт займет не менее двух-трех часов. Мы согласились ждать. «Ну, хорошо, идите, делайте, – сказала завгару. Потом обратилась ко мне: – Коль так случилось, я не могу упустить момент. Через час прочтите, пожалуйста, нам лекцию о международном положении и, кстати, расскажите о флоте. Согласны?»

Я согласился. «А пока, – продолжила она, – сядем в мою машину, я покажу вам свое хозяйство и наше село». У подъезда правления стояла «Волга». Председатель обратилась к своему шоферу по имени: «Ты отдохни, я сама поведу машину». «Не женщина,

а метеор с хваткой бульдога», – промелькнула у меня мысль. В ней было столько энергии, знания и умения обращаться со своими односельчанами!

Сделав небольшой обзор событий в мире, хотел закончить свое выступление в пределах 30–40 минут. Не тут-то было! На выступление, вопросы и ответы ушло два часа – с 19.00 до 21.00. Они нас, а мы их поблагодарили за встречу. Прибыл завгар. Доложил: «Машина отремонтирована». Хотели попрощаться, но председатель заявила: «Отпустить вас не могу. Сейчас идемте ужинать, и никаких возражений». Поехали в столовую колхоза. По дороге в столовую пояснила, что колхозники, которые заняты в этот день на работе, питаются в ней бесплатно. На ужин собрала не только членов правления колхоза, но и всех ведущих специалистов – агронома, зоотехника, инженера-механизатора, бригадиров и т. д.

Естественность в поведении, доступность в общении, простота и искренность в рассуждениях вызывали чувства уважения и симпатии не только у нас, случайных гостей, но и у всех присутствовавших на ужине. Да и открыла ужин с простых, но всем понятных слов: «Теперь и я наконец вместе с вами могу отдохнуть, расслабиться и выпить стопку». Ничто не напоминало ни официоз, ни заурядное застолье. Было видно, что колхозники гордятся своим руководителем. Им просто повезло, что они избрали своего, доморожденного человека, а не навязанного «варяга» со стороны, как это часто, к сожалению, делалось в годы диктатуры партии.

Или другой пример. Заканчивался семинар-совещание идеологических работников Украины в Виннице. По окончании работ всех пропагандистов, лекторов «расписывали» для выступлений в организациях, предприятиях, колхозах и совхозах. Мне предстояло выехать в колхоз в 70 км от Винницы. Секретарь райкома партии того или иного района собирал выделенных ему выступающих, знакомился и объявлял, кто и кого будет сопровождать от райкома партии до места назначения. «С вами поеду я», – сказал он мне. Ну, как говорится, хозяин барин.

Приехали. Нас встретил председатель колхоза. Меня удивило позднее начало моего выступления во Дворце культуры с лекцией – 23.00. «Да кто же придет в такое время?» – невольно вырвался вопрос. Председатель спокойно объяснил полковнику с флота: «Люди сейчас возвращаются с полей с уборки урожая. Пока хозяйка подоит корову, приготовит ужин, накормит детишек, а хозяин выполнит необходимую работу по уходу за домашними животными – это будет не раньше 10 часов вечера, плюс переодеться и дойти сюда. Вот и будет 23 часа, а за явку вы не беспокойтесь. По селу еще днем передали о лекции, а на колхозных станах устно сообщили».

Объяснить-то объяснил, а сомнение осталось. Знал же я жизнь на селе до службы! Все же спросил председателя, на какую продолжительность выступления рассчитывать? «А вы не спешите. Сами увидите. А теперь я покажу вам наше село и наше хозяйство. На машине или пешком?» Я выбрал пеший вариант. Через все село проходила хорошая асфальтированная дорога, по бокам – железобетонные столбы с фонарями дневного освещения. Показали мне Дворец культуры: прекрасное каменное здание с отделанным фасадом, просторным зрительным залом, классами и кабинетами для занятий различных секций. Прогулялись мы за село, где построен большой пруд, в котором разводят рыбу.

Зал оказался заполненным до отказа. Закончил выступление в начале первого ночи. Потом последовали вопросы. Час ночи. Пригласили на ужин. «Какой ужин? – пытался возражать я. Просто чайку попить!» «Будет и чай!» – заверили меня.

Ну какой стол на Украине без сала, окорока, галушек и вареников в сметане? Самогон, вина, варенья разных видов, фрукты и овощи, нажарено, напарено – всего не перечесать. Все свое, в том числе и колбасы разных сортов. За столом человек сорок. Ужин затянулся до четырех утра, а в 9.00 у меня билет на самолет домой в Севастополь. Служба есть служба. Командировка закончилась. Уговаривали остаться еще хотя бы на один день: «О билете, – говорит секретарь райкома партии, – не беспокойтесь, перерегистрируем». Все-таки согласились с моими доводами. Мне еще надо

заехать в Виннице в гостиницу, забрать свои вещи. Секретарь дал задание своему водителю – отвезти меня в гостиницу, а потом в аэропорт.

К чему такие подробности? Вопрос не только в отношении к армии. Оба приведенных примера датируются 1970-ми годами, так называемой эпохой застоя. Приходя на службу в армию и на флот из таких колхозов, новобранец приносил не только свое мнение о делах на селе, но и свое отношение к службе и своим сослуживцам. Система воспитания молодежи, в том числе на селе, носила целенаправленный характер. Этого сейчас нет, такой стройной системы воспитания не стало не только на селе, но и в городе. И это дает свои «плоды». «Свято место пусто не бывает» – святое место воспитания заняли «друзья и благодетели» народа. Ну а результат их воспитания виден в разных уголках страны. Тут комментарии не требуются.

■ А ЯГОДКИ... ПОТОМ

Нынешнее положение с неуставными взаимоотношениями – это только цветочки. Ягодки будут потом. Сейчас в армию приходят служить дети, родители которых воспитывались еще в советское время. Какие-то морально-нравственные ценности того времени они внушали своим чадам. Что же принесут в армию будущие защитники Отечества, родители которых выросли и «воспитались» в годы перестройки? Это не праздный вопрос. Легко и просто валить все на армию, которую оплевали и о которую до сих пор продолжают вытирать ноги. Более всего прискорбно то, что в этой гнуснейшей кампании принимают участие чиновники различного уровня, политики, политологи, социологи, депутаты Госдумы и Совета Федерации, очень многие деятели искусства и культуры. Они не оставляют камня на камне от прошлого, перечеркивают то ценное и святое, что было в нем.

Процесс разложения российского общества и морально-нравственного растления молодого поколения идет ежечасно, ежедневно, двадцать четыре часа в сутки. Что видит на экране телевизора нынешний малыш? Мордобой, поножовщину с ручьями крови, расстрелы, убийства, сцены насилия и даже акты секса. Надо ли говорить, какой образ мышления и поведения сформируют они у будущего защитника Отечества?!

И ни один союз творческой интеллигенции не выступил с решительным требованием к президенту страны, правительству, Государственной Думе и Совету Федераций остановить и прекратить этот процесс. Более того, киноактеры и артисты театров,

певцы и композиторы сами включились в него. Примеров этому масса. Вспомните фильм «Таежный роман»! Старший лейтенант проводит занятия с отделением солдат, подавая команды: «Лечь, встать, лечь, встать, лечь, встать, насекомые!»

Захочет ли молодой человек служить в армии, где его не считают личностью, человеком, где он всего лишь насекомое? Хотел бы я посмотреть в глаза автору сценария и режиссеру! Такая сцена – ваш вклад в процесс разложения армии. Солдат, расстреливающий из автомата своих сверстников или обидчика, – это «плод» ваших творческих изысканий, господа кинематографисты.

Если вы, возражая мне, скажете, что это было лично с вами, отвечу: «Вы были тряпкой, а не воином». Смею предположить: такая сцена высосана из пальца. К величайшему сожалению, фильмов, формирующих высокие морально-нравственные качества и чувства патриотизма у молодого человека, ничтожно мало. В последние годы вы, господа кинематографисты, проводите по два-три кинофестиваля ежегодно. Где же ваша продукция? Зато много речей о том, что раньше, в советские времена, были фильмы-«показухи». А я позволю себе поставить перед вами вопрос: «А что лучше для пользы дела, для общества? Фильм-«показуха», направленный на формирование высоких морально-нравственных качеств человека, или ваш «свободный» фильм, поощряющий низменные инстинкты? Я не киновед, не искусствовед, но скажите мне, к чему зовут с экрана телевизора «шлягеры» вроде этого:

Ты меня хочешь, хочешь, хочешь.

Я знаю, ты меня хочешь, хочешь, хочешь!

«Чего развесил губы, шалопай? Бери же меня!» – не к этому ли зовут приведенные выше две строчки. Тут самый тупой поймет, к чему его призывают. Не так ли, господа творческие кинематографисты, певцы и композиторы? Это же звучит не на вечеринке в компании на даче, а с экрана телевизора на всю Россию! И моло-

дые люди берут, насилуют и рожают в 11–12 лет. В качестве ответной реплики на приведенный песенный шедевр предлагаю свою песню:

Мне мама, мама говорила,
Мне мама, мама говорила,
Ты не гуляй, дочь, до утра.
Ой, мама, мама, я влюбилась,
Ой, мама, мама, я влюбилась,
В ту ночь была я не одна.

На небе звезды нам сияли,
На небе звезды нам сияли,
И я безумною была.

Луна-бесстыдница глядела,
Луна-бесстыдница глядела,
В любви купалась с милым я.
Наверно, мам, рожу я сына,
Наверно, мам, рожу я сына,
И будет внук, мам, у тебя.

Прости, прости, прости мне, мама,
Прости, прости, прости мне, мама,
Ты ж молодой сама была.

Эти незамысловатые строчки, возможно, заставят задуматься и мать, и дочь. И тогда, возможно, будет меньше брошенных детей и рождений детей девочками-подростками. Это моя точка зрения. Общество, в том числе и государство, обязано ограждать подрастающее поколение от разложения, растления. «Ишь, куда клонит, – возразят мне, – опять цензура, контроль, а как же со свободой и демократией?» Свобода и демократия ничего ни имеют общего со вседозволенностью и беспределом. И они, беспредел и вседозволенность, приносят в общество и в армию в том числе то, что имеем в настоящее время. Ни лейтенанты, ни генералы не остановят неуставные отношения и дедовщину в армии.

Что видит своими глазами и слышит ушами подросток сегодня? Чиновники всех уровней обогащаются и воруют не тысячами, а миллионами и миллиардами, а его бедные отец и мать не получают месяцами положенную мизерную зарплату. Что принесет он в армию, став даже контрактником? Ответ очевиден. Мне могут возразить: «Чиновники и в советское время злоупотребляли своим служебным положением, подворовывали». Да, конечно. Но их злоупотребления по сравнению с масштабами сегодняшних преступлений – детские шалости.

Видя и зная это, контрактник вряд ли будет бросаться под танк или закрывать амбразуру дота своим телом. За цветочками, как правило, появляются ягодки. И ягодки не всегда вкусные и сладкие. Справедливости ради скажу, что в последнее время стали проклевываться на экранах кино ростки патриотизма и любви к Родине, но, к сожалению, бурный поток разложения во сто крат сильнее. Государство обязано восстановить систему воспитания человека с пеленок. Что из своего детства-отрочества будет вспоминать солдат в тяжелые минуты службы? Тусовки во дворах, выпивки с друзьями, дискотеки?

Вот уже почти 70 лет мы вместе. Наше знакомство состоялось в далеком 1939 году. Нашей стране в то тревожное время приходилось в одиночку отбиваться от наседавших то тут, то там врагов. По образному выражению моряков, мы были с ним вместе и в штить, и в шторм, и в зной, и в стужу. Неразлучными друзьями прошли с боями тысячи километров, участвовали в Курской битве и Белорусской операции, форсировали Днепр, Сож, Березину, Нарев и другие реки. Он был везде и всюду моим спутником. Он и сейчас со мной, на заслуженном отдыхе. Это мой комсомольский билет, который я получил в марте 1939 года. А чем будет гордиться вчерашний, нынешний и завтрашний воин – защитник Отечества? Ответьте, господа?

В каждом деле есть и положительные, и отрицательные стороны. Бесспорно, в комсомоле было неизмеримо больше положительного, чем отрицательного! На своих собраниях, слетах,

в походах мы, комсомольцы, пели чудесные песни Блантера, Соловьева-Седого, Дунаевского и многих других композиторов. И эти песни не призывали к насилию и пошлости, а воспитывали в нас честность, трудолюбие, преданность Родине! Такое же воспитательное воздействие имели кинофильмы тех времен. И это невозможно опровергнуть.

Пока не будет соблюдаться принцип равенства всех перед законом не на словах, а на деле, положение не исправить. Отслужить положенный срок в армии должен как крестьянский сын, так и сыны кремлевских, правительственных, госдумовских и Совета Федерации чиновников, губернаторов и т. д. Уверен, что тогда не потребуются комитеты солдатских матерей.

Необходимо каждому будущему защитнику с детства внушать, что за свои поступки и проступки в армии он, как настоящий мужчина, будет отвечать сам, а не его командир. И тогда дела пойдут лучше. Недаром говорится: «Воспитывать ребенка надо тогда, когда он еще лежит поперек кровати, а не вдоль». Сама сложившаяся обстановка в стране и мире требует восстановления системы воспитания человека от рождения до зрелых лет. Если воспитанием своих подрастающих граждан не будет заниматься Родина, то за нее это сделает другое государство, и сделает это в своих интересах. А их интересы вот в чем:

И что потом?

Плоды партнерства тут и там

Я вижу в том

(О, как хотел бы ошибиться в этом сам!),

Что вскоре янки поставят свои танки

Под Брестом, Курском и Орлом!

И что потом мы запоем?

Опять: «Вставай страна... на смертный бой»?

Да, нет же нынче той страны,

Что мир спасла, его своею грудью отстояла,

Поверив болтуну и демагогу,

Потом – другому «богу»,
 Как оказалось – пьянице и алкашу
 С мышленьем жалким и убогим.
 Не лучше ль нам пораньше вспомнить
 Известного пиита русского слова:
 «...мы слишком долго отступали»,
 Заокеанского партнера ублажали,
 Мы пол-Европы ему сдали,
 И этого ему опять все мало.
 Осев в Киргизии и Узбекистане,
 Он «приголубил» Ригу, Каунас.
 Зачем, спрошу я вас, он окружает нас?
 Чтобы разбив Багдад,
 Начать «качать» свои права в Пхеньяне?
 А что потом? Россию расчленить и разделить,
 Чтоб все затем работали на дядю Сэма?
 Ведь он, наглец, с ухмылкой закоренелого бандита
 Творит по миру свои разбойные дела.
 И что страна моя еще ему не отдала,
 Спрошу я вас – и в Думе, и в Кремле?
 Пора понять же, наконец,
 Не ангел он, хотя и рядится он в тогу бога.
 «Плоды» его видны – он сущий Сатана!

А их интересы вполне очевидны – ни много ни мало полностью завладеть нашими огромными сырьевыми и природными богатствами.

СРОЧНЫЙ ВЫЗОВ

В любой организации существуют и, очевидно, будут всегда существовать спичрайтеры – люди, которые составляют, пишут речи для своего начальства. Флотские спичрайтеры для командующего флотом, его замов, члена ВС и его замов. Начальник отдела пропаганды и агитации капитан I ранга Д.А. Шигаев поручил мне написать речь для выступления члена Военного Совета вице-адмирала И.С. Руднева. «О чем?» – спрашиваю. «Да приблизительно о том-то. Выступление в такой-то части перед офицерами».

Такой «инструктаж» меня не удовлетворил. С полной уверенностью в своей правоте отправился к вице-адмиралу, чтобы узнать о теме и основных мыслях его выступления. Войдя в кабинет, представился (тогда я был еще в звании подполковника) и бодро начал: «Товарищ адмирал, я получил задание написать вам речь...» Выслушал адмирал мою просьбу. Сдвинул очки на лоб, посмотрел на меня как-то по-особенному. Немного помолчал, затем изрек: «Послушай, вы все там умные... давай топай и пиши».

Так впервые я получил «исчерпывающий» инструктаж, как надо писать речи для начальства. Адмирала можно понять. Если тогда проводилось какое-то совещание или собрание, требовался соответствующий «уровень», «масштаб». Как-то было неудобно докладывать о проведенном «мероприятии», на котором выступил какой-то инструктор, а не командующий флотом или член Военного Совета. Через какое-то время Руднев поручил написать ему выступление на всесоюзном семинаре-совещании перед молодыми писателями, поэтами и драматургами, пишущими на

военно-патриотическую тему. Дал список участников семинара, руководителей секций, попросил, чтобы я подобрал их произведения, чтобы самому лично ознакомиться. Я все сделал, все написал. Принес большую стопку книг. Оставил на его столе. За день до открытия адмирал вызвал меня: «Ну когда мне всем этим заниматься? Будешь выступать сам».

Однажды вечером я вернулся домой со службы довольно поздно. Жена встретила меня в прихожей: «Тебя разыскивает член Военного Совета. Зачем, не сказал. Звонил дежурный Политуправления, просит срочно позвонить домой И.С. Рудневу». Едва успел произнести в трубку: «Полковник... такой-то слушает», в ответ услышал: «Где вы были? Вас так долго разыскивал дежурный». «Я читал лекцию о международном положении для офицеров-подводников». «Завтра к 8.00 ко мне в кабинет, отмените все лекции». Первая мысль: «За что? Где допустил промах, ошибку в лекциях? Неужели кто-то уже донес? Ночь прошла беспокойно. К чему быть готовым? Что сказать в оправдание?»

Утром поднимаюсь на второй этаж Политуправления. Навстречу мне спускается первый заместитель начальника Политуправления контр-адмирал А.А. Пасхин: «Вот хорошо, Александр Михайлович, что вы чуть раньше пришли. Иван Семенович (вице-адмирал Руднев) ждет вас». Только успел преодолеть три-четыре ступени лестницы второго пролета, навстречу спускаются командующий флотом адмирал В.С. Сысоев и адмирал И.С. Руднев. Приложив руку к козырьку фуражки, приветствую начальство.

Подойдя ко мне, И.С. Руднев, обращаясь к командующему, произносит: «Вот товарищ Дорохов пойдет, он все знает и делает, как надо». Командующий спрашивает: «У вас есть ко мне вопросы?» Отвечаю комфлоту: «Никак нет, товарищ адмирал». Да какие могут быть вопросы, если я не понимаю, о чем идет речь и что я должен делать! Обратившись уже ко мне, Руднев говорит: «Идемте с нами, сейчас проводим командующего и вернемся в кабинет». Его спокойный тон убеждает меня, что я ни в чем не проштрафился. Возвращаемся в его кабинет. Адмирал смотрит

на часы: «У вас есть три часа для сбора. Пойдете на крейсере в Средиземное море». «Читать лекции?» – сделал облегченный выдох, спрашиваю я. «О нашем разговоре и задании никто, никто, подчеркиваю, не должен знать. В отделе у себя скажите, что идете туда для чтения лекций. Суть вашего задания состоит в том-то... А сейчас возьмите командировочное предписание в строевой части. Я его уже подписал. Соберите дома, что вам нужно, и отправляйтесь на корабль».

Позвонил жене, чтобы к моему приходу собрала чемодан. Услышав разговор по телефону, ребята в отделе пропаганды и агитации засыпали вопросами: «Что так неожиданно, зачем?» «Пути начальства неисповедимы. Иду читать лекции в Средиземное море».

В назначенный час корабль покинул Севастопольскую бухту. Набрал заданную скорость хода, направился к проливу Босфор. Весь личный состав занят на своих боевых постах. Прежде всего я начал подбирать необходимых мне людей. Собрал на корабле всех политработников, рассказал суть дела и какие люди мне нужны. Пришли в заданную точку. Стали на якорь. Вновь собрал всех политработников корабля, принял у каждого списки необходимых людей. По спискам начал опрос: кто такой, что может, что умеет и т. д. Мне надо познакомиться лично с каждым. С замполитом корабля пошли к командиру. Он в курсе моего задания и моих полномочий. Выслушав нас, дал задание своему заму – вместе со старпомом и командирами боевых частей в дни занятий и репетиций освободить людей от вахты.

Команда прошла. Стояла чудесная погода. Личный состав корабля занят приведением корабля в надлежащий вид: драили до блеска все медяшки на корабле, чистили, подкрашивали, мыли и т. д. В одном из помещений корабля собрали всех отобранных. Персонально пообщался с каждым: что умеет, на что способен, что надо подработать. Определил старших по группам. Они должны отвечать за подготовку к общему смотру, проверке. Организационные вопросы решены. Начались репетиции.

В первых числах июня в Средиземном море всегда стоит очень жаркая погода. Корабль на якорю день, второй, третий... Американцы как всегда следят за нами. Разведка ведется день и ночь, день за днем самолеты стран НАТО облетают наш корабль. На корабле днем играет музыка, матросы поют песни и чистят палубу. Самолеты-разведчики НАТО, видимо, не могут дать ответ своему начальству, чем мы заняты. Ну не пришли же русские сюда для подобных занятий? Чувствуется, американцев это начинает раздражать. Решили нас проверить другим манером. После обеда личный состав отдыхает, загорает в отведенное и строго регламентированное время. То же самое делаем и мы: командир корабля, его зам и я, расположившись в солнечных местах мостика. Не отдыхает и не загорает, как и положено, дежурная служба.

Появляется дежурный по кораблю. Докладывает: «В нашу точку идет американский корабль». Командир: «Внимательно следите за его движением и маневрами». Дежурный отвечает: «Есть» и удаляется. Через какое-то время возвращается и, запыхавшись от бега, докладывает: «Американский ракетный корабль дал полный ход, объявил боевую тревогу на корабле, развернул и направил на нас все свои огневые средства». Командир отдает команду: «Боевая тревога!» Все занимают свои боевые посты и не только на нашем крейсере, но и на стоявшем рядом с нами нашем эсминце.

Не до шуток, когда на тебя идет в атаку ракетный корабль противника! В то же время надо крепче держать свои эмоции, нервы. Выдержка, выдержка и еще раз выдержка! Не поддаваться на провокации. Да, конечно, все это так! И вместе с тем – не так! Вдруг это не провокация, а нападение?! Недаром многие командиры кораблей к 30–40 годам хватаются за сердце и седеют. Корабль приведен в полную боевую готовность, американцу послан сигнал с протестом против провокации. Убедившись, что с нами шуточки плохи, американский корабль сбавляет ход и дает отбой боевой тревоги.

В том же походе были и другие тревожные эпизоды. Наш корабль идет полным ходом. Два самолета-бомбардировщика

НАТО заходят из-под солнца, выбирая точку момента для пикирования. На корабле боевая тревога. Поданы зенитные ракеты для установки. Я решаю остаться на юте корабля, чтобы проверить свое состояние в момент атаки современного реактивного самолета. Зачем? Чтобы потом в выступлениях с лекциями рассказать о них. Когда один за другим два самолета, резко бросив себя вниз, проходят над кораблем на высоте не более 150 метров, тебя словно вдавливают в палубу корабля. С большим трудом удается устоять на ногах, держась всей силой рук за поручни, чтобы не оказаться за бортом. Я, старый солдат, преклоняюсь перед офицерами Военно-Морского Флота за их мужество, выдержку в таких ситуациях.

Приведу пример спокойной жизни. Неподалеку от крейсера всплывает наша АПЛ (атомная подводная лодка). Общаюсь с ее командиром. Вспоминаем, что несколько лет назад встречались в Средиземном море, тогда он командовал дизель-электрической лодкой. Спрашиваю, давно ли он на боевом дежурстве. Его ответ не требует комментариев: «Одну беременность отплавал, хочется домой, хотя бы посчитать, сколько у меня теперь детей».

Договорились с командиром лодки о времени моего выступления с лекцией о международном положении. Командир АПЛ спрашивает, бывал ли я когда-нибудь на атомной лодке. «Нет», – отвечаю. Тогда он приглашает меня на экскурсию. Внутри море света, все сияет и блестит. У офицеров – каюты. И у матросов и старшин – спальные помещения. Горячая вода круглые сутки. Это совсем не то, что на дизельной. Там, чтобы матросу повернуться с боку на бок, надо вылезти из своего спального места между кабелями и трубопроводами и только потом влезать другим боком. В завершение показывает гордость лодки – камбуз (кухню) и пекарню. Всегда свежий и очень вкусный хлеб. Сам пробовал.

Продолжу рассказ о нашей стоянке в точке и провокационных действиях американского корабля. Американский корабль, имитировавший нападение на нас, подходит к нашей стоянке. Бросает якорь в какой-то сотне метров. У нас, на корабле, все как обычно. Постояв сутки рядом с нами, американец снимается с якоря и ухо-

дит. На следующий день возвращается и бросает якорь еще ближе к нашему правому борту. Перед этим мы получили сообщение о его возвращении с предупреждением: не исключено, что на его борту диверсанты. Вскоре на его палубе появляются и «диверсанты» – музыканты джаз-оркестра, они располагаются по левому борту и начинают играть! Я даю команду прибыть на верхнюю палубу оркестру корабля с заданием разместиться напротив американских музыкантов и исполнять советские песни военных времен. Весь экипаж американского корабля высыпает на палубу, корабль даже дает крен на левый борт. Наконец американцы не выдерживают, снимаются с якоря и уходят подальше от нашей стоянки.

В назначенный день из Севастополя в Средиземное море вышел министр обороны маршал Советского Союза А.А. Гречко. Его сопровождала большая группа адмиралов, генералов и несколько маршалов. Начались учения под названием «Юг». Об этом сообщили по радио и телевидению. Наш корабль получил приказ: сняться с якорей, прибыть в заданный район и встать в заданной точке. Раньше мне приходилось участвовать в больших учениях в Средиземном море, но в этом учении у меня было особое задание.

Пришли в заданный район, корабль занял свое место. Собралось около 60 кораблей, образовавших большой круг. 12 июня 1971 года появился крейсер «Держинский» с вымпелом министра обороны СССР на мачте и вошел в центр круга. Начала портиться погода, подул сильный ветер. Получаем приказание ЧВС вице-адмирала Руднева: с подготовленными участниками коллектива художественной самодеятельности «Ленинград» немедленно прибыть на крейсер «Держинский» (подготовка концерта художественной самодеятельности личного состава на встрече с министром обороны и была моим секретным заданием).

Переход министра обороны на наш корабль отменен из-за начавшегося шторма. Переход в море с корабля на корабль всегда связан с риском, тем более в шторм. У многих свежа в памяти

гибель египетского адмирала на прошлых учениях: едва он успел ухватиться за поручни трапа, как волна отбросила катер и адмирал оказался в воде между кораблем и катером. Новая волна ударила катер о борт корабля, раздавив адмирала. Конечно, рисковать в начинающийся шторм жизнью министра обороны никто не собирался.

Участников самодеятельности – офицеров, старшин и матросов переправляют на баркасе на «Дзержинский». Там уже собран личный состав корабля. И тут происходит непредвиденное: на полном ходу, словно боясь упустить возможность послушать концерт, подходит американский ракетный корабль и встает в центр круга. Наступает пауза. Все ждут. В наступившей тишине А.А. Гречко обращается к командиру крейсера: «Командир! Передайте командиру американского корабля... Вы – нахал, вы не на Бродвее. Убирайтесь вон!» Командир «Дзержинского», обращаясь к министру, спрашивает: «Чью поставить подпись, товарищ министр обороны?» Снова пауза. А.А. Гречко отвечает: «Командир». Идут томительные минуты. Наконец американский корабль снимается с якоря и уходит.

То, что я увидел на «Дзержинском», меня крайне удивило. В свите министра помимо адмиралов, генералов, маршалов, адъютантов и порученцев была личная секретарша – пожилая дама, и личная официантка – молодая красивая девушка. Личная официантка сопровождала и адмирала С.Г. Горшкова. Официантки одеты с иголочки в военно-морскую форму, хотя тогда на флоте девушки еще не служили. Помимо них с министром обороны прибыли еще две особы: Мария Биешу и прима-балерина Башкирского театра оперы и балета. (Мне пришлось ее уговаривать выступить второй раз – ее выступление понравилось Гречко, и член Военного Совета Руднев приказал мне уговорить балерину повторить танец.)

В заключение концерта был подготовлен, что называется на десерт, сюрприз. Дирижер, обратившись к зрителям, объявил: «Сейчас коллектив художественной самодеятельности

«Ленинград» исполнит песню «Вечер на рейде». Просим наших гостей и весь личный состав корабля спеть ее вместе с нами». Экипаж «Дзержинского» и гости поддержали хор. Адмирал С.Г. Горшков, сидевший рядом с министром обороны, не мог сдержать улыбки. Концерт удался. Я обратился к Рудневу: «Какие мои дальнейшие действия?» Руднев ответил: «Благодарю за проделанную работу. Переходите с коллективом на свой корабль, а завтра утром возвращайтесь на «Дзержинский», мы уходим в Севастополь».

На следующий день к 9.00 утра я уже на «Дзержинском». В 10.00 происходит встреча личного состава крейсера с министром обороны маршалом Советского Союза Гречко. Все свободные от вахты матросы, старшины и офицеры построены на палубе крейсера. Появляется министр в сопровождении Руднева. Руднев отходит в сторону. Гречко подходит к микрофону. Его первые слова: «Да... моряк из меня плохой...» По всему видно было, что он плохо переносит качку. Рассказав коротко о положении дел в мире, роли и задачах армии и флота, благодарит моряков за проведенное учение «Юг». Заканчивает министр выступление так: «Если бы вы знали, как тяжело быть министром обороны». Затем желает всем дальнейших успехов в выполнении задач по защите интересов страны здесь, в Средиземном море.

На разборе учения я не присутствовал, как и на приеме, где министр присвоил досрочное звание капитана I ранга командиру корабля. Крейсер снялся с якоря и в сопровождении нескольких кораблей взял курс к родным берегам. Так закончилась моя миссия, начавшаяся срочным вызовом к начальству. Почему выбор пал на меня, а не на кого-то из числа специалистов ансамбля песни и пляски или оркестра штаба флота, ясно. Нужен был человек, выход которого в море не вызывал бы никаких вопросов. До этого мне неоднократно приходилось выходить в Средиземное море во главе агитбригады (возглавлял такие агитбригады, как правило, лектор Политуправления). В данном случае так и было.

Возглавлял я выход в море и артистов драматического театра флота, в репертуаре которого были не просто отдельные сольные

номера, но и целые спектакли. Прием спектаклей на кораблях был потрясающим. Актеры театра, мужчины и женщины, – люди гражданские. Чтобы получить для них загранпаспорта, расписывали их по судам вспомогательного флота. Кого поваром, кого электриком, кого буфетчицей, посудомойкой и т. д. Но то были штатные артисты театра, а тут – личные официантки... Вспомнился граф Румянцев, возивший с собой в походы любовниц. Не хочу утверждать, что так и было и на учениях «Юг», но убежден в одном: такой необходимости не было! Но это вызвало недоумение у тех моряков, которые находились в море вдали от своих родных и близких от 3 до 12 месяцев в году.

В одном из своих выходов в море прибыл с ансамблем матросского клуба (это громко звучит – в нем всего 8 человек) на малый тральщик для чтения лекций и концерта. Экипаж – всего около трех десятков человек. Рады несказанно! Пошел двенадцатый месяц их пребывания на боевой службе. Нервы у каждого на пределе. К тому же им в третий раз отложили срок возвращения домой. Как говорили мне офицеры, день и ночь видеть целый год одни и те же лица очень трудно. «Если бы сразу, в Севастополе, сказали, что идем на год, настрой был бы другой. А тут остается два-три дня до получения сигнала возвращаться, приходит другой приказ: остаться еще на такой-то срок. С ума можно сойти!» – сокрушались матросы.

Какой осадок, какие чувства испытывали те, кто видел и слышал о кратковременном пребывании министра обороны в Средиземное море в окружении милых дам, нетрудно догадаться! Насколько мне известно, так не поступали ни Суворов, ни Ушаков, ни Нахимов, выдающиеся военачальники русской армии и флота.

ПОДИ... ДОКАЖИ!

Приходит ветеран Великой Отечественной, этакий божий одуванчик, к доктору. «Ну, с чем пожаловали?» – спрашивает лор. «Да вот я что-то глуховат немного стал», – шепелявит дед в ответ. «А что, разве полковник не найдет пять “штук” зеленых на хороший слуховой аппарат?» «Вы, доктор, шутить изволите? Сколько же мне лет не есть, не пить, чтоб такую сумму скопить?» «Ну ладно, папаша, обменялись мы с тобой шутками, теперь давай займемся твоею головой! Ранения были?». «Да так: царапнуло слегка, искры сыпались из глаз. Вошел осколок, окаянный, чуть выше лба, кружилась голова...»

Примерно в такой манере проходил мой разговор с доктором, когда я обратился по поводу ухудшения слуха на левое ухо. Рассказал ему, сколько раз был контужен, где и когда их получил и т. д. Он внимательно выслушал меня и сочувственно произнес: «Я не могу записать в вашей медицинской книжке об этих контузиях и ранении, поскольку у вас нет подтверждающих документов ни из медсанбата, ни из полевого госпиталя, а слово, сами понимаете, к делу не подошьешь».

Ну что тут скажешь? Без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек... Так, кажется, звучит неведомо когда родившаяся на Руси присказка. Ну, некогда мне было бегать в медсанбат, чтобы зафиксировать, что тебя оглушило до беспамятства взрывом бомбы, снаряда, мины. А теперь ветерану заявляют: «У вас нет документов о контузиях, а на “нет” и суда нет». И это говорится бывшему солдату стрелкового батальона, хотя понятно, что на передовой без контузий просто невозможно было обойтись.

Конечно, здесь на первый план выступает морально-нравственная сторона – дело чести и совести как ветерана, так и чиновника. Другое дело ранения, в результате которых были изуродованы конечности или остались большие шрамы на теле. Тут вроде все ясно. Но с другой стороны, была масса случаев, когда боец получал ранения, не связанные с опасностью для жизни, и не покидал поля боя.

Сейчас я хорошо представляю, как трудно, практически невозможно, доказать, что ты имел ранение, если сразу не обратился в медсанбат. Выше я писал, что перед прорывом первой линии обороны под городом Дмитровском-Орловским был ранен наш командир роты И.Ф. Дризац. Мне пришлось оказывать ему экстренную помощь. После прорыва третьей линии обороны уже на подступах к городу он погиб. А если бы остался жив? Чем и как он мог бы доказать, что именно на фронте получил это ранение? Любой врач мог ему возразить: «А может, вы в детстве наткнулись на какую-то железяку!»

Вот почему, однажды заикнувшись о своем ранении, я на многочисленных диспансеризациях во время службы не рассказывал о своих контузиях и ранении. На вопросы докторов о контузиях и ранениях отвечал: «Были, но у меня нет документов на них». Но однажды, что называется, бес попутал. Как-то пришел в Люблинский райвоенкомат Москвы по своим пенсионным делам. Человек, который занимался личными делами, оказался отставником, участником войны. На его вопрос о ранении ответил как обычно: «Был ранен, но у меня нет доказательств. Я давно махнул рукой на это». «Напрасно вы это делаете», – сказал он и начал перечислять мне, что я теряю от этого как пенсионер Министерства обороны. И надо же было такому случиться, уговорил меня пойти к судебно-медицинскому эксперту на обследование. Выписал мне направление.

За свою жизнь я не видел учреждения в нашей стране, где бы не было очередей. В очереди к эксперту передо мной оказались двое смуглых мужчин лет тридцати пяти – то ли с Кавказа, то ли из Средней Азии. Оба небольшого роста, крепкого телосложения, в добротных кожаных куртках. Они о чем-то тихо беседовали на родном языке. У обоих открытые округленные лица, я по привыч-

ке попытался запомнить, за кем стою в очереди. На случай, если потребуется отлучиться на перекур.

Подошла их очередь. Один из них успел только войти и закрыть за собой дверь, как тут же вернулся. Очевидно, судмедэксперт попросил его снять верхнюю одежду. Снимая свою кожаную куртку и передавая ее своему напарнику, он вытащил из внутреннего кармана две толстые пачки денег и переложил их в карманы брюк. Минут через 15–20 он вышел из кабинета с выражением благополучного исхода дела на лице.

Я зашел в кабинет. Судмедэксперт – женщина средних лет. Подал ей направление из военкомата. Пробежав глазами направление, она обратилась ко мне: «Ну, показывайте, где было ранение». «Да вот, доктор, – начал я. – Осколок примерно с зерно пшеницы вошел под кожу чуть выше лба, потом массажистка обнаружила его в районе шейных позвонков. Куда ушел дальше, не знаю». «Ну, давайте посмотрим. Покажите пальцем, в каком месте вошел осколок». Показал. Вы думаете, она взяла лупу, чтобы рассмотреть это место?! Ничего подобного! Мельком взглянула и вынесла вердикт: «Я ничего здесь не вижу. Прием окончен».

Я не знаю, существует ли высокочувствительная медицинская аппаратура, способная определить наличие металла в организме человека. Если такой аппаратуры нет, так и скажи, а если есть, то почему не направила меня в медучреждение, где она имеется? Чем объяснить такое отношение к ветерану Великой Отечественной войны? Равнодушием или отсутствием практической выгоды от такого клиента? Не мне судить.

Пишу об этом так подробно совсем не для того, чтобы поплакаться в жилетку или добиться всеми правдами и неправдами льгот, полагающихся тому, кто имеет ранения и контузии. Кроме здоровья, которого, увы, нет и которое ни за какие деньги не купишь, мне ничего уже сейчас не надо. Тогда для чего я вспоминаю об этом, спросите вы. Прежде всего для того, чтобы нынешний и завтрашний защитник Отечества знал и фиксировал у медиков свои ранения и контузии, иначе потом всегда найдется чиновник,

который скажет ему: «Поди докажи, что ты “не верблюд”, а честный человек».

Вот написал, и на душе стало как-то не по себе, словно какую-то пададь засунул себе в душу. К чему призываю будущего защитника Родины? Оставить в бою сослуживцев и бежать за «бумажкой»? Ведь это мерзко, гадко, низко! Но у меня нет варианта решения этой проблемы: как и честь сохранить, и подтверждение получить, что был ранен или контужен, но поле боя не покинул. Так что поступай, будущий воин, по своему усмотрению. А я готов пройти процедуру проверки на аппаратуре, способной определить наличие металла в организме человека. Только вот один «нюанс»: заплатить за такую процедуру из своей, мягко говоря, «тощей» пенсии я не в состоянии при нынешних ценах за медицинские услуги. Другого пути подтверждения достоверности описанного выше у меня нет, и тебе, уважаемый читатель, предоставляю право принимать решения, если, не дай Бог, придется по своей совести.

В русской армии честь и достоинство офицера всегда были превыше всего. К счастью, они еще не безнадежно утрачены у бывших советских и ныне российских офицеров и солдат, чего не скажешь о нынешних чиновниках. Но, как изрек известный болтун и демагог, «процесс пошел». И он, этот процесс, продолжает идти. Метастазы морально-нравственного разложения в армейской среде пошли и вширь, и вглубь. Примеров тому масса.

Вот один из них: военачальник совмещал военную службу и бизнес (содержал птицефабрику и колбасный цех). Было ли у него время заниматься обезвреживанием какой-то там бандитской группировки на Кавказе, если как раз в это время достраивался его второй особняк, а на его птицефабрике комбикорм заканчивался. Но самое невероятное, что и в Думе, и в Кремле, и в Прокуратуре поверили детскому лепету этого военачальника о том, что и птицефабрика, и колбасный цех принадлежат вовсе не ему, а его... жене. А я уверен, что подчиненные такому начальнику не верят. И тем более не поверит ему будущий призывник.

ИЗ АТЛАНТОВ — В... ГНОМЫ

Как относиться к человеку, который становится рабом какой-то идеи? Посочувствовать ему, пожелать скорейшего выздоровления. Ну а если человек сознательно игнорирует очевидные, неопровержимые факты, невольно возникают вопросы: зачем, почему? Когда это делается по неразумению – тут все понятно. А если это делается сознательно, преднамеренно? В таком случае он либо преследует корыстные цели, либо «поет» с чужого голоса. Этих «певцов» совершенно справедливо называют политическими проститутками.

Именно такой фигурой предстал на телеэкране в первых числах марта 2006 года господин Эдвард Радзинский. Более часа метал он громы и молнии, потрясал воздух кулаками. Если ты историк, исследователь, то обязан говорить правду и ничего кроме правды. Ничего положительного не нашел он в истории страны – Советского Союза. Даже договорился до того, что Второй фронт открыла, по сути дела, еврейская диаспора США. Ври, да знай меру! Для меня, солдата той войны, подобное утверждение оскорбительно! Но не во мне, конечно, дело!

Радзинский забыл о той высокой оценке, которую дали политические и государственные деятели разных стран Советскому Союзу в разгроме фашизма! У него не нашлось ни единого слова о вкладе СССР в отстаивание мира в борьбе с новоявленными претендентами на мировое господство! Возможно, он не знает или забыл о речи Уинстона Черчилля в Фултоне в 1947 году! Как бы не так! Его выступление в годовщину смерти И.В. Сталина было всего лишь предлогом. Для чего? Для того чтобы оказать давление на избирателей на Украине и в Белоруссии, нагнать на них побольше страха.

Только этим можно объяснить, почему в своем выступлении он рассматривал только одну сторону деятельности Сталина – негативную. Кто заказчик? Догадаться нетрудно. «Заказ принял. Заказ исполнил! Гоните доллары, господа!» Не согласны, господин Радзинский? Докажите свою правоту! В свою очередь я докажу, что это именно так и есть.

Предварительно сделаю небольшое отступление, рассказав об одном эпизоде из моей фронтовой жизни. Стою в траншее на посту в охранении. Тихо, спокойно, обстрела нет. Подходит по траншее ко мне какой-то офицер. Нет, не по погонам определил. По форме одежды – плащ-накидка, сапоги и т. д. Здоровается и начинает разговор: «Ну что? Молчит немец?» Отвечаю: «Я недавно заступил, пока молчит». «Да, плохо, когда он молчит. И не знаешь, что он затевает, – продолжает офицер. – Ну да ладно! Давай закурим». Угощает меня. «А как дела дома? Давно получал письмо?» «Да, – отвечаю, – уже давненько». «Плохо, когда ничего не знаешь. Нам тоже, солдат, не сладко, когда нет вестей!» Затем продолжает: «Давай договоримся так. Ты будешь рассказывать, как и что у вас между собой в роте, кто и о чем говорит».

Тут до меня дошло, куда он клонит, беседуя по душам. «Знаете, – говорю я ему, – это не в моем характере и делать я этого не могу». «Тогда считайте, этого разговора у нас с вами не было. И о нем никто, подчеркиваю – никто не должен знать». «Есть», – отвечаю. Так информатор, или «стукач», из меня не получился. Не берусь утверждать, что вы, господин Радзинский, стали стукачом, но то, что вы «пели» с чужого голоса, выполняя заказ, – это совершенно очевидно. Я знаю, какой была жизнь человека при Советской власти и какую оценку давали роли Советского Союза в борьбе за мир, его достижениям в эпоху социализма. «Знаем, какие это были “достижения”», – возразите вы. Что ж, принимаю ваши возражения. Они, эти возражения, только подтверждают известное изречение: «Офицерская вдова сама себя высекла». Своим выступлением вы, господин Радзинский, себя же высекли и разоблачили.

По долгу службы мне приходилось встречаться с разными людьми – не только советскими, но и иностранцами. Среди них Расул

Гамзатов, Ян Френкель, Аркадий Первенцев, Леонид Соболев, Екатерина Фурцева, композитор Дашкевич, французский писатель Луи Арагон, греческий композитор Микис Теодоракис, генсек компартии Канады Уильям Каштан, генсек компартии Уругвая Родней Арисменди. Встречался и выступал с лекциями перед офицерами Болгарии, Румынии, Индии, Индонезии, Египта, Сирии. Было много встреч и с простыми людьми: французами, итальянцами, американцами, арабами. Их мнение о Советском Союзе мне известно. Были встречи и с теми, кто не питал симпатии к нашей стране, и с теми, кто был настроен враждебно.

Вспоминаю концерт Ансамбля песни и пляски Краснознаменного Черноморского флота в зале «Плиель» в Париже. Антракт. Выходим с работником Советского посольства в фойе. Он знакомит меня с пожилой дамой, личным секретарем командующего флотом Франции. Вижу, за нашей беседой наблюдает пожилой мужчина крепкого телосложения. Раскуривает свою трубку, рука слегка дрожит. Явно волнуется, не решается подойти. Раскланиваюсь с дамой. Боясь упустить момент, мужчина вынимает трубку изо рта и направляется ко мне. Видна его хорошая выправка. Прищелкнув каблуками, обращается ко мне: «Здравия желаю, господин полковник!» Протягивает руку. Спрашиваю: «С кем имею честь?» Чеканя слова, на одном дыхании произносит: «Бывший офицер армии Врангеля!» Чтобы не допустить неловкой паузы, задаю ему вопрос: «И что, по-прежнему ведете борьбу против советской власти?» «О нет, господин полковник! То была ошибка молодости!» «А как вам понравился наш концерт?» Он поднимает вверх большой палец правой руки. На том и разошлись.

С Расулом Гамзатовым и Яном Френкелем мне довелось провести две недели, как выражаются в военной среде – от подъема до отбоя. Их выступления на встречах на кораблях и в частях с личным составом флота, с горожанами Севастополя оставляли неизгладимое впечатление. В том числе и их поведение. В течение этого времени мне ни разу не удалось уловить ни единого намека на их высокий статус. Между тем Расул Гамзатов, например, был членом Президиума Верховного Совета СССР.

Совершенно иначе вел себя писатель Аркадий Первенцев. В один из вечеров в кабинете начальника Дома офицеров флота (как раз я дежурил) раздается звонок: «Это говорит депутат Верховного Совета, писатель такой-то». Я представился. «Что-то я не найду никого на флоте. Ни командующего, ни члена Военного Совета». «Они, – решил пошутить я, – не докладывают, куда убывают». «Ну, хорошо, – продолжает он. – Послезавтра я выезжаю из Москвы до Симферополя в международном вагоне с супругой в Дом творчества в Ялте. Хотел бы показать жене Севастополь... Пришлите за нами в Симферополь машину и закажите номер люкс в гостинице». Отвечаю: «Гостиницу, конечно, закажем. Что касается машины, то этого сделать не могу. У меня машины нет». «Тогда доложите своему начальству, чтобы прислали».

На следующий день докладываю первому заместителю члена Военного Совета адмиралу А.А. Пасхину. Тот выслушал мой доклад, попросил уточнить, правильно ли он понял, что писатель едет не на флот, а в Дом творчества. Я подтвердил. «Ну что же, пусть берет такси и приезжает. Это его частная поездка». «Разрешите идти?» «Идите, только проинформируйте начальника отдела пропаганды Лезина».

Захожу к Михаилу Ивановичу Лезину, капитану I ранга, докладываю. «Пусть себе едет. Почему мы должны его встречать и посылать машину, если едет отдыхать. Сделать любезность, заказать гостиницу – другое дело». «Да я уже заказал», – отвечаю. Только я собрался выйти из его кабинета, Лезин говорит: «Подождите...» Надо сказать, Михаил Иванович Лезин – человек исключительно образованный, всесторонне развитый, обладающий чувством юмора. Командующий Черноморским флотом адмирал Чурсин всегда брал его на встречи с иностранными делегациями.

Так вот, снимает Лезин телефонную трубку, звонит ответственному редактору флотской газеты капитану I ранга Беловусько: «Нам поступил сигнал: на флот прибывает писатель Аркадий Первенцев... Зачем? Да кто вас знает, щелкоперов. Прибывает к тебе в редакцию. Встречай. Гостиницу ему уже заказали». Редактор попытался отбиться от такого «гостя», но Лезин, улыбаясь, кладет трубку.

Мне захотелось воспользоваться приездом писателя и организовать его встречу с офицерами флота. Нашел его с супругой в гостинице, попросил выступить в ДОФе перед офицерами. Договорились с условием, что мы привезем и отвезем его обратно в Ялту. Позвонил в таксопарк, заказал на 8.00 такси до Ялты. Прихожу утром в гостиницу. Первенцев в ярости ходит взад-вперед по вестибюлю. Жена с чемоданами тоже в вестибюле. Оказывается, прибыла какая-то иностранная персона. Писателя и его жену подняли чуть свет и выселили из люкса. С гостиницами тогда было туго, а уж о номерах люкс и говорить не приходится. Подходит ко мне: «Поехали! Где машина?» Отвечаю: «Служебной машины нет». «Как нет? Дайте телефон адмирала!» Отвечаю, что адмирал Пасхин все знает и машины не выделил, а такси стоит. Я уже вызвал». Садясь в такси, вместо слов прощания произносит: «О том, чтобы выступить у вас, – и речи быть не может». Вот такой «слуга народа».

В советское время подобные «динозавры» были крайней редкостью. Отозвать такого «слугу народа» в те годы в стране атлантов было практически невозможно. А как обстоит дело сейчас, в эпоху всеобщей народной демократии? Стало еще хуже. Укрылись «слуги» за неприкосновенностью. Что это за «штука» и с чем ее «едят»? Не стану обращаться ни к энциклопедии, ни к Интернету. С точки зрения русского языка это слово означает «не прикасаться, не трогать».

А как же Конституция, в которой черным по белому написано, что перед законом все равны? Принятый закон о неприкосновенности противоречит статьям Конституции о равенстве граждан. Уважаемые господа из Конституционного суда! Не пора ли отменить статус неприкосновенности для депутатов? Пока будет существовать такой закон, он будет служить лазейкой для убежища алчных гномов, а говоря проще – воров, расхитителей и преступников. Нынешний и завтрашний защитник Отечества все это видит и понимает. И это, безусловно, негативно сказывается на его отношении к службе.

В жизни все взаимосвязано. Каково положение в стране – таково и в армии. Внешне нынешние слуги народа куда более демократичны. Но что-то не припомню, чтобы депутаты Госдумы созвали

экстренное заседание в защиту граждан, вынужденных объявлять голодные забастовки. В то же время слуги народные втихую, без трансляции заседания нашли средства и увеличили себе зарплату сразу в два раза. Понятно, своя рубашка ближе к телу.

Какой они подняли шум по поводу преступления сержанта в Челябинском танковом училище! Согласен, преступник должен отвечать за свои действия. Но почему вы, господа-думцы, не пресекаете издевательство над своими избирателями тех, кто не платит им заработную плату. Тут уж речь идет не о единичном случае, а о ежегодных задержках, случающихся в разных местах страны. Мне возразят: «Таковыми фактами занимается прокуратура». Да, так поступает и военная прокуратура. Но вы, господа-депутаты, вызываете «на ковер» в Госдуму армейское начальство и на весь мир транслируете это. Но не было ни одного случая, чтобы вы вызвали на тот же ковер гнома-жулика, хозяина какого-либо предприятия, и показали народу: вот он, хапуга! Таков и ваш расчет, господин Радзинский.

У вас, господин Радзинский, конечно, во сто крат было больше встреч с разными людьми за рубежом и вы не могли не слышать от своих собеседников их мнения о Родине. Это еще раз подтверждает вашу необъективность в оценке истории страны и роли Сталина. Вы не забыли, с чего началось преобразование страны по пути социализма? С разрушения церквей, уничтожения целого слоя зажиточного крестьянства и т. д. Что было, то было! Гениальность и глупость человека беспредельны в равной мере. И если вы ведете речь только о глупости, то и не утаивайте другую черту человечества.

Не думаю, что вам неизвестно содержание беседы И.В. Сталина с американским послом господином Буллитом в 1934 году. Принимая его, Сталин сказал: «Не могли бы вы, господин посол, довести до Президента США просьбу Советского правительства?» «В чем заключается эта просьба?» – спросил посол. Сталин продолжил: «Мы знаем, что в Штатах идет замена рельсов на железных дорогах. Не могли бы США продать нам эти старые стальные рельсы». На вопрос посла, зачем они нужны СССР, Сталин ответил: «Мы, конечно, разобьем милитаристскую Японию, если она нападет на

нас, и с одной колеей железной дороги, но с двумя нам будет это сделать легче. Мы готовы заплатить за эти старые рельсы золотом».

Не знали об этом? Может быть, вам неизвестно и многое другое, что было сделано в стране перед Великой Отечественной войной? Весь мир восхищался грандиозными стройками того времени. Вы скажете: «Беломорканал построен на костях заключенных». «Да, но Магнитка, Комсомольск-на-Амуре и Днепрогэс созданы энтузиазмом и инициативой молодежи», – ответу вам. Это тоже было при Сталине! Зачем же вы выпячиваете все негативное, сознательно умалчивая о достижениях, восхищавших весь мир. Таким образом, ваш подход к роли Сталина не только необъективный, но и клеветнический. Ваше вступление преследовало определенную цель – запугать избирателей на Украине и в Белоруссии. Не дали бы вам задание построить свое выступление именно с этой целью, оно не состоялось бы!

А теперь обращаюсь к вам, господин Радзинский, как к историку-исследователю! Рассмотрим три периода, три временных отрезка из истории страны: от окончания Гражданской до начала Великой Отечественной войны, от 1946 года до начала так называемой перестройки и от перестройки до наших дней. Количество лет между ними примерно одно и то же. А каковы результаты? Не буду утомлять читателя перечислениями позитивных достижений страны за первые два периода. А вот позитив третьего периода можно охарактеризовать как «очевидное» и «невероятное» – это практически большая дырка от большого бублика.

Сравнивая свою жизнь в первые два периода с жизнью в третьем, перестроечном периоде, ощущаешь будто тебя перебросили из «страны атлантов в страну гномов». Гномов алчных, кровожадных, не знающих преград на пути преступлений. Если в годы первых двух периодов мир относился к нашей стране с удивлением, восхищением и уважением, то в третьем – о нее стали вытирать ноги, стараясь если не ударить, укутить, то хотя бы ущипнуть или твякнуть на нее, как моська. Вот только жаль, что «слона»-то и не стало. Зато шавок хоть отбавляй со всех сторон, в том числе и замороженных.

Строек нет, медицина и образование в упадке. Растут безработица и нищета, беспризорность, преступность, наркомания, а коррупция охватила всю государственную структуру снизу доверху. Всего этого вы не видите! Людей, копающихся в мусорных баках, тоже не видите! Полно лукавить, господин Радзинский. Даже после Великой Отечественной войны такого не было. А если верить статистике, то доходы граждан сейчас растут, увеличиваются сбережения в банках на душу населения! Сам того не зная, я стал миллиардером. Да, да! В среднем у нас с Абрамовичем по восемь миллиардов долларов на каждого!

Вот вам и Юрьев день, господин Радзинский. А теперь, господа чиновники всех мастей, в том числе чиновники из Кремля и Генштаба, позвольте спросить: что принесет в армию будущий защитник, родители которого (повторяю) выросли сами в столь «процветающее» время, родили, вырастили, воспитали себе подобного гражданина и воина?

Почему все это происходило и происходит? В первые два периода природные национальные богатства и полученная от них прибыль использовались не только на гонку вооружений, но и на содержание компартий, на обучение кадров, обеспечение оружием и боевой техникой дружественных стран, на всемерную поддержку национально-освободительного движения в Африке, Азии и Латинской Америке.

Все было направлено на развал колониальной системы, на мировую революцию. Иначе говоря, колоссальные средства уходили на сторону. Говорю об этом совсем не в оправдание. У руководства страны не хватило ума претворить в жизнь ленинский завет: свое воздействие на мир капитализма оказывать реальными успехами в хозяйственной деятельности.

Куда идут колоссальные средства от реализации национального достояния в виде нефти, газа и прочих сырьевых ресурсов в настоящее время, всем известно. В хоре злопыхателей и политических проституток вы стали солистом, и мне слышится буря оваций в вашу честь, господин Радзинский, из-за океана!

Помните, как отреагировал народ на акт наделения его земель царским указом. «Вы землю просили, я землю вам дал. А волю на небе найдете». А сегодня эта песня звучит несколько иначе: «Свободу просили, свободу вам дал, а пищу на небе найдете».

Будет ли достойно защищать такую «свободу» будущий воин страны? Это еще бабушка надвое сказала. Войны в современную эпоху стали массовыми, и без должной подготовки всей молодежи страны в физическом и морально-нравственном отношении не обойтись. Оставить молодежь без такой подготовки и надеяться только на контрактников – пустые надежды. «Мы мирные люди, и наш бронепоезд...» На собственной шкуре испытал в годы войны, на каком пути он оказался.

«Дай Бог, чтоб милостью небес, рассудок на Руси воскрес. Он что-то, кажется, исчез». Неплохо бы всем чиновникам вспомнить это предостережение Александра Сергеевича Пушкина. В истории войн вряд ли найдутся примеры массового героизма, подобные подвигу советского народа в Великой Отечественной войне. В стране гномов вряд ли героизм будет таким массовым, как в годы этой войны. А от беды и напасти никто не застрахован, тем более что раскаты грома все явственнее и явственнее слышны у границ Родины.

В бушующем океане войн и конфликтов XX века удалось не только сохранить и отстоять свободу и независимость нашей страны, восстановить ее из руин, но и вывести в число мировых держав. И сделать это нашему народу удалось под руководством действительно выдающейся личности, роль которой отрицать невозможно, ибо факты – упрямая вещь, если подходить к истории честно! Это Сталин, который сумел привлечь бывших противников – Англию и США – к разгрому фашизма, угрожавшего существованию человеческой цивилизации.

А что сейчас? За 16 лет перестройки мы так и не достигли нашего же жизненного уровня 1980 года! И еще: если бы Англия выворачивала наизнанку свое «белье» колониальных войн, ей не хватило бы и тысячи лет, чтобы отмыться от своего прошлого. Но она не делает этого в отличие от российских «правдоискателей».

П О С Л Е С Л О В И Е

Вот и поставлена последняя точка в моем повествовании. Совсем не претендую на истину в последней инстанции. Но это мое, сугубо личное мнение о прошлом и настоящем, о связи прошлого с настоящим.

Поначалу, в 1960-е годы, восстанавливая по памяти факты и готовя по архивным данным МО СССР материалы, хотел дать этой книге воспоминаний название «Как солдат солдату». Собирался описать свое участие в боях, фронтовую жизнь солдата на личном примере, рассказать о мужестве и героизме реальных людей, своих однополчан. Но вовремя задумался: о конкретных подвигах участников боев столько написано и в мемуарах, и в художественной литературе, что мне вряд ли удастся добавить что-то больше и лучше. И вот все настойчивее в моем сознании стал вырисовываться другой замысел. А почему, собственно, надо писать только о подвигах?! Были же и другие факты, случаи и события, нередко и негативного характера. Тогда, в советское время, никто бы не позволил мне сказать всю правду о пережитом и виденном. Потому и отказался от намеченного названия.

Наступила перестройка: пиши говори что хочешь! Писать в том же ключе о героизме с добавлением «негатива», игнорируя модную ныне клевету на Великую Отечественную войну, я не имею права перед памятью павших однополчан. Решил дать воспоминаниям другое название: «Из страны Атлантов в страну Гномов». Но и оно не совсем верное. Прежде всего потому, что Россия не была страной атлантов до революции. Она стала ею только в годы Советской власти. Не став

страной атлантов, СССР не спас бы мир от коричневой чумы – фашизма. Разве можно это отрицать? А чем страна стала сегодня, в результате перестройки? Во что превратили ее полчища гномов, паразитирующих на теле народа и государства, искажающих историю страны и глумящихся над армией. Оставить все это без ответа – значит предать павших товарищей. Очернение своей истории – не что иное, как святотатство! Перед павшими за Родину всегда и везде склоняли головы!

Ему бы поклониться надо
И в жуткий зной, испепеляющий
Солдата плоть и душу,
В осенний, нудно морозящий дождь,
В жестокую российскую пургу и стужу
Не шли, а с перебежками ползли
Под градом пуль, осколков и снарядов.
Порой срывались невзначай из уст слова:
«Я больше не могу... Возьми, о Боже, мою душу!»
Но мысль сверлила твердо: «Надо!»
И шли, ползли, ползли и шли,
Все сердцем и душою понимая: «Надо».
Какою тяжкою была та ноша в слове «надо»,
Понять ее лишь сможет тот,
Кто хоть один хлебнет глоток
Родной болотной или пахотной, чернее черной сажки, жижи, грязи!
И наконец, через четыре долгих года
Она пришла... нет, не пришла...
Ее принес через потоки крови,
Через страдания и море слез
Ту долгожданную Победу наш солдат.
Он выполнил свой долг в том слове «надо».
И не грешно ему за то,
Как прежде на Руси бывало,
Всем честным людям на Земле
До пояса бы поклониться надо!

Потому и решил дать своим воспоминаниям другое название, то, которое стоит на титульном листе.

Испытав на себе тяготы Великой Отечественной войны, могу сказать, что нам, ветеранам той войны, было и труднее, и легче, чем воинам Афганистана и Чечни. Материально-техническое оснащение, вооружение и экипировка солдата той войны (достаточно вспомнить неутепленные ботинки с обмотками), безусловно, не идет ни в какое сравнение с теперешним. Я уже не говорю о питании солдата тогда и сейчас. Практически весь 1943 год мы владели полуголодное существование при огромнейших физических нагрузках.

Не знаю, как обстояло и обстоит дело с точки зрения санитарии и гигиены солдата в боевой обстановке сейчас, но могу с полной ответственностью сказать, что в годы Великой Отечественной войны санитарии практически не было (за год и восемь месяцев на фронте «помыться» теплой водой удалось считанные разы, а сменить белье – всего три раза!).

Совсем иное дело – нравственный аспект. Не хочу умалять заслуги, честь и достоинство ветеранов Афганистана и Чечни, но в морально-нравственном отношении нам, ветеранам Великой Отечественной войны, было гораздо легче, чем им. Мы знали, что называется, на все сто, за что воюем, бьемся, страдаем!

Воевали мы не за награды,
Воевали не за славу-похвалу.
Бились мы с врагом
За Отчий дом!
За Честь!
За Родину свою!

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

На гвардии старшего сержанта ДОРОХОВА Александра Михайловича, 1924 года рождения, русский, член ВКП(б), образование 10 классов. В Красной Армии с 1942 года июля месяца, был призван в ряды курсантов Симферопольского пулеметного училища город Балаков, которое не закончил и был направлен в 37 гвардейскую стрелковую Речницкую дважды Краснознаменную орденов Суворова и Кутузова дивизию в 111 гвардейский стрелковый полк рядовым минометчиком роты. В феврале 1943 года участвовал в боях на Центральном фронте в районе Вегас-ней и Нижней Кубани, где проявил себя выносливым и стойким в борьбе с врагом в зимних условиях. В августе 1943 года участвовал в прорыве немецкой обороны в районе города Дмитрий – Орловский и Севск, где так же проявил себя храбрым воином и примерным комсомольцем. По окончании прорыва был направлен в учебный батальон 37 гвардейской стрелковой дивизии. В Учебном батальоне тов. ДОРОХОВ был примерным курсантом и по окончании курса обучения, как лучший, был оставлен в учебном батальоне в должности командира отделения со званием старший сержант.

В декабре 1943 года в районе Паричей – Раковичи, где учебный батальон отбивал контратаки крупных сил пехоты и танков противника. Товарищ дорохов управляя огнем своего миномета проявил исключительную стойкость и умение бить врага по – гвардейски.

За бои в районе деревни Раковичи награжден правительственной наградой орденом "Отечественная война II-й степени". В учебном батальоне товарищ ДОРОХОВ подготовил 15 достойных младших командиров, которые находясь в линейных подразделениях в большинстве заслужили высокие правительственные награды.

19 сентября 1944 года.

п.п. КОМАНДИР ОТДЕЛЬНОГО 111 УЧЕБНОГО СТРЕЛКОВОГО
БАТАЛЬОНА
ГВАРДИИ МАЙОР ХОЛОПОВ

п.п. ЗАМ. ПО ПОЛИТЧАСТИ КОМАНДИРА ОТДЕЛЬНОГО
ГВАРДЕЙСКОГО УЧЕБНОГО СТРЕЛКОВОГО БАТАЛЬОНА
ГВАРДИИ МАЙОР

С боевой характеристикой
37 гвардейской стрелковой дивизии
Суворова и ордена Кутузова
19.9.1944гг.п.п. ПОДПОСЫЛКИ
Верно: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА КАДРОВ
КАПИТАН 2 РАЙОНА

Начальник политотдела
Краснознаменной ордена
(ОМНОВСКОЕ)
И.И. КАЛЫСОВ

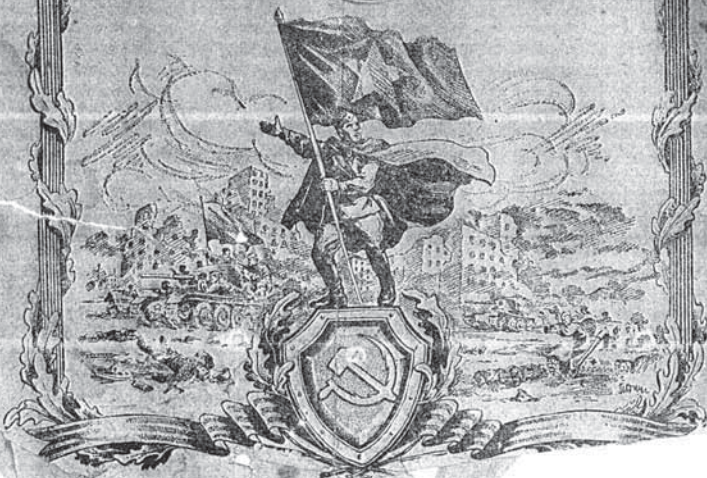
27.07.44

Гвардии младший сержант
(военское звание)
Дорихов Александр Михайлович
(фамилия, имя, отчество)

За отличные боевые действия Вам, участнику боя за освобождение от немецко-фашистских захватчиков города и важного железнодорожного узла **ОСИПОВИЧИ**, приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища **И. В. Сталина** от 28 июня 1944 года объявлена благодарность.

Командир части

Гвардии старший сержант
(военское звание)
Дорожков Александр Михайлович
(фамилия, имя, отчество)

За отличные боевые действия Вам, участнику боя за овладение областным центром Белоруссии — городом **БАРАНОВИЧИ** — важным железнодорожным узлом и мощным укрепленным районом обороны немцев, — приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища **И. В. Сталина** от 8 июля 1944 года объявлена благодарность.

КОМАНДИР ЧАСТИ
Григорьев / *Колотов*

194080002

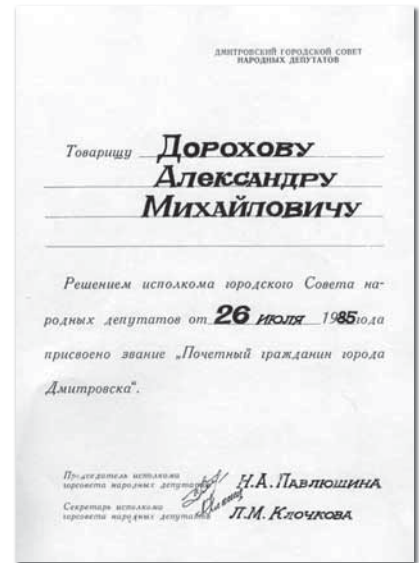
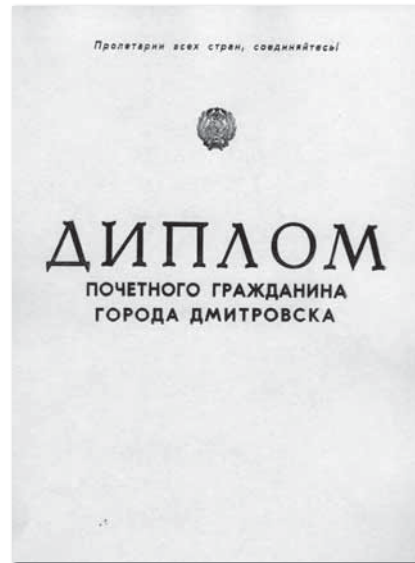
НКО
 Пилевая Почта, 1977
 17 августа 1944 г.

Справка
 Настоящим удостоверяется
 что сержант старший
 Дорохов Александр
 Михайлович за образцовое
 выполнение боевых заданий командования
 на фронте борьбы с немецкими захват-
 чиками и проявленные при этом доблесть
 и мужество награжден орденом
 "Отважный боец войны" 2-й степени.

Основание: Приказом с/ком 19-го артиллерийского кор-
 пуса № 46/н от 10 января 1944 года
 Старший сержант Дорохов Александр Михайлович в наставлении
 Совет депутатов трудящихся 9-го полка 19-го артиллерийского
 полка согласно общего положения об орденах
 Союза ССР и указаний Президиума
 Верховного Совета Союза ССР
 именуемый от 17 января 1944 года

Наказание
 в. ст. 1-11

С. И. [подпись]

Слушатель первого курса Военного института иностранных языков.
Москва, декабрь 1944 г.

После увольнения в запас в 1978 г. А.М. Дорохов с внуком Александром

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОМУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
№ 4753969 *

Фамилия Дорохов
Имя и отчество Александр Михайлович
Год рождения 1924
Время вступления в ВЛКСМ 8 Марта 1939
Наименование организации, выдан билет Каминцевск. районской комсомольской орг.
Место жительства г. Ленинград
Фотокарточка Каминцевск. районской комсомольской орг.

Уплата членских взносов за 1938 г.

Месяц	Мес-ч-ный за-работок	Членск. взнос	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

А.М. Дорохов с семьей

А.М. Дорохов на месте разрушенной церкви в деревне Хлебтово

На праздновании 60-летия Победы в г. Дмитровске.
Е.С. Строев и глава администрации района И.Д. Колбасов,
сохранившие пионерские организации

Дорохов Александр Михайлович

Прошу слова...

Ответственный за выпуск *О.П. Бардова*
Верстка *М.В. Петрова*
Редактор *Л.С. Климович*
Корректоры *И.В. Васильева, Л.А. Сашенкова*

Институт экономических стратегий
Издательский центр: +7 (495) 234-4693
E-mail: ines@inesnet.ru
www.inesnet.ru

РПП ИНЭС Р15/07

Тираж 1000 экз.

Дорохов А.М.
Д695 Прощу слова... / А.М. Дорохов. – М.: Институт экономических стратегий, Международная академия исследований будущего, 2007. – 176 с.
ISBN 978-5-93618-130-6

В книге воспоминаний и размышлений Александра Михайловича Дорохова – такая необходимая в наше очерствевшее время правда о человеке на войне, о Героизме и трусости, Чести и бесчестии, о времени минувшем и настоящем, его уроках на будущее.

УДК 82-311.6
ББК 84(2)-44